

В номере:

Священная война

Анатолий Подопригора. **Героям – Вечная Слава!** 3

Проза

Георгий Каюров. **Долгое прощание** 6

Валерий Стрелков. **Человек из-под поезда** 17

Иван Евсеенко. **Поющие пески** 23

Эльдар Бадырханов. **Месяц Марса** 45

Переводы

Ион Прока. **Сосланные** 62

Поэзия

Александр Курочкин 76

Галина Згибарцэ 77

Анна Козырина 79

Эраст Волянский 81

Литература для детей

Павел Казачинский. **Необычная дружба** 83

Дневник путешественника

Алла Ступина. **К волшебным берегам** 85

Лаб-рия сатиры

Вячеслав Овчеренко. **ХОХ-МАЧО-2** 92

Соотечественники

Пресс-центр ФМС РФ в РМ 94

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Малдофа, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Анатолий ПОДОПРИГОРА

Героям – Вечная Слава!

Очерк

Мемориальный комплекс «Шерпенский плацдарм»

О поездке в Шерпены я узнал задолго до 24 августа и с нетерпением ждал этого дня. Наконец позвонили – собираемся у Мемориала «Вечность» в 8.30 утра для возложения цветов. Людей собралось много. От молодежи и до ветеранов. Благо день выдался солнечный и субботний. Ветераны войны, у каждого из которых десятки орденов и медалей, выглядели торжественно и скромно. Даже слишком скромно. Скажу об этом ниже.

Мне захотелось побеседовать хоть с кем-нибудь из ветеранов. Знакомлюсь с Антоном Никитичем Николенко, 1924 года рождения. Антон Никитич на фронте с 1943 года. В составе 2-го Украинского фронта форсировал Днепр. Воевал на 1-м Прибалтийском, 3-м белорусском фронтах, трижды ранен. Военная биография Антона Никитича еще та, скажу я вам. И этот человек выжил всем смертям назло.

Еще один наш герой – Федор Георгиевич Матюшко. Это ветеран войны от кавалерии. На войну ушел восемнадцатилетним юношей. Воевал в составе 189-го эскадрона 4-го кавалерийского корпуса. С боями из Львова дошел до Будапешта. Обо всех, конечно, здесь не расскажешь. О каждом из них можно писать, если не романы, то повести точно. Скажу еще об Андрее Харитоновиче Гуцане. На войну ушел в 1944 году, также восемнадцатилетним юношей. Ушел со своим отцом, который с войны не вернулся.

Это как-то особенно меня затронуло. Андрей Харитонович воевал в составе 1-го Белорусского фронта у Жукова, и это было подчеркнуто с некоторой долей гордости за прославленного маршала. Андрей Харитонович освобождал Варшаву и с боями дошел до Берлина. Живет этот мужественный и скромный человек в Бубуечах.

Наконец была дана команда: «По машинам», и все заняли свои места в автобусах. Желających посетить Шерпены оказалось больше, чем сидячих мест. Поэтому сидели только самые пожилые и ветераны. Некоторые ехали впервые, в том числе и я.

Пересечённые ландшафты Молдовы прекрасны так же, как и ее жители. Бросаются в глаза посеребрившие, а то и позеленевшие от старости крыши домов и красивые при этом купола церквей. Что значит, православная страна. Прекрасна молдавская земля!

Сплошные черезполосицы. Как будто живем в дореформенный период 1861 года. Где огромные сотни гектаров, колхозные плантации садов и ви-

ноградников, кукурузы и подсолнечника. Нет их. Из Турции привозят даже петрушку с укропом. И это уже не «стыдоба да и только». Это нечто большее. Это преступление перед народом...

В автобусе разговорились с Нонной Михайловной Малитовской. Как живут нынешние ветераны войны, которые спасли Европу и мир от фашизма? Плохо. Нонна Михайловна, как женщина прозорливая, первая заметила, как не самым лучшим образом одеты наши ветераны. Пусть это будут самые аккуратные костюмы, но они образца 70-80-х годов прошлого столетия. А как они питаются? Какое у них жилище, наконец? И разве таким должен быть завершающий этап в жизни этих людей? Уверен, не таким!

Вот вам еще одно преступление, на этот раз перед уже небольшим количеством ветеранов, оставшихся в живых в нашей стране. Как минимум этим людям необходимы бесплатное жилье, нормальное питание, достойная пенсия и бесплатное медицинское обслуживание и уход. О таких вот четырех составляющих я посмел заикнуться в канун 69-й годовщины Победы на Шерпенском плацдарме.

Автобус остановился, и мы приехали. Мемориальный комплекс прежде всего поразил меня

своей величественностью, торжественностью, строгими формами, звуками музыки, подобающей траурной обстановке, а также музыкой грустной, молдавской, которая почему-то напомнила мне из прочитанного, – трехсотлетнее турецкое владыче-

ство и безрадостную, тяжелую тогдашнюю жизнь молдавского народа.

Собственно плацдарм был захвачен еще 12 апреля и удерживался до 23 августа, но за это время здесь, на небольшом участке земли, успело погибнуть 12 тысяч советских солдат и офицеров. До сих пор там находят захоронения неизвестных воинов. Их останки с почестями перезахоранивают на кладбище мемориала. И на этот раз, в субботу, 24 августа, также были перезахоронены останки 23 воинов, которые с почестями и с отпеванием были преданы земле.

Начало торжественной части у Вечного огня.

Карabinieri стали на караул. И много цветов. На трибунах ветераны войны: мужчины и женщины, цветы и музыка, седые головы, блеск орденов и звон медалей, и снова музыка, ну и конечно песни военных лет, а также молдавская музыка, зажигательная и увлекательная, которая так характерна для нашего народа. И счастливые и одухотворенные лица фронтовиков, раньше их называли не ветеранами, а именно фронтовиками.

Все это немного позднее, а пока выступления, поздравления. На празднике присутствовали посол Российской Федерации в РМ Фарит Мухаметшин, офицеры, генералы и даже адмирал, а также третий президент Республики Молдова Владимир Воронин. Он зачитал обращение к молдавскому народу, сердечно поздравил ветеранов войны с праздником.

На протяжении всего торжества на большом телевизионном мониторе проплывали тысячи и тысячи фамилий погибших воинов на плацдарме, как будто в бессмертие уходили, появились на миг и ушли. Может, напоминали о том, чтобы живущие их не забывали?

Наступила торжественная церемония – поднесение хлеба, по молдавскому обычаю, к Вечному огню. После чего Маркел, епископ Бельцкий и

Фалештский, отслужил панихиду по погибшим воинам. Все сопровождалось песнопением Большого церковного хора.

Торжественно и благопристойно. Епископ Маркел, как в духовной, так и светской жизни, играет заметную роль, и обладает мужеством, скажем прямо, а этого ему не занимать. Маркел первым из церковнослужителей выступил против принятия закона о так называемом равенстве шансов. Он выступил в защиту православия в нашей стране. Я думаю, этот достойный человек еще много полезного сделает для нашей страны, народа и церкви.

Встречался с ветеранами. Беседовал и понял, что не так уж и много им нужно. Главное – это внимание. С какой охотой отвечали они на мои вопросы. Даже собрал десятки автографов. Все напоминает стены поверженного рейхстага в Берлине в 1945 году. Приведу несколько фамилий: Мария Антоновна Суровцова, Всеволод Иванович Дубров, 1926 года рождения, майор в отставке, Трофим Андриященко, Сировина Мирко С. (серб по национальности), воевал в составе Красной армии на Шерпенском плацдарме, Владимир Иванович Скорик, Марко Георгиевич Цуркан и др. Автографы, на мой взгляд, – дело стоящее, скажем, для будущего музея Вооруженных Сил. И могли бы этим заняться даже руководители ветеранских организаций.

Торжественная часть подходит к концу. Начинается народное празднество. Много музыкальных коллективов. Духовые оркестры. И по традиции – праздничный обед для ветеранов с гречневой кашей, плациндами, ну и, конечно, ста граммами фронтовых. Ветераны наши немного повеселели, пошли воспоминания, разговоры и даже танцы.

Я видел одну вальсирующую пару – двух жен-

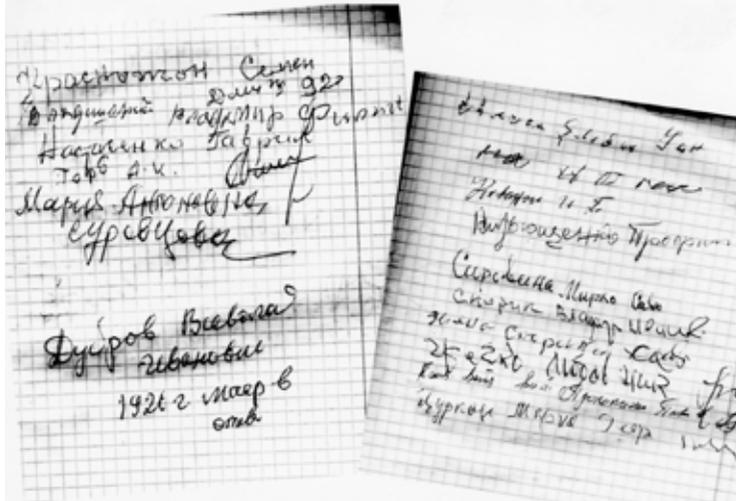

щин-ветеранов. Читатель, это надо посмотреть самому, потому как словами передать трудно. Сколько радости, воодушевления, вдохновения и красоты. Нашим матерям, бабушкам и уже прабабушкам приходилось, наряду с мужчинами, тоже воевать. Честь им и низкий поклон.

Хочется отметить, что Мемориальный ком-

плекс сооружен очень удачно, на обрывистом берегу Днестра. Места здесь такие красивые, прямо гордость распирает за свою страну. И как же, наверное, трудно было, в далеком 44-м, форсировать реку и брать эту высоту. Сколько было

ся в автобус. Чувствуется усталость, но настроение приподнятое от всего увиденного и услышанного. Пользуясь случаем, хочу посоветовать всем жителям нашей страны посетить это поистине святое место. Поверьте, захочется еще.

В автобусе ветераны всю дорогу пели. Такого вы не увидите и не услышите нигде, ни на свадьбе, ни на кумэтрии, ни на концертных площадках. Сейчас так петь не умеют. Так поют только люди, не раз смотревшие смерти в глаза. Так могут петь только ветераны Второй мировой. Люди, познавшие горечь утрат и радость побед.

Репертуар самый разнообразный. Здесь и «Крейсер Варяг», и «Катюша» и, конечно, зажигательная «Смуглянка». И дело даже не в репертуаре. Гораздо важнее, что ты

пролито крови. А сейчас здесь гуляют ветераны, дети, молодежь. И духовой оркестр. То тут, то там щелкают фотоаппараты. Люди хотят хоть что-то оставить для истории, для потомков. И это нормально. Так должно быть всегда.

Однако пора возвращаться домой. Снова садим-

при этом чувствуешь, когда песню слушаешь или исполняешь, каково ее содержание.

Мы уже приехали в Кишинев, и одна женщина в полушутливом тоне приказала всем собраться через год. Думаю, нас будет больше. Все-таки дата круглая – 70 лет.

Георгий КАЮРОВ

Долгое прощание

Рассказ

Три года назад семья Можайских переселилась в пригород столицы и напроць выпала из светской жизни, которую блестяще вела почти двадцать лет.

Леонид Михайлович Можайский продолжал в городе адвокатскую практику, и для этого его автомобиль каждый день проделывал путь до делового центра столицы, где располагался офис районной адвокатской конторы. По дороге он отвозил детей – дочь Татьяну в лицей А.С.Пушкина, она перешла в одиннадцатый класс, а сына Михаила – в строительный колледж. Вечером они собирались, чтобы вместе вернуться домой. К этим незначительным неудобствам члены семьи отнеслись, как к должному.

Замкнуться и переехать из города в посёлок заставили Можайских трагические обстоятельства – у Леонида Михайловича умирала жена Люся – Людмила Ивановна. В состоянии ожидания скорой кончины родного человека семья жила третий год.

Особенно жутко бывало по ночам. Больная сильно кашляла, задыхалась, захлёбываясь мокротой. Если никто из родных не поспевал к ней, то она пыталась сама достать стакан с отваром из ореховой кожуры, приготовленный с вечера и чаще всего опрокидывала его, и тогда, на стук покотившегося стекла, домашние спохватывались. Тревожная ночь затягивалась сонными бреднями – это были надрывные вскрики и бессвязные слоги. Больная бессознательно подрывалась на локтях и так опасно изгибалась, что домочадцы опасались, как бы она не свалилась с кровати. В такие минуты надо было находиться рядом, а это разорванная бессонная ночь.

Сегодня Леонид Михайлович вернулся домой раньше обычного. Как ни старался он тихо передвигаться, чтобы подольше его возвращение оставалось незамеченным, но чуткий слух супруги уловил присутствие стороннего.

– Лёня! Это ты? – позвал её сиплый голос и сорвался на кашель.

Можайский представил, как жена сейчас тянется к отвару, и решил сразу не отвечать, выгадывая лишние минуты собраться с мыслями и придумать, как объяснить своё раннее возвращение. Он с утра отложил все дела и по приглашению врачей отправился на консилиум. Профессор тягуче говорил, перелистывая Люсину медицинскую карту и закладывая обратно выпадающие листки из увесистой, сшитой грубой ниткой истории болезни. Вердикт был однозначным: «Надо готовиться к самому худшему. Конец может настать в любой день».

– Вы можете попробовать вывезти её на природу, – профессор даже не назвал Люсиного имени, словно говорил уже о трупе, и, долгим взглядом уставившись в окно, задумчиво закончил. – На Днестр, в Кодры. Кислородный удар, пожалуй, продлит её дни.

Можайский слушал спокойно, только побледнел. Его разозлило то, что профессор безымянно говорил о близком ему человеке, но всё, на что хватило злости – сжать желваки, чтобы удержать слёзы.

– Дети смогут пообщаться с матерью. И вы будете ближе, – как только мог, смягчил свой тон профессор, и, вставая, как бы извиняясь, положил руку на плечо Можайского. – Мы сделали всё, что могли.

Леонид Михайлович от врачей отправился к знакомому леснику Пантелеевичу и договорился арендовать у него дом в Кодрах. Лесник, старый приятель их семьи, даже обрадовался, но, узнав причину, зло выругался.

– Чёртова карга! Косит народ! – и рубанул воздух мозолистой ладонью, показывая – денег не возьмёт. – Живите так. Только живите.

Вернувшись на работу, Можайский пошел по кабинету взад-вперёд и вдруг зашел домой. На улице он столкнулся с дворником Серёжей и даже пожал ему руку на прощание, что никогда такого не делал.

– Люсенька, как ты? – как можно бодрее вошёл он к жене в комнату.

Людмила Ивановна, облокотившаяся спиной о подушки, держала в руках стакан с чёрного цвета отваром. Этот отвар посоветовала знакомая врач. Отвратительный на вкус, но Люся стойко пила его и даже видела пользу. На маленьком столике лежала груда лекарств. Блики от цветных пластиковых упаковок отсвечивали разноцветом на худом лице больной с обострившимися чертами и носом и сбившимися русыми волосами. В Люсиной комнате стоял спёртый воздух, пропитанный медикаментами.

– Люсенька, я вот что хотел тебе сказать, – неуверенно начал он, пододвигая стул к кровати и располагаясь рядом с женой.

Людмила Ивановна приготовилась выслушать, опустив голову и едва заметно дёрнув губами в улыбке, словно хотела сказать: «Потерпите ещё чуть-чуть. Скоро всё будет кончено...»

– По совету врачей мы переедем на лето в лес, – Можайский снова умолк, собираясь с мыслями. – Сегодня я ездил к Пантелеичу и договорился арендовать у него дом. Там вокруг так здорово! Сосновые деревья, свежий воздух, птицы поют на разные голоса.

– Ты был у врача? – Людмила Ивановна встревоженно уставилась на мужа.

– Почему был? – растерянно переспросил Можайский. Он оказался не готовым к такому прямому вопросу и не заготовил ответ. – Давно врачи говорили, было бы неплохо пожить тебе на природе.

Чтобы не продолжать лгать жене и тем, как он думал, не раздражать, Леонид Михайлович притворился, что не понял всей безнадежности супружеского вопроса и своего положения, и, насколько мог, весёлым тоном рассказал об утреннем звонке Люсиной двоюродной сестры Екатерины.

– Ты представляешь, – с наигранной восторженностью воскликнул Можайский, – она уже окончила четвёртый курс медицинского университета! Я пригласил её к нам в гости. Как ты к этому отнесёшься?

Чем дальше Леонид Михайлович говорил, тем яснее сознавал своё бессилие облегчить страдание жены и, более того, ему казалось, тем самым он сам приближал её конец. Замолчав, он ещё некоторое время сидел с устремлённым взглядом в пол, но когда поднял глаза, то увидел, как по впалой щеке Люси медленно сползала и потом повисла возле уголка рта крупная, блестящая слеза.

– Ну что ты, дорогая моя? – Можайский взял супругу за руку и ткнул в неё губами.

Людмила Ивановна погладила мужа по волосам, успев мизинцем смахнуть слезу, и та крупным пятном упала на простыню.

– Нет, ничего... От долгого лежания стали расшатываться нервы, – она поцеловала голову мужа. – Сама не знаю, часто думаю о тебе, о детях, как вы будете после меня жить. За себя мне почему-то не страшно, вот так, как не страшно опоздать на поезд, когда знаешь, билет тебе выдал врач...

– Какой врач? – встрепенулся Можайский, пристально вглядываясь в лицо жены. – Билеты на поезд выдаёт кассир.

– Хорошо, что у нас будет гостить Катя, – не обратив внимания на тревогу мужа, продолжила больная. – Это хорошо. Я уговорю её остаться на всё лето. Она славная, и в лесу с ней будет веселее. Тебе будет полегче... Ты когда планируешь переехать?

– Учебный год закончится, и сразу соберёмся.

– Хорошо, – смиренно согласилась она. – Давай Катюшу дождёмся, и вместе с ней... мне будет легче собираться...

Людмила Ивановна хотела что-то ещё сказать, но приступ кашля не дал ей этого сделать. Женщина большим глотком отвара постаралась сбить приступ, но поперхнулась, покраснела, и чёрная жидкость полилась у неё через нос. Едва сдерживаясь, она махнула рукой, выпроваживая мужа, и только закрылась за ним дверь, её горло продралось страшными рыками.

Зная по опыту, помочь жене ничем нельзя, Леонид Михайлович только постоял у двери, прислушиваясь к происходящему за ней, и, дождавшись, когда всё успокоится, тихими шагами удалился.

Можайский направился в комнату к сыну. Потребность делиться с кем-либо мыслями и заботами всегда была у него особенно сильна. Говорить с женой обо всём уже давно не было возможным. Узнав однажды о том, что сын получил шестёрку по химии, Людмила Ивановна не спала всю ночь и представляла себе, как после её смерти сына выгонят из лица и он всю жизнь будет на базаре торговать пирожками. Несколько дней Люся выговаривала мужу и, как только сын возвращался домой, тут же принималась допытываться об его успеваемости. Эти допросы переживались домочадцами тяжелее всего – все боялись, чтобы Мишка случайно не проговорился, и тогда конец. Семья скрывала от Людмилы Ивановны то, что Мишку давно отчислили из лица за неуспеваемость и он уже год ходит в колледж. Ситуация с Мишкиными оценками довела всех до такой истерики, что, когда Мишка принёс снова шестёрку, все молчаливым согласием подержали враньё сына матери. Леонид Михайлович за этим и пришёл к сыну и, притянув его голову, целуя в висок, тихо укорил:

– Что же ты, сынок?

Можайский чувствовал, как с каждым днём шла на убыль духовная близость, установившаяся между ним и женой сразу же после свадьбы, и мучился этим ещё больше. Никогда бы он не позволил себе сокрушиться, а тут увидел в сыновней лжи даже святое спасение.

Последнее время Можайскому приходилось многое скрывать от супруги, чтобы не раздражать её и не нервировать. Возможность приезда двоюродной сестры и планы жены уговорить её остаться на всё лето

вселили в Леонида Михайловича какую-то странную надежду.

Можайский относился к сильным натурам, но и он стал чувствовать, как вот-вот споткнётся. Он нуждался в отдыхе или хотя бы в передышке, и этой передышкой могла стать Екатерина.

«С приездом сестры супруги станет легче, всё-таки родственница, – размышлял он, готовясь ко сну. – Если удастся уговорить её пробыть всё лето, то вообще соберусь с силами и тогда с утроенной силой буду тянуть». Последние мысли осадили пыл Леонида Михайловича. Он сел на разобранную постель и с силой потёр лоб. «Что тянуть? Куда тянуть? – запульсировали в висках вопросы. – Врачи сказали – всё кончено. Или со дня на день будет всё кончено. Годы, проведённые с Люсей, – это были счастливые годы или нет? Было разное, – терзал себя раздумьями Можайский. – Нам всего-то по тридцать девять. Люся была надёжным тылом все двадцать лет. Разве в расцвете лет человек должен умирать? Как пройдут следующие двадцать лет, уже без неё? Может, к чёрту всю эту природу! Какой ещё к чёрту кислородный удар? Если скоро умрёт, так пусть дома, а не где-то на природе!»

Леонид Михайлович выпил успокоительного, понимая, не сможет заснуть, и всё равно устало ворочался в постели. Он думал о Кате, ещё раз в мыслях, авансом поблагодарив её за то, что она, может быть, согласится остаться. Он силился мысленно нарисовать её выражение лица, но не удавалось. Ему то казалось, глаза у неё голубые, то виделось – они чёрные. Зато её белые зубы и звонкий смех будто сейчас видел и слышал. Последний образ младшей сестры Люси он запомнил, когда та ещё училась в гимназии. Они семьёй гостили в деревне у родителей жены. Катя заканчивала девятый, выпускной класс и очень разумно рассуждала о своём будущем. Леонид Михайлович тогда заметил в её взгляде какую-то излишнюю взрослость и отнёс это на счёт сельской практичности. Эта провинциальная девочка сделала, как и планировала – после девятого поступила в медицинский колледж, окончив его, оказалась в Одесском мединституте. С тех пор прошло много времени. И когда сегодня раздался звонок и из трубки приятным голосом сообщили: «Это Катя... я уже четвёртый курс окончила», Можайский только удивился тому, как быстро пролетело время.

Сейчас, лёжа в постели, он пытался представить ту девочку и сегодняшнюю студентку, угадать, как она могла измениться. Каждое явление, каждая отдельная личность у него легко укладывалась в определённую им формулу. Можайский с иронией относился к крестьянам. Перемены, произошедшие в обществе с приходом демократии, позволили ему укрепиться в своих убеждениях. В прежние времена выходцам из народа были открыты все двери, и это, как он считал, погубило общество, пронизало червоточинной и уничтожило великую страну. Теперь же всё стало на свои места. И вот сельская родственница поступила в мединститут в Одессе и даже успешно окончила четвёртый курс. Можайский внутренне соглашался с тем, что двоюродная сестра его жены красивая, всегда художественно причёсанная, имеет вкус в одежде, обуви и даже много читает. Всё это вписывалось в его представление, каким должен быть образованный сельский доктор. Более того, он отмечал её привлекательность и в разговоре с женой не скрывал этого, заслуженно отмечая достоинства провинциалки. При этом с силой давил в себе пробивающийся росток симпатий к этой угловатой, но всегда со всеми приветливой, казалось, вечно весёлой девочке. На неожиданно осенившей мысли – встречая на вокзале родственницу, как он узнает её повзрослевшую – Можайского наконец сморило снотворное.

В воскресенье, в семь часов утра Леонид Михайлович выпил кофе и прошёл к жене сказать, – едет на вокзал. Больная спала. Он поцеловал её в желтый лоб, положил руку на голову и, вздохнув, вышел. На улице накрапывал весенний прямой дождь и одновременно светило солнце, кое-где переливаясь радугой в прозрачных каплях. У калитки уже ждало такси. Они доехали быстрее, чем планировал Можайский, и потому он попросил водителя оставить его у памятника Сергею Лазо, для себя решив прогуляться оставшееся время. Дождь прекратился, и асфальт на глазах высыхал. «Одновременно плачет и смеётся, – подумал Можайский о природе, выбираясь из машины, и мысленно добавил: – Так и я сейчас».

Нагрывшее на прошлой неделе неожиданное похолодание в начале мая отступило. Весна, словно нагоняя время, быстро распустила почки, вмиг одев деревья и кусты сочной зеленью. За несколько солнечных дней серые газоны покрылись лёгкой травой. Проходя мимо парка с соснами, Можайский вдохнул полные лёгкие – хвоя весной пахла сильнее. На земле между прошлогодними сухими иглами суетились большие, рыжие муравьи, а из глубины парка слышны были птичьи голоса. Особенно поразила Можайского гармония, с которой просыпалась после зимней спячки природа. Мягко шумели деревья, покачивая своими золотыми от утреннего солнца ветвями. Вспорхнула и сейчас же скрылась среди ветвей разноцветная сойка. И опять Можайский услышал только собственные шаги. Весной дышится, как на улице после табачного и винного запаха ресторана. Он снова наполнил лёгкие свежим воздухом и от нахлынувшего

блаженства закрыл глаза.

«Люся верит в загробную жизнь, – неожиданно пришла ему мысль. – Каждый день молится и всё-таки страшно мучается. Говорят, на свете во всем гармония, – Леонид Михайлович остановился, всматриваясь в весну. – Может быть, но контрастов больше. И самый ужасный контраст – Люси должно не стать на этом свете».

Леонид Михайлович, чтобы сдержать слёзы, ускорил шаг. Парк сменился новостроем, который безжалостно наполнил на небольшой уголок природы. То ли стройка повлияла, то ли и правда увеличился поток машин, но от их грохота и интенсивного движения он даже поморщился.

Вдали послышался сначала один, а потом другой гудок поезда.

«Интересно, это поезд ушёл или прибыл? – терялся в догадках Можайский, взглянув на часы. – Скорее всего маневровый гоняет туда-сюда. К приходу дизеля успеваю. Не может же поезд прийти раньше расписания. Хотя в наше время он может всё, что взбредёт в голову машинисту или диспетчеру. Может и вовсе не прийти, – Можайский снова сверил время. – Успею посмотреть, что там наваяли власти. На днях встречался в кафе с Робертом Западинским, и тот советовал ради эстетического интереса взглянуть на этот памятник нового веяния с душком. – Мужчина ускорил шаг. – Надо поторопиться. После встречи Кати некогда будет по памятникам ходить».

Леонид Михайлович быстрым шагом обошёл привокзальную площадь. Несомненным плюсом современной реконструкции было то, что привели в порядок газоны, тротуары и лавочки. Получился светлый и красивый сквер. «Такой чистотой не стыдно встречать приезжих, – про себя отметил он». От самой скульптурной композиции ожидал большего, но не пришлось воспользоваться советом Роберта и насладиться эстетикой нового следа новой власти. Леонид Михайлович иронично улыбнулся. Подобные «памятники», только в меньших, человеческих размерах, он видит часто под кустами, за углом дома, на тротуарах, последнее время, из-за массового наплыва в столицу сельских жителей, такие «памятники» всё чаще стали появляться и в подъездах многоэтажек.

Входя в здание вокзала, Можайский ещё раз обернулся на сквер и покачал головой: «Может, скульптор и прав, – с горечью согласился он. – Вся система была настроена так, чтобы человека превратить в говно. Если в этом состояла задумка, то почему же дерьмо устремлено ввысь? Надо было направить парапет по нисходящей, а они снова всё перепутали».

«Как бы там ни было, – размышлял Леонид Михайлович, прогуливаясь по перрону, – но станет легче, не придётся самому готовить три раза в день еду. Опять же утюжка ляжет полностью на сестру. Для Люси больше удобств – с сестрой ей комфортнее за собой ухаживать. И так всё обходилось славно, но с сестрой будет полегче».

В какой-то момент Можайский даже ощутил некоторое волнение и всё чаще стал поглядывать на часы. От приезда Екатерины он ожидал слишком многого. Ему вдруг стало казаться, жена сейчас же начнёт поправляться и, может, выздоровеет совсем.

Встречающих на вокзале было мало. Полицейские скучливо стояли у своего участка, и носильщики не спешили на платформу, а стали выходить только после того, как динамик объявил о том, что поезд заходит на третий путь. Паровоз и багажный вагон точно ворвались справа и пронеслись мимо, каждый следующий вагон уже проплывал медленнее.

Зашипели тормоза, поезд дрогнул и остановился. Носильщики лениво толкали перед собой тележки, и по взглядам было видно, они особо не рассчитывают на клиентов.

В одном из окон Можайский увидел знакомое лицо, и оно тут же заулыбалось. Людей выходило мало, и потому Леонид Михайлович поднялся на площадку вагона. Они встретились как старые знакомые. К неожиданности Можайского Катя передала ему сумки и крепко расцеловала. «Вот так вот, по-сельски», – про себя ухмыльнулся он.

– Ты совсем не изменился, – воскликнула она и подумала: «Как он пожелтел, и мешки под глазами появились, спит мало или почки не в порядке, – сразу сказался врачебный практикум». – Где твоя машина?

– Я без машины, – Можайский с интересом разглядывал шустрюю родственницу. – Сейчас такси возьмём.

К их приезду семья уже проснулась. Увидев гостью в прихожей, дети завизжали от восторга и тут же полезли целоваться. «Как заправские сельские жители», – иронично подметил Можайский и, поставив чемодан, вернулся к калитке за сумками.

Когда Леонид Михайлович зашёл в комнату супруги, то увидел обеих женщин сидевших на кровати, обнявшись. Людмила Ивановна по случаю приезда сестры надела цветную кофточку и была возбуждена

от радости. Можайскому даже показалось – лицо у супруги просветлело. И снова у него затеплилась надежда, может, перемена обстановки, приезд сестры, в конце концов, этот кислородный удар, сделают своё дело и организм сможет противостоять, сможет ухватиться за жизнь. Ведь есть же такие случаи? Почему он должен обойти его супругу? «Срочно! На природу! – забилось у него сердце возбуждённо».

День, наполненный событиями, сильно утомил Людмилу Ивановну, и она попросила пораньше оставить её в покое. Можайский и Екатерина расположились в гостиной и долго разговаривали, советуясь, как они выстроят быт в лесничестве.

– Да, она сильно изменилась, – задумчиво протянула Екатерина, – я даже не ожидала. Теперь самое главное не терять головы. – И следующие слова, сказанные девушкой, Можайский слушал, всматриваясь в черты лица собеседницы и поражаясь зрелостью её рассуждений: – Когда нам вдруг станет невыносимо, мы должны будем вспомнить, такая жизнь, какой живёт Люся, тяжелее и страшнее смерти; но пока эту жизнь должны мы скрашивать насколько возможно. Это священный крест для тебя, Лёня. Запомни, такое выпадает не каждому. Только избранным, – Катя ненадолго задумалась и продолжила: – Прежде всего, необходимо всем вести себя так, чтобы она уверилась в том, что до конца ещё очень далеко. Если Люсе станет вдруг совсем плохо или случится последний кризис, то будем говорить, – она простудилась и вообще отвлекать её от мыслей о болезни. Будем попеременно читать ей вслух, сообщать всякие новости о близких ей людях... Скорее бы переехать, чтобы все были рядом и никто никуда не разъезжался.

– На следующей неделе последний звонок, сразу и переедем. Часть вещей можно перевезти на днях. Всё равно всё сразу в машину не уместим, – Можайский чувствовал, как заряжался рядом с этой энергичной девушкой со светлым взглядом. – Мне и самому отдохнуть хочется. Измучался.

– Вижу. Выглядишь ужасно, – подтвердила Екатерина и осеклась.

– Ты же сказала – я не изменился? – поймал на слове родственницу Можайский, и они рассмеялись.

– Ещё она страшно волнуется за будущее детей, – тут же посерьёзнев, продолжила Катя.

– Дети учатся хорошо, способные, послушные, – стал заступаться за детей Леонид Михайлович. – Рано или поздно выйдут в люди. И я рос без матери... – Можайский встал и заходил взад и вперёд, пытаясь скрыть нахлынувшие слёзы.

Екатерина опустила голову на колени, чтобы не смущать его, и ждала, пока тот успокоится. Часы пробили полночь.

– Пойду спать, устала, – сказала она и, не взглянув на Можайского, удалилась.

Можайский молчаливым взглядом проводил родственницу, втайне благодаря её за тактичность. Поставив посреди комнаты, и он отправился к себе. Дети уже спали. Из ванной донёсся шум пущенной воды. Леонид Михайлович стал на подоконник, отворил окно и высунулся по пояс, несколько минут дышал свежим ночным воздухом. Потом он вспомнил, не взял из гостиной пепельницу и сигареты, и пошёл за ними. Екатерина уже помылась и в ночнушке стояла в гостиной перед зеркалом и причёсывалась.

– Фу, как ты меня испугал, – пробормотала она, закрываясь руками.

– Прости, пожалуйста, я никак не думал, что ты уже успела раздеться, – Леонид Михайлович смутился и, быстро развернувшись, вышел из комнаты. – На журнальном столике пепельница и пачка сигарет, – дай мне их...

– Нужно спрашивать, – недовольным голосом ответила Екатерина и просунула через дверь руку с пачкой сигарет.

«Да, неловко вышло, – нервно почесав затылок, укорялся Можайский, чиркнув спичкой и закуривая. – Какая она эффектная с распущенными волосами. Сколько же у меня не было женщины?»

Ночью ему приснилась Екатерина с распущенными волосами и голыми руками и будто он целует её. Леонид Михайлович проснулся среди ночи и, разозлившись на себя за этот сон, закурил и долго лежал на спине. До самого утра уже не спалось.

Первого июня, не откладывая и не ломая планов, семья перебралась в Кодры. Домик лесника находился в тридцати километрах от Кишинёва по Леушенскому шоссе, состоял из четырёх небольших комнат и просторной веранды, от пола до потолка в стекле. Людмиле Ивановне приготовили отдельную комнату с окном во двор. Катя и Таня поселились вместе. Леониду Михайловичу с сыном досталась комната с окнами в лес. Четвёртую – отвели под кухню, тем более там и так стояла буржуйка и плита с газовым баллоном. Веранду обустроили под столовую, для этого со всего дома собрали стулья и установили большой стол из комнаты. И всё бы хорошо, но портила настроение погода, и потому долго не могли почувствовать себя уютно. Июнь подходил к середине, а дожди не прекращались. По вечерам бывало сыро и страшно в одиноком домике среди ночного леса. Домочадцев настораживал постоянный круглосуточный шум – то ли от

дождя, то ли от деревьев – не разберёшь. Пару раз Можайский выезжал в Кишинёв, чтобы пополнить запасы продуктов. В эти часы на всех нападало уныние, которое взрывалось всеобщим ликованием, когда глава семейства возвращался с разноцветными кулками разных вкусовностей.

Наконец к середине июня установилась жаркая, по-настоящему летняя погода. И тут новая напасть – тьма комаров! Первую ночь после знойного дня в доме не выключали свет. Комары атаковали со всех сторон, спать было невозможно, и все решили бодрствовать. Сначала жгли сухие сучья на улице, когда всё, что попало под руки, сожгли, перешли в дом и затопили буржуйку, только чтобы чадила. В этом помогли сырые дрова. К утру семейство пропахло дымом, но комары продолжали атаковать. С первыми лучами солнца Можайский отправился в город за таблетками от комаров, а измученные и искусанные дети и женщины разбрелись по своим местам и уснули.

С установившейся погодой, после города и длительных дождей, семья наконец повеселела и расположилась к полноценному отдыху. Людмила Ивановна с утра и до вечера сидела в кресле, выставленном под навесом, служившим прикрытием для заготовленного сена, и каждому, кто проходил, рассказывала, как чувствует себя великолепно и оживает вместе с природой.

Можайский, Екатерина и дети старались угадывать всё, что она хочет, и делать ей только приятное. Екатерина оказалась неутомимой труженицей, взвалив на себя все обязанности по устройству быта, и дополнительно ещё ухаживала за сестрой. Она так ловко управлялась, что освободила всех от забот, предоставив семье возможность больше общаться и проводить время в отдыхе.

Мишка и Таня по утрам отправлялись заготавливать сушняк. По наставлению матери они периодически выкрикивали из леса: «Мама! Мы здесь!» Людмила Ивановна, услышав голоса детей, улыбалась, но продолжала прислушиваться, и как только раздавался на всю округу звонкий лай, она одобрительно покачивала головой.

Ещё в период дождей к подворью лесничего прибил пёс. Он прятался под навесом, скрутившись калачиком и даже прикрывая нос хвостом. Первым его заметила Таня. Пробегая по мокрому дощатому настилу к туалету, она поскользнулась и, едва не упав, весело вскрикнула. Тут-то собака себя и обнаружила, выскочив из укрытия. Оба испугались ещё сильнее и рванули наутёк в разные стороны – Таня в дом, а шавка в лес.

– Папа, папа! – восторженно звала Таня. – Слушайте все! У нас завелась собака!

Всё семейство высунулось кто куда – в окно, в двери, стараясь разглядеть животное. Можайский выскочил на улицу и даже попробовал отыскать пса.

– Фьють, Фьють! Тц, Тц! – промокнув до нитки, Леонид Михайлович констатировал: – Наверное, удрал.

– Что ж ты, Танька, – укорил сестру Михаил. – Надо было ловить. Был бы у нас сторожевой пёс!

– Сам иди и лови, – огрызнулась та. – Видел бы ты этого сторожевого пса.

То, что во дворе есть собака, всех обрадовало, и разговору хватило на весь остаток дня. Нет-нет, кто-то подходил к окну, чтобы выглянуть и удостовериться – вернулась собака или нет.

С окончанием дождей объявился и Танин беглец. В этот раз первым обнаружил пса Мишка. Выскочив рано утром во двор, он пулей влетел назад.

– Танька! Танька! Вставайте! – вопил на весь дом мальчишка. – Твоя собака вернулась.

Семейство посрывалось с кровати и высыпало на улицу. Посередине двора сидел он, словно ожидая – когда же люди проснутся. Приблудившимся псом оказалась серо-пегая сука на коротеньких ножках и со странной вытянутостью туловища. Появление нескольких человек заставило собаку встать и приготовиться в случае опасности удрать, но даже по её морде было видно – она этого не хотела бы делать – и когда Леонид Михайлович протянул руку с кусочком вареной колбасы и просто сказал:

– Жучка, на, иди сюда.

Новоявленная Жучка, склонив голову, подошла и приняла ароматный, с корочкой от прожарки ломтик колбасы. В благодарность новый член семьи весело завил хвостом. Так был налажен контакт с первым животным, и в семье появилась собака по кличке Жучка.

– Когда бог делал собак, по-видимому, на тебе, Жучка, решил отдохнуть, – пошутил Леонид Михайлович, разглядывая несуразный облик дворняги.

Жучка тут же приняла на себя обязанности охранника. Ночью она располагалась на веранде, а днём – на крыльце, как настоящий сторожевой пёс. С какой бы стороны ни доносились странные звуки, Жучка тут же схватывалась со своего места и неслась навстречу, чтобы облаять, но пределов двора не покидала. Сделав свою работу, с достоинством подняв голову и виляя хвостом, она возвращалась на место.

Сразу став верной спутницей, Жучка всех сопровождала, куда бы кто ни шёл. Особое удовольствие ей

доставляло ходить по утрам с ребятами собирать дрова. Её лай доносился одновременно из разных мест.

Два раза в неделю Леонид Михайлович ездил в столицу за продуктами. Жучка провожала автомобиль до асфальтовой развилки. Она так ловко бежала впереди машины и перебегала из стороны в сторону, что Можайский притормаживал, боясь не задавить собаку, но та всегда оказывалась впереди и, остановившись, оглядывалась – мол, чего остановился? Когда же машина хозяина выезжала на асфальт, Жучка садилась на обочине и не уходила, пока машина не скрывалась из виду. Только тогда отправлялась обратно.

– Вы представляете, – изумлялся Можайский, вернувшись с покупками из города. – Жучка встречала меня у трассы. Неужели она всё это время просидела на обочине?

– Да нет, только что бегала по двору, – тоже удивилась Катя.

– Как же она почувствовала, что я сейчас приеду? – ещё сильнее озадачился Леонид Михайлович, но с этого дня Жучка стала авторитетом в семье. Каждый старался подбросить ей лучший, лакомый кусочек. Людмила Ивановна тоже припасала ломтик колбасы, откладывая его на краешек стола. Жучка как привязанная следила за ним, от нетерпения потягивая или повизгивая, но было видно по её пучеглазой морде – ей по душе такая хозяйкина забава. Завершив еду, Людмила Ивановна двумя пальцами поднимала лакомство и подавала команду:

– Жучка, иди сюда, – и похлопывала себя по колену.

Едва сдерживая прорывающийся от восторга лай, Жучка вскакивала на задние лапы, а передними на указанное место и замирала, ожидая, когда хозяйка поднесёт к её пасти ароматное кушанье. Принимала Жучка еду так, словно она была обжигаящая, с только что шкварчащей сковородки и, миг проглатывала.

– Ох, проказница, – корила шавку Людмила Ивановна, а той этого только и надо было. Она устремлялась по большому кругу вдоль всего двора, звонким лаем оглушая всю округу.

– Вот оно, собачье счастье, – наблюдая за происходящим, с улыбкой сказал Леонид Михайлович.

Иногда по вечерам, особенно в выходные дни, из долины слышалась музыка. По-видимому, горожане выезжали в лес отдохнуть компанией. Бывало, взлетали ракеты и потом лопались под самыми звездами. Но обитателям домика лесника не было дела ни до этого шума, ни до людей, производивших его. Правды ради, все выходили во двор, чтобы посмотреть на салют.

Обычно Людмила Ивановна вставала рано и ложилась сейчас же после захода солнца вместе с детьми. Иногда к ней присоединялась и Екатерина, но, проворочавшись пару часов, снова одевалась и выходила на крыльцо.

Услышав знакомые шаги, Можайский сначала глядел на Катю через открытое окно, а потом брал накидку и шёл к ней. Они садились рядом на качели и долго разговаривали, тихо покачиваясь. То он задавал ход качели, отталкиваясь ногой, то она, едва коснувшись земли носком, ускоряла темп качельному маятнику.

– Ты вот о моих детях и жене заботишься, словно они тебе самые близкие существа, и читаешь много, но на селянку ты совсем не похожа.

– Почему?

– Да так. Манеры у тебя хорошие, ты ни на кого не шипишь, со вкусом одеваешься, и даже духами от тебя пахнет приличными, – Можайский умолк, чтобы выровнять эмоции, он боялся выдать свой восторг к этой девушке. – Я не люблю селянок.

– Я это заметила, – улыбаясь, сказала Катя.

– Они словно цепные собаки, бросаются на человека за каждое несогласное с ним слово. Всегда угловатые, – Леонид Михайлович взглянул на Катю и, увидев её улыбающиеся глаза, запнулся, но всё-таки продолжил. – Угловатые во всём – в поступках, в словах, в мыслях. Всегда с искривленными каблуками и пахнет от них скверно. Даже не пахнет, а прёт воницей мешаниной пота, дезодорантов и несвежих блузок.

Екатерина рассмеялась. Её блестящие глаза лучились теплом и искренностью. Леонид Михайлович увидел в её взгляде, – Катя догадалась о его не совсем равнодушном отношении к ней, и ему стало неуютно, даже по-мальчишески стыдно. Он отвернулся, пряча залившееся краской лицо.

– Ты не понимаешь, в чём дело. Это совсем не потому... – украдкой начала Катя отвечать на его тайные чувства и сама испугалась. – Я лично, – неожиданно громко произнесла она, и Можайский обернулся. – Например, из дома, от родителей получаю каждый месяц тысячу гривень, плюс стипендия шестьсот. Мама собирает огромную сумку с продуктами, а это значит, не надо тратить на еду. Я могу себе позволить не думать о достатке и учиться. У большинства наших студентов и половины таких возможностей нет. Если и есть, очень небольшая, доля правды в твоих словах, то потому что не только нравственные мещане, но даже доктора ходят с такими «ароматами», что можно упасть рядом с ними. А сельский человек всегда бьётся активнее за жизнь в городе. Вы так их бедных «затюкали», что они в каждой пустой фразе ожидают

нападения, но сами они ни на кого не бросаются, я в этом тебя уверяю. Многие наши девочки хотели бы стать женами и матерями, и поверь, они могут ими быть не хуже, чем ваши городские, а может, и лучше. Сельскому человеку трудно беспристрастно разобраться в таких вопросах, как любовь, личное счастье... – Катя умолкла, наступила тяжёлая пауза. Можайский обдумывал последние слова. Он был уверен – это она ответила на его симпатии.

– А что касается каблуков, – весело продолжила Катя. – Так это оттого, что приходится носиться с лекции на лекцию, а зачастую и через весь город, чтобы успеть на пару в другом корпусе. Многие вынуждены снимать комнату в квартирах со стариками, и поэтому одежда часто пахнет плесенью или, чего ещё хуже, – нафталином. По своему опыту знаю, студентке быть всегда любезной очень трудно, нет времени на все стороны расшаркиваться, а хамов на каждом шагу хватает.

– Да, это так, – согласился Можайский.

– Значит, нравственная физиономия человека далеко не всегда характеризуется тем, к какому слою общества он относится. Кто это помнит, тот всегда будет справедливым к окружающим.

«Вот и попробуй с ней разговаривай, если она такая разумная», – восторженно разглядывая Катю, восхищался он собеседницей.

Случалось, Можайский уже не слушал её, а только чувствовал возле своего плеча теплоту её тела, отделённую одной легкой блузкой, и думал: «Ведь я же невиноват, если мне с нею так хорошо, ведь я же невиноват». В такие моменты он мог бы совершенно искренне себе ответить, – в нём не горит тайное желание рано или поздно овладеть Катей как женщиной. Любит он в ней больше человека, умного и отзывчивого, и прежде всего, как родственницу – сестру жены».

И на совести становилось чисто и спокойно.

Наговорившись, расставались иногда под утро. Однажды заснули сидя на качелях и заматавшись в один плед. После обычных бесед, попрощавшись, Можайский уходил в свою комнату и часто не ложился спать, а до самого рассвета сидел у окна и думал. Смотрел, как розовели при восходе солнца стволы сосен, слушал, как ворковала где-то далеко горлица, и ему не хотелось двигаться с места.

И всё-таки совесть его иногда мучила до буйства. Было стыдно от сознания того, что в то время как доживает свои дни жена, невыразимо страдая физически и нравственно, – ему хорошо от общения с молодой женщиной и он почти счастлив.

В хорошую погоду, до захода солнца, ужинали во дворе. Усаживали Людмилу Ивановну в кресло, подоткнув со всех сторон подушками, и тогда всё семейство принимало участие в разговорах или играло в карты. Во все азартные игры всегда выигрывала Людмила Ивановна. Её победы встречались восторженно. Даже Жучка вскакивала со своего места и начинала звонко лаять, тоже празднуя очередную победу Люси.

Как-то, после одного такого вечера, когда они с Катей обустроили на ночь Людмилу Ивановну и собирались оставить её, чтобы та отдохала, Люся попросила мужа:

– Лёня, задержись, – она выглядела особо торжественно, и Можайский обратил внимание, как горят у неё глаза. – Что-то хорошее, естественное и искреннее есть в Кате, тебе не кажется?

– Она молода, – насколько было возможно, равнодушным тоном согласился Можайский. – Мне бы её годы и заботы.

– Скоро конец? – после короткого молчания тихим голосом спросила Люся.

– Не понял, – Можайский не лукавил, он и правда сразу не понял, о чём спросила жена.

– Вы все себя так ведёте... – Людмила Ивановна не договорила, поперхнувшись подкатившими слезами, но быстро справилась с эмоциями. – Что врачи сказали – всё, конец? – и она в упор посмотрела на мужа.

Леонид Михайлович не ответил, а только взял руку жены и поцеловал, крепко сжимая.

– Все знают? – продолжала допытываться Люся, и голос её зазвучал твёрдо и уверенно.

– Никто, – покачав головой, тихо ответил Леонид Михайлович.

– Ладно, иди. Устала я.

– Ты хотела поговорить? – Леонид Михайлович уловил недоверие в тоне супруги.

– Устала. Иди, – едва силясь, махнув рукой, Людмила Ивановна закрыла глаза и одними губами проговорила: – Дети её любят, она могла бы меня заменить.

– Ты что-то сказала? – последние слова супруги спешащего удалиться Можайского застали в дверях, и он не расслышал, но Люся не стала повторять.

Уже за дверью Леонид Михайлович виновато пожал плечами, ему было приятнее говорить с Катей, и тогда он испытывал настоящее удовольствие, за которым соскучился. Для него стало потребностью по-

гулять с ней после ужина по тёмным тропинкам леса, а потом покачаться на качелях, ощущая её прикосновения.

Июль пролетел незаметно. И если ещё в начале лета семья искренне поддерживала Людмилу Ивановну и у всех даже появилась надежда на чудо, то с каждой новой неделей все видели – дело близится к развязке. Людмила Ивановна больше не походила на прежнюю Люсю, даже на ту, какой её привезли в лесничество.

Как-то за завтраком больная снова завела разговор о том, как чувствует себя хорошо и силы словно приливают к её телу.

– Мне вот двигаться тяжело, а так я совсем чувствую себя хорошо, – глядя с улыбкой на сестру, заговорила Люся. – Могу даже подряд сделать три, а то и четыре шага.

И всё бы ничего, но неожиданно Людмила Ивановна тихо закончила:

– Вот только что-то горло болит, это оттого, что после захода солнца я долго засиделась вчера.

От этих слов Катя и Леонид Михайлович переглянулись. Девушка укоризненно покачала головой.

Вчера, отправляясь на прогулку, они увлеклись разговором и зашли далеко и, как бы ни поторапливала их Катя, опоздали вовремя занести в дом Людмилу Ивановну, и она успела продрогнуть. Настроение, заданное во время завтрака, поглотило весь день, который вышел наперекосяк.

Екатерина целый день передвигалась по дому потерянной. Она отказалась идти гулять со всеми. На вопрошающий взгляд Можайского с натянутой весёлостью объявила:

– Мы с Люсей побудем, – и, обняв сестру за шею, добавила: – Нам есть о чём посекретничать.

Леонида Михайловича разозлило, как он сразу определил, женское коварство, но он решил не отказываться от намеченной прогулки. Закинув Мишке на спину рюкзак с припасами и водой, он быстрым шагом отправился прочь со двора. Дети последовали за ним.

– Пап, мы не быстро идём? – время спустя поинтересовалась Таня.

– Почему быстро? – Леонид Михайлович замедлил шаг. – Гуляем, как обычно.

– Скучно без Катьки, – тихо сказала Таня.

– Почему скучно? – воскликнул Можайский. – Совсем даже нет. Погуляем и сами, – неожиданно грубо отрезал он, но сдержался, чтобы не сказать ещё что-нибудь злое и мягче добавил. – С мамой тоже надо кому-то побыть.

Сегодня, как и обыкновенно, дошли до самого холма, которым оканчивалась лесная тропа. Медленно обошли его, постояли с той стороны, полюбовались видом долины и направились обратно. Прогулка подействовала на настроение Можайского. Бурлившие эмоции поуспокоились, и в душе установились смирение и торжественная тоска. Он никак не мог сообразить, почему ему были так милы и запах травы, и бархатный шум леса и даже бескрайняя долина, припушенная утренним туманом. Он невпопад отвечал детям, чем вызывал у них смех. С таким настроением они к полудню возвратились в лесничество.

После обеда, когда все домашние разбрелись по комнатам отдыхать, а Катя мыла посуду на кухне, Можайский зашёл к ней.

– Что это с тобою сегодня случилось?

– А утро прошло мимо тебя? – с вызовом посмотрела на него Катя. – Оставь меня. Иначе я начну ненавидеть тебя, так же, как сейчас ненавижу себя.

– Катя, – попытался возразить Леонид Михайлович, но девушка не стала его слушать. Она быстро обтёрла руки от пены и выскочила во двор. – Не прошло, – тихо закончил Можайский, с тоскою провожая в окне удаляющуюся фигуру Кати.

«О чём они говорили всё это время? – озадачился Можайский. – Может, Люся о чём-то догадывается и ревнует? Могла сказать ей что-нибудь», – мелькнуло у него в голове, и он почувствовал, как прилила кровь к вискам. Леонид Михайлович схватил платок и пошёл догонять Катю.

Девушка сидела на стволе упавшего дерева, неподалёку от лесничества. Леонид Михайлович ещё издали увидел её, обхватившую себя за плечи. Он бережно накинул на неё платок и сел рядом.

– Когда ты решил, что будешь счастлив именно с ней и за что её полюбил? – после некоторой паузы, задумчиво спросила Катя.

– Во-первых, она бесконечно добрый человек. Во-вторых, она нравилась мне как женщина, и мне хотелось те поцелуи и ласки, которые я себе позволял, сделать вечными, во всяком случае, долгими.

– Расскажи мне, как ты полюбил Люсю, как женился, как делал предложение, ну, как произошло у вас это? – Екатерина прислонилась к мужчине и положила голову на плечо, приготовившись услышать что-то, может быть, очень важное для неё.

– Ну... ну, вообще, я думаю, полюбил её потому, что полюбило сердце. Хочешь, считай меня легкомысленным, но я верю, в этих случаях решающее значение имеет не разум, а инстинктивное влечение к избранному человеку. И, конечно, отсутствие брезгливости. У меня сразу, с первого дня знакомства, не было к Люсе брезгливости.

– Разве можно так натуралистически относиться к любимому человеку? – задумчиво протянула Екатерина, вздрогнув обоими плечами, и сильнее закуталась в платок. – Может, это и так, – снова задумчиво заговорила Екатерина, – но женщина, когда любит, готова заплатить за эту любовь всегда и всем, включительно до жизни.

– Согласен с этим и я. Значит, так или иначе, – любовь самое дорогое и для мужчины и для женщины.

– Да, – почти одними губами ответила девушка.

«Значит, Люся здесь ни при чём», – утвердился Можайский и вздохнул свободнее.

– Открыто об этом не скажешь, – начал он, – но многие мелочи учитываются с помощью брезгливости. Желает этого человек или нет. Если бы ты испытывала ко мне брезгливое чувство, разве позволила бы сидеть рядом? – Леонид Михайлович сам не ожидал от себя такого сравнения и, сказав, затаился. Ему казалось, сердце выскочит из груди, а Катя тянула с ответом.

– Я с этим тоже согласна и сегодня в особенности это почувствовала, – голос Екатерины задрожал. – Любовь – не то, что имеешь вначале, а то, что донёс до конца.

– Донесём... – едва смог проговорить Можайский пересохшими губами.

Они сидели молча, боясь даже прикоснуться друг к другу, чтобы не спугнуть то чувство, которое только что обнаружилось, обнажилось своей правдой и которое можно было бы уничтожить одним неверным прикосновением, даже вздохом.

– Папа! Люся! – слышались приближающиеся голоса детей.

– Нас ищут, – сказала Екатерина, – идём.

– Мгм. Да, пора.

Можайский не спешил вставать. Он подождал, пока Екатерина скроется из виду. И когда услышал голоса встретившихся детей и Кати, быстро пошёл их догонять. К дому они подходили все вместе. Пропуская Катю в дверь, Можайский прихватил её под локоть и тихо спросил:

– Ну а какого мужчину желала бы ты себе в мужа?

– Даже не знаю... Трудно так сразу, – растерявшись на мгновение, произнесла она, но тут же весело добавила: – Хотя бы такого, как ты! – и рассмеялась громко, даже истерично, так показалось Можайскому, потом снова вздрогнула обоими плечами, притянула по сильнее платок и ушла.

В этот день Людмиле Ивановне было особенно плохо. Все домочадцы измучались и условились ночью дежурить по очереди и по часам.

Вечером Катя не вышла. Можайский долго сидел один на качелях, только Жучка составляла ему компанию. Ближе к полуночи поднялся ветерок. Полная луна ярко освещала окрестности. Набежавшие облака клочьями тянулись по небу, светлели возле полной луны, темнели и опять прятались за верхушками сосен. Тени рябили по земле, как волны, покрывая всё вокруг то синеватыми, то фиолетовыми пятнами. Макушки деревьев зашумели, как море. Жучка мирно дремала у ног, только изредка вскидываясь на шорохи. От яркого лунного света глаза у неё горели жёлтыми огоньками. Собака, чувствуя настроение хозяина, ограничивалась рычанием, а не как обычно – звонко гавкала, и голос её эхом разлетался по макушкам деревьев. Тоска обуяла Можайским. Он отдавал себе отчёт в том, что последнее время только возле Екатерины ему делалось спокойно и мысли шли правильно. Слёзы сами полились ручьями, и Леонид Михайлович не противился эмоциям, согласившись с тем, что давно хотелось выплакаться и лучшего случая, чем в одинокую ночь, не представится.

Неожиданно кто-то положил ему на плечо руку. Это была Катя, Можайский догадался, но не пошевелился, боясь выдать свою слабость, а слёзы предательски полились ещё сильнее, застилая глаза. Катя притянула его голову к себе, и он беспомощно уткнулся мокрым лицом ей в живот и больше не мог сдерживать нахлынувшее судорожное вздрагивание. Катя молчала, давая мужчине освободиться от слабости, только крепко прижимала его голову к себе. Успокоившись, Можайский отвернулся, чтобы привести себя в порядок и обтереть лицо. Екатерина села рядом и, вздрогнув от зябкости, прижалась к нему. Он обхватил её, накинув отворот телогрейки, и качнул ногой качели.

Можайскому стало страшно от осознания того, что внутренне он уже простился с женой навсегда и Катя в этом расставании ни при чём.

Людмилу Ивановну разбудил приступ кашля. Она пошарила возле себя по столику, стараясь отыскать стакан с холодным отваром, зацепила его локтем и опрокинула. Стакан упал и зазвенел по полу.

Когда кашель немного отступил, она встала с постели и, опустив худые, как кости, ноги в войлочные тапочки, хотела дойти до двери, чтобы кого-то позвать, но после пары шагов у Людмилы Ивановны закружилась голова, и она села на холодный пол, поддерживая себя кулаком. Мышцы отказывались держать больное тело, и женщина повалилась на бок, вытянувшись во всю длину изможденного тела. Зелёный луч луны, точно шнурок, тянулся сквозь щель занавесок и скользил по белой женской ночнушке. Пронзительно, не умолкая ни на одну секунду, пищали комары и умолкали только, чтобы напиться крови.

– Та-не-чка... – попробовала больная окликнуть спавшую в соседней комнате дочь.

– Ми-ша-а-ня...

Собравшись с силами, она доползла наконец до окна и постаралась ударить по стеклу. Остаток сил был потрачен, и рука только смогла лечь на стекло. Людмила Ивановна прислушалась к ощущениям – она не чувствовала ни прохлады, ни тепла стекла. Зеленоватый луч расплылся по полу в широкий лоскут. В окно были видны покачивающиеся качели и на них две белые фигуры, прикрытые одной телогрейкой.

«Если бы теперь воздуху, – думала Людмила Ивановна, – если бы я могла отворить раму!.. Вдохнула бы и стало легче. Они там вдвоем, а я никогда, никогда ничего подобного не буду переживать. Нужно окликнуть их. Хотя бы разбить стекло». Она оперлась телом о подоконник и изо всей силы ударила по стеклу, но удара не получилось, рука только скользнула. Больная заплакала и, медленно опустившись на колени, снова свалилась на бок, щекою прилепившись к полу.

«Господи, пошли смерть, только смерть, – может быть, я не верю в Тебя так, как нужно, но послушай меня, исполни последнюю мою просьбу, пошли смерть», – молилась мысленно Людмила Ивановна.

Зазвенело в ушах, и комната вместе с лунным светом медленно поплыла вокруг. Трудно было понять, какой это тёмный предмет лежит возле самого лица, и нет сил сообразить, почему во рту стало вдруг тепло и солоно, а в ногах и руках сладко...

– Послушай, кажется, Люся в окно стучит, – встревожившись, сказала Екатерина и, откинув руку Можайского, соскочила с качелей.

– Тебе показалось, – всматриваясь в темноту окон, попытался успокоить родственницу Леонид Михайлович. – Этого быть не может. Она спит.

– Смотри, что-то белое по окну скользнуло. Вон в окне! – вскрикнула Катя. – Она смотрит. Бежим.

Он тоже заметил. Ужас сдавил голову Можайскому и перехватил дыхание. В мгновение они были в комнате Людмилы Ивановны. Между ногами проскочила Жучка.

– Где этот выключатель? – нервно шаря по стене, охрипшим от перенапряжения голосом спросила Катя.

У Можайского и самого руки тряслись. Он тоже долго не мог найти выключатель, то и дело сталкиваясь с прохладной девичьей ладонью. Леонид Михайлович поймал Катину руку, и они вместе остановились на выключателе. Наконец свет озарил комнату, и лунный лоскут на полу пропал. Леонид Михайлович резко притянул к себе девушку и крепко сжал в объятиях.

– Ты чего? – не поняла Катя, пытаясь высвободиться из несвоевременных прихотей.

– Не оборачивайся, – прошептал Можайский, безумевшим взглядом уставившись в пол, за спину Кати и ещё крепче её удерживая.

В двух шагах от окна лежала с полураскрытым ртом и мутными глазами Люся.

Возле её лица чернела лужа крови; красноватая густая жидкость дотекла до валявшегося недалеко от покойной одеяла и расплзлась в две стороны. Рядом с покойной лежала Жучка, устроив морду на откиннутую в сторону руку и косясь в сторону дверей.

Валерий СТРЕЛКОВ

Родился в г. Свердловске (ныне Екатеринбург) 11 января 1941 года. Профессию журналиста получил в Уральском государственном университете. Служил в Группе советских войск в танковых войсках. Работал в районных и областных газетах России, с 1976 года живет в Молдавии, долгие годы был ответственным секретарем дондюшанской районной газеты «Трибуна», с 1996 года живет в Кишиневе.

Человек из-под поезда

Рассказ

На перроне небольшой станции, за которой сразу начинался поселок городского типа, пассажиры нетерпеливо поглядывали в сторону, откуда должен был прибыть дизель-поезд. Но с соседнего пути, прогромыхав сцепками вагонов с головы до хвоста, товарняк неожиданно тронулся, а через несколько секунд среди людей прокатился тревожный гул, раздались отчаянные крики: «У кого есть мобильник? Вызывайте «скорую»! Срочно! Под поезд попал человек...»

Многие ринулись ко второму пути, по которому, казалось, очень некстати, весело стуча на стыках рельсов, катились вагоны. Между стальной нитью железной дороги и невысоким выступом платформы лицом вниз лежал мужчина; рядом раскрывшийся от удара «дипломат», какие-то бумаги, пакеты и даже деньги. Хотя было тепло, люди ежились от увиденного. К месту происшествия подбежал и дежурный по станции, который со скрученным желтым флажком провожал товарный состав. Он снял с головы форменную малиновую фуражку, вытер выступивший на лбу пот, поправил синего цвета рубашку с погонами на плечах и, растерянно глядя на окровавленную ступню, напрочь отрезанную и лежавшую по ту сторону рельса, на то, как сочилась красная жидкость из ноги, объявил, что необходимо вызвать и полицию. Кто-то из зевак сказал, что уже вызвали и «скорую», и милицию (по старой привычке).

– У кого-то, может, есть жгут или веревка, надо же остановить кровотечение! – крикнула Ирина, когда простучал последний вагон, и склонилась над казалось безжизненным телом незнакомца, дрожащей рукой проверила пульс на горле возле уха. С помощью мужчин повернула раненого на спину, приподняла искалеченную ногу кверху и подложила под нее дипломат несчастного, а когда ей протянули отстегнутый от походной сумки ремень, туго, что есть силы, перетянула им культю ниже колена.

Глаза человека, пару минут назад еще здорового и, возможно, преуспевающего, так неожиданно, нелепо ставшего инвалидом, были закрыты; словно высеченное из камня лицо стало матовым; из-за полуоткрытых губ виднелись верхние золотые зубы; из-под воротника голубой рубашки в полоску с короткими рукавами желтизной светилась цепочка с крестиком. Но Ирину больше всего удивили два золотых кольца на безымянном пальце левой руки. Она не знала, что хозяин этих украшений – вдовец.

– Батюшки! Молодой совсем, – огорченно произнесла сутулая старушка, стоявшая ближе всех к Ирине, и перекрестилась.

– Не местный вроде, – пытались угадать зеваки. – Наверно, к кому-то в гости приехал.

Вскоре перрон почти опустел, остались лишь двое путейцев, которые, видимо, ждали остальных, чтобы отправиться на перегон. Пострадавшего забрала «скорая», а прибывший с небольшим опозданием дизель-поезд, приютив пассажиров и дав протяжный гудок, гулко замолотил по стали. Приехавшим на сине-желтом «Опеле» полицейским дежурный по станции язвительно бросил:

– Поздно пить боржоми... Бедолагу увезли в больницу.

– Он, что, живой остался? – удивился старший лейтенант.

– Живой, живой, только правую ногу ему оттяпало. Но если б не одна женщина, наверно, она врач, не проявила энтузиазма спасти человека, угаснуть бы ему на этом месте. И так крови, видите, сколько он уже потерял, – железнодорожник взглядом показал на большое темное пятно возле рельса.

– А ту бабенку не знаешь? Она села в поезд? – спросил молодой полицейский.

– Видел ее много раз и с ребенком, и одну, значит, здешняя. А вот куда подевалась – не обратил внимания.

– Да уехала она... в первом вагоне, – застегивая верхнюю пуговицу оранжевой жилетки, выручил дежурного один из путейцев, ставший невольным свидетелем этого диалога.

– Поехали, – уже с безразличием кивнул головой водителю старший лейтенант. – Пусть транспортная полиция разбирается.

За окном вагона то разноцветьем плыла навстречу лесополоса, то она вдруг обрывалась и перед взором открывались покрытые зеленым ковром поля, то пасущееся на лугу стадо коров, то светящееся зеркалом озеро с синим, змеевидным хвостом-речкой. Другой раз Ирина с восхищением бы смотрела на эту подаренную Богом красоту, думала бы о предстоящем семинаре в Кишиневе, на который она ехала, но сегодня ее мысль полностью была охвачена чрезвычайным происшествием, участницей которого, пусть и косвенно, пришлось стать и ей. Вопросы один за другим возникали сами собой: кто этот человек? Не скончался ли по пути в больницу – сколько больных умирает, не доезжая до операционного стола?! Кто сообщит о беде его родным? Он ведь вообще мог умереть. В мыслях мелькнули слова Омара Хайяма: «Ты знаешь сам давно, что жизнь – одно мгновенье».

Перед глазами молодой женщины вновь предстала жуткая картина: уткнувшийся лицом в железнодорожное полотно человек, ступня, свисавшая с рельса на одной жиле, раскрытый дипломат, рассыпавшиеся вокруг вещи: бритвенный прибор, папка, деньги, прозрачные пакеты с каким-то порошком. Только теперь до Ирины дошло, что не обратила внимания на то, кто подобрал его вещи. «Все-таки, наверно, бригада «скорой», – успокоила она себя.

Как одному из опытных учителей информатики, районное начальство поручило Ирине Валентиновне выступить на республиканском семинаре. Тема в общем-то была несложная: «Использование новых информационных технологий в работе. Их положительные стороны и возможные недостатки». Не обделенная ораторским искусством, она выступала перед коллегами и представителями министерства словно перед учениками – раскладывала свою методичку преподавания предмета и используемые научные новинки по полочкам. Когда поблагодарила аудиторию за оказанное внимание, в зале раздались даже аплодисменты. Эти рукоплескания, доброжелательные, веселые взгляды единомышленников подняли настроение. Не зря говорят, человеку немного надо для полного счастья. Неприятные чувства, какие она испытала утром на станции, улеглись в глубине души. А в перерыве, обедая в кафе и обсуждая со знакомыми преподавателями из других районов об оптимизации школ, низких зарплатах, проходящих выпускных экзаменах, бытовых проблемах, мысли и вовсе перенеслись в будничное русло.

Хотя Ирина предупредила дочь, чтобы не звонила, ибо ответить все равно не сможет, так как будет занята, в ее сумке мобильник запел знакомую мелодию. Извинившись, вышла в фойе, достала трубку, нажала на нужную кнопку.

– Мамуля, привет! – раздался голос Катьюши. – А у нас плохая новость...

– Что случилось? – встревожилась Ирина Михайловна.

– Под поезд попал человек...

– Я знаю. А тебе-то как стало известно о ЧП? Ты, что, в городе была?

– Во дворе тети говорили об этом...

– Ладно, когда вернусь, тебе обо всем расскажу. Ты хоть позавтракала?

– Да. Уже и обедать собираюсь...

– Молодец! – искренне похвалила дочь молодая женщина. – Только смотри, дальше двора – ни шагу. Занимайся музыкой. Пока!

Ирина Михайловна не скрывала от окружающих радости от того, что Катя растет хоть и без отца, но не по-детски рассудительная, уважительно относится к взрослым, на отлично окончила третий класс, ходит в музыкальную школу и неплохо играет на пианино, а уж исполнением «Лунной сонаты» Бетховена очаровывает всех слушателей. Это ее козырь.

Как и любой маме, Ирине очень хотелось, чтобы у Катьюши сложилось счастливое детство, а став взрослой, какие бы трудности с материальной точки зрения ни испытывала семья, получила высшее образование и приличную работу. Вроде рано об этом думать, но ей-то, педагогу, хорошо известно, как быстро летят годы, глядишь, человечек, кажется, еще недавно еле-еле умел читать и писать, а тут уже вылетел из школьного гнезда в неизмеримо длинный полет. Жаль только, растет Катюша, не зная отцовской заботы и ласки. Интересно, вспоминает ли он хоть о них? И не мучает ли совесть, что не платит

алименты? Ни привета ни ответа вот уже седьмой год. Даже матери не дает о себе знать. Хотя свекровь, может, просто не хочет сказать об этом. Для нее Катюша вроде и не внучка – при встрече говорит с ребенком на высоких тонах, а с ней, с Ириной, не хочет и общаться. Как будто она, невестка, виновата в том, что разошлись пути-дороги с ее, честно сказать, непутевым сыном. За время после их расставания за ней пытались ухаживать овдовевший врач районной больницы и капитан полиции – уж слишком хороша была собой Ирина, чтобы на свободную женщину не обратили внимание мужчины, но она обоим дала понять, что не готова и не намерена вступать не то что в близкие, даже дружеские отношения. Скорее, не из нравственных принципов: просто, доктор хоть и отличался остроумием и слыл профессионалом в своем деле, к нему не лежала душа; а полицейский сразу же разочаровал ограниченностью, да еще и, как оказалось, женатый.

По молдавским меркам путь от Кишинева до родного города Ирины не близок. В купе московского поезда, а она возвращалась именно на нем, ибо на дизель-поезд при любом желании не успела бы, из противоположного зеркала, прикрепленного к стенке купе, ей улыбалось спускающееся к горизонту лиловое солнце, колеса без устали отстукивали свои километры. Ирина даже обрадовалась, что попутчики – совсем юная пара – сразу же, как только тронулся состав, ушли в вагон-ресторан. Без посторонних, казалось, будет спокойнее, никто не будет мешать течению мыслей. Но в глубине души свербело, и она поймала себя на том, что вновь видит перед собой человека из-под поезда. Сознание подсказывало, ему сделали операцию, больной наверняка находится в реанимации. Женщина представила, какие чувства испытает он, когда очнется и поймет, что лежит в больничной палате, из-за боли в правой перебинтованной ноге потянется нащупать ее и с ужасом обнаружит, что стал калекой. И, возможно, жизнь его разделится на две части – до несчастного случая и после него.

После поездки в Кишинев, начало которой невозможно было забыть, прошло уже больше недели. Ирина намеревалась отправить Катюшу к бабушке в деревню, но дочь неожиданно выдвинула условие: пока не увидит дядю, попавшего под поезд и которого спасла мама, никуда не поедет. Признаться, ей и самой хотелось навестить незнакомца, узнать, как он себя чувствует, бывают ли у него родные и близкие, может, человек нуждается в чем-то и, вероятно, в моральной поддержке особенно. Однако не знала, как представиться в хирургическом отделении, объяснить дежурным медикам, кем приходится больному. А уж если среди них окажутся знакомые или кто-то из родителей учеников, пересудов не избежать. Город небольшой, все на виду. А как воспримет появление в палате сам спасенный ею человек? И что она скажет ему: здравствуйте, я ваша тетя, я из Киева?

Душой Ирина понимала, что зря наводит на себя страх. Найдет она общий язык и с дежурными медиками, и с больным, и никаких сплетен не боится. И однажды вернулась домой с абрикосами, конфетами, бутылкой кока-колы и букетом полевых цветов.

Катюша сразу сообразила:

- Мам, идем в больницу?
- Тебя же иначе не дождетя бабушка, – слукавила Ирина.
- А цветы-то зачем? Разве мужчинам их дарят?

– Дарят, дарят... Только женщина, согласно этикету, должна их держать в левой руке, – обняла дочь женщина. – Собирайся. Я тоже переоденусь.

Усталое краснощекое солнце собиралось уже вот-вот скрыться за одноэтажными заводскими домами, жара спала, за школьным сквериком простучал колесами дизель-поезд, идущий в сторону Окницы.

– Куда это вы так нарядно оделись, Ирина Валентиновна? – поинтересовалась бабушка-соседка, возвращавшаяся, видимо, из магазина.

- Человек всегда в заботах, без них, наверное, было бы скучно жить, – улыбнулась Ирина.
- Что верно, то верно, – поддержала старушка. – Дай Бог вам удачи.
- Спасибо!
- Спасибо! – повторила за мамой и Катюша.

В хирургическом отделении дежурила незнакомая медсестра, молоденькая белокурая женщина. «Вот и хорошо!» – подумала про себя Ирина и спросила, в какой палате лежит больной, которого привезли с железнодорожной станции дней десять назад. Сказать точнее у нее почему-то не хватило духу. Но уточнила медсестра: «Это тот, который попал под поезд? Он в 18-й палате. Но у него сейчас посетители». Однако как раз в этот момент из палаты вышли двое мужчин – один молодой, другой – уже в годах. Попрощавшись, скрылись за дверью отделения. Медсестра подала Ирине белый халат, а Кате сказала, что

ей можно пройти и так.

– Да! Кто там? Войдите, – прозвучал в палате баритон, когда Ирина постучала в дверь, а войдя в комнату, сразу узнала своего спасенного: рыжевато-кучерявые волосы, золотые фиксы, но уже не бледное, как в то памятное утро, а вполне нормальное, налитое жизнью лицо. А еще голубые, как у девушки, глаза и подкупающая улыбка. На тумбочке лежали яства, мобильник, на кровати рядом с больным – ноутбук.

– Вы, наверное, ошиблись дверью, – сверкнул он зубами, с ног до головы изучив взглядом незнакомую женщину и девочку.

– Да нет, мы именно к вам, – смущаясь, ответила Ирина. – Здравствуйте!

Так как тумбочка была занята, выложила на подоконник сладкое, цветы поставила в поллитровую банку, весьма кстати оказавшуюся здесь. Видя недоуменный взгляд временного поселенца палаты, кратко объяснила, что стала свидетельницей несчастного случая, хоть раньше не приходилось оказывать кому-либо первую медицинскую помощь, увидев, что никто не решается этого сделать, осмелилась она. Конечно, теорию знала, может, это и помогло быстро управиться с задачей.

– С тех пор не дает покоя мысль, как вы выбрались из такого кризиса, как справляетесь с психологическим состоянием...

– Так это вы! – прервал ее мужчина дрожащим голосом, и было видно, как волнение охватило, глаза повлажнели, казалось, из них вот-вот покатятся слезы. – Знаете, что мне сказали врачи: если б не вы, то быть бы мне уже на небесах. Кстати, я интересовался, кто мой спаситель, но врачи не знают, сказали только, что какая-то молодая женщина. Боже мой! Я теперь перед вами всю жизнь буду в долгу. Давайте знакомиться: Костя.

– Ирина. А это моя дочь, Катя.

– Красавица, – улыбнулся больной и протянул ей лежавшую на тумбочке шоколадку.

– Я в маму пошла, так люди говорят, – серьезно ответила девочка, поблагодарив нового знакомого. Взрослые невольно рассмеялись. Ирина полагала, что увидит подавленного, убитого горем мужчину, а человек улыбался, искренне радовался новым знакомым, задал еще один вопрос девочке:

– Папа, наверно, тебя очень любит?

– У нас нет папы, – глянув на маму и, видимо, рассчитывая на ее поддержку, ответила Катя.

Ирина, конечно, догадалась: Костю не просто так интересовало ее с Катюшей семейное положение, и прямо выложила, что папа где-то за границей, у него вроде новая семья.

– А мою жену сбил автомобиль... Насмерть... Недавно... Мой Гришуня растет теперь с бабушкой, – упавшим голосом произнес больной.

– Водителя-то хоть нашли? – спросила Ирина.

– В том-то и дело что нет. Знаете же: они стараются скрыться с места ДТП. Но кое-какими данными я обладаю. Этого мерзавца из-под земли достану, – в глазах Кости сверкнула злость. – Однако давайте не будем о грустном. И прошу вас, не смотрите на меня жалеющими глазами. Так уж суждено: рождаемся мокрыми, голыми, голодными, но подоплека в том, что и в дальнейшем нас чаще ждут неудачи, если хотите, беды. Так вот, умные должны предвидеть беду, а храбрые – управляться с ней.

– Вы себя к коим причисляете?

– Отнюдь не к первым. Иначе не оказался бы здесь, – Костя обвел глазами одноместную белоснежную палату.

– А как вы себя чувствуете? – осторожно спросила Ирина.

– Живы будем – не помрем, – усиленно улыбнулся больной.

Мать и дочь ушли от Кости с таким чувством, будто знали его всю жизнь. Искренний, доверительный, оптимист – эти качества особенно понравились Ирине. «Вас теперь ждать завтра, послезавтра? – спросил он, когда они были уже в дверях палаты. – Мне вас будет не хватать». В этом простом вопросе легко улавливались его просьба, мольба, надежда, и Ирина просто не могла обидеть человека отказом, хотя уже знала, что он не одинок, к нему приезжали из Кишинева мать с сыном Гришей, друзья. «Через день, а может, через два», – ответила она. «Мы обязательно придем, дядя Костя!» – весело поддержала маму и Катя. «Я вам буду звонить», – пообещала Ирина, точно зная, что слово сдержит. Отдыхать она никуда не поедет – дай Бог, чтобы отпускных денег хватило на семейные расходы да расплатиться с коммунальными долгами; не пойдешь с пустыми руками и к Косте. Это он, наверное, особо не считается с деньгами, имея на рынках Кишинева несколько торговых точек, трехкомнатную квартиру и грузовой микроавтобус, пусть и не новый, на котором ездит за товаром. Ирина вдруг поймала себя на мысли, что не узнала у Кости главного: какие дела привели его в нашу глубинку? С местным заводом по выпуску красок реформаторы давно расправились, остались от него лишь голые стены с зияющими окнами. А у

нового знакомого, как оказалось, преуспевающего предпринимателя, краски, лаки, разбавители – чуть ли не самый ходовой товар. Значит, приехал сюда, чтобы решить какие-то другие важные вопросы? Может, к женщине? Но эту версию тут же отогнала: не может человек, недавно похоронивший любимую жену, сразу же броситься в омут головой.

Короткая дорога к дому лежала через железнодорожную станцию. Ирина обратила внимание на то, как дежурный, видимо, вышедший встречать товарняк, который показался вдали на переезде, уж очень необычно – с каким-то любопытством – посмотрел на них. Ну да, это был тот самый дежурный, который наблюдал за ее действиями, когда она корпела над Костей. Было видно, он хочет им что-то сказать.

- Простите, пожалуйста, – обратился он к Ирине, – вас нашли корреспонденты из местной газеты?
- А чего это вдруг они заинтересовались моей персоной? – удивилась она.
- А как же! Можно сказать, вы спасли человека от верной смерти.
- Помните, наверное, в старые добрые времена говорили: так поступил бы каждый советский человек, – возразила Ирина. – Мне не надо славы.

В ответ дежурный что-то пробормотал, но ни она, ни Катя не поняли его слов, так как тепловоз дал длинный гудок, машинист приветливо помахал дежурному рукой.

Теперь Ирине приходилось посещать больного одной. Катюшу она отвезла к маме – бывшей сельской учительнице, которая не скрывала радости, что единственная дочь пошла по ее стопам, и души не чаяла во внучке. И не скрывала радушия, когда они неожиданно стучали в калитку и весело кричали: «Бабушка, открывай, к тебе гости!» И на сей раз Вероника Михайловна обняла Ирину, поцеловала Катю. Когда сели за стол обедать, хозяйка дома сообщила новость, услышанную по телевизору: какому-то молодому мужчине, попавшему под поезд, местные хирурги успешно пришили ступню. Один из них даже рассказал, как очистили рану от грязи, раздробленных костей, потом все закрепили специальной пластиной, спицами, сшили сосуды, восстановили нервы, как в ступню вернулось кровообращение. Главное, период, когда могли начаться необратимые осложнения, позади. Мама Ирины передавала услышанное с такой эмоциональностью, словно удачную операцию провели кому-то из ее родных. Катя, конечно, догадалась, о ком идет речь, хотела уже выложить, кто спас дядю, но Ирина подала знак, чтоб дочь молчала. Не хотелось ей вводить в эту житейскую историю и маму. А еще удивилась, почему Костя ничего не сообщил ей об удачной операции.

А он был на седьмом небе от радости, когда она очередной раз появилась в палате. Правда, они и без того вечерами подолгу говорили по мобильному телефону. Ирина даже благодарилась про себя изобретателя этого чудо-аппарата американца Мартина Купера. Но очную встречу не заменишь ничем. Новый знакомый подкупал тем, что обладал огромным объемом информации, умением находить ответы на трудные вопросы. Особенно удивил, сказав, что интеллигентные профессора и даже академики с глобокомысленным видом пишут откровенные глупости, многие люди страдают стереотипным мышлением. «К последним отношусь и я», – подумала про себя Ирина, но собеседнику не призналась. А он, словно уловив ее мысль, спросил, как она поступает, если ученик не подготовился к уроку?

- Как? Ставлю отрицательную оценку.
- Я так и знал. Между тем стереотипы наказаний типа «завтра в школу придешь с родителями» влияют на психику ребенка, вызывают отвращение к учебе. Я бы, например, если трудное задание на дом, разрешил бы ученику воспользоваться видеофрагментами, карточками, содержащими подсказку, то есть как при сдаче на водительские права...

– Костя, так тебе в школе надо работать, а не бизнесом заниматься, – Ирина крепко пожала ему руку. Она и не заметила, что перешла на «ты», зато от него не ускользнул этот штрих в их взаимоотношениях, улыбнулся и ответил:

– Каждый посвящает себя любимому делу. Ты ведь тоже выбрала эту беспокойную, нервную, малооплачиваемую профессию не ради диплома. Наверное, безмерная любовь к детям, то, как они благодаря наставникам превращаются в умниц и умников, посвятила себя школе?

- И это тоже. Но главным образом – семейная традиция. У меня и бабушка, и родители были педагогами.
- Здорово! А Катюша тоже хочет стать учителем?
- Мы пока не знаем. Под школьным крылом ей быть еще долгих семь лет.
- Время летит быстро. Кажется, давно ли я сюда попал, а прошло полтора месяца. Но, наверное, скоро выпишут.
- Ты ведь сообщишь об этом? Я тебя провожу...

– Конечно, дорогая Иринушка!

Она уже не раз ловила себя на мысли, что постоянно хочет слышать, видеть Костю. Но не могла понять, почему он все-таки не хочет сказать ей, что он, благодаря золотым рукам врачей, никакой не инвалид. Не зря говорят: не место, а дело красит человека. Видимо, хочет сделать сюрприз: однажды скинет с себя одеяло, спустит на пол ноги, встанет и пойдет по палате.

Но случилось иначе: однажды в субботу после обеда в дверь кто-то позвонил. Ирина подумала, что соседка-пенсионерка вновь пришла за солью, спичками или еще ей что-то понадобилось, но когда Ирина открыла дверь, ахнула: на лестничной площадке стоял Костя – высокий, здоровый, улыбающийся.

– Проходи! – женщина легонько постучала его по мощной груди кулачком. – Человек, подкидывающий сюрпризы.

– Птица создана для полета, а человек – для неожиданностей, – весело бросил Костя, слегка прихрамывая, прошел на кухню, выложил из полиэтиленового пакета бутылку коньяка, сыр, конфеты, мясной рулет. – Устроим пир на весь мир.

Не привыкшая к спиртному, Ирина после первых же двух-трех рюмок захмелела, стала веселой, хоть и старалась воздержаться, однако ее тянуло на разговоры. Хотела все знать о его погибшей жене – кем работала, моложе ли его была, изменял ли ей, скучает ли по ней Гриша? Как оказался в этой глубинке и почему приехал не на своей машине, а на маршрутке?

– В следующий раз приеду на своей, – загадочно ответил Костя. Он вдруг оживился: – Слушай, Ириша, а может, мне подыскать тебе работу в одной из школ Кишинева?

– Поживем, увидим, – ответила Ирина.

Проснулась она, когда в окне забрезжил рассвет. Ее голова лежала на его груди. Женщина слышала ровный стук сердца друга, ровное, спокойное дыхание. Ей так хотелось, чтобы этот веселый и в то же время деловой человек никуда не уезжал, всегда был рядом. Ночью он говорил Ирине, что они должны быть вместе, у Гришки должна быть мать, а у Катюши – отец. В семье не придется считать каждую копейку, ибо зарабатывает он в несколько раз больше, чем она. Однако от слова «должны» сквозило неопределенностью, неуверенностью, казалось, Костя что-то недоговаривает. А может, эта совместная ночь стала первой и последней? Мужикам ведь что – получил свое, а там хоть трава не расти. Ладно, не надо сгущать краски, успокоила себя Ирина, и стала будить Костю:

– Дружище, подъем! Поедешь поездом или маршруткой?

– На такси, моя желанная, радость моя, – ответил он и обнял ее. – Кстати, надо уже вызвать.

Пока завтракали, допили коньяк, машина пришла. Ирина не стала его провожать, не хотела, чтобы видели соседи. Только с балкона помахала рукой, не очень уверенная, что вновь увидит его. Зато его бархатный баритон она слышала по телефону каждый день. Он приглашал Ирину посмотреть его апартаменты, жаждал познакомиться с матерью, с Гришкой. Настаивал потому, что приближался новый учебный год и из-за занятости не сможет приехать. Однажды, в конце августа, она обрадовала его, сообщив, что едет в Кишинев на конференцию учителей, попросила его прийти в Национальный театр оперы и балета, чтобы оттуда вместе отправиться к нему домой.

Выйдя из театра, Ирина всматривалась в мужчин, беседующих на лестнице театра, в шагающих по площади, но Кости не было. Вдруг в сумочке раздалась знакомая мелодия мобильного. Знакомый до боли голос произнес:

– Иринушка, дорогая, извини, пожалуйста, я не могу тебя встретить. Адрес ты знаешь, садись на 154-ю маршрутку и, не доезжая двух остановок...

Голос Кости вдруг исчез. Она несколько раз пыталась набрать его номер сама, но трубка настойчиво начинала: «Ваш номер временно не доступен». Но через полчаса Ирина уже поднималась по лестнице незнакомого многоэтажного дома. Еще с межлестничной площадки она увидела 76-ю квартиру. В этот момент дверь открылась и из квартиры вышли Костя, которого сопровождали двое полицейских, а вслед за ними плачущая немолодая женщина и мальчик лет двенадцати. Ирина догадалась, конечно, это мать и сын Кости. Она как вкопанная встала в углу площадки, не зная, как поступить: или присоединиться к ним, или подождать, пока люди спустятся вниз. Но Костя обратился к ней:

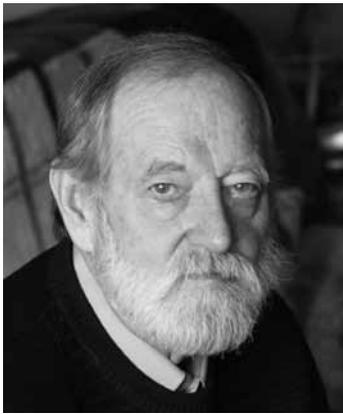
– Иринушка, прости меня, если сможешь. Но я все-таки того подлеца, убившего мать моего сына, наказал...

– Молчать! – приказал один из полицейских. – И руки за спину!

– Иринушка! Жди меня. Я тебя люблю, – отчаянно крикнул на весь подъезд Костя.

Он был уверен, Ирина будет ждать его...

Иван ЕВСЕЕНКО

*Окончание. Начало в №8.***Поющие пески***Повесть*

Делать мне было совершенно нечего, и я решил обследовать ближайшие к дому окрестности и, если повезет, завестись провиантом в каком-нибудь магазинчике. Закрыв дверь на ключ и запрятав его в потаенном месте, которое мне еще вчера вечером показала Мария, я пошел вверх по шоссе в сторону Ниды. И, оказалось, не зря. Километра через полтора вдруг обнаружился небольшой, судя по всему, рыбацкий поселок, теснившийся на берегу Куршского залива. Был он совсем крохотным, всего на пять-шесть домов, но в самом крайнем из них располагался продуктивно-хозяйственный магазинчик. Я вошел в него и первым

делом, сам не зная, почему (может, с досады за напрасно потерянное утро), купил бутылку вина, граненый стакан и матерчатую сумку и лишь потом кое-что из провианта: буханку хлеба, полкилограмма дорогой «краковской» колбасы, банку прибалтийских шпрот и в заключение, для лакомства, триста граммов любимых своих глазированных пряников.

Погрузив все эти припасы-лакомства в сумку, я опять пошел вверх по шоссе, надеясь отыскать и увидеть еще что-нибудь примечательное: островки «танцующего» леса, родниковое озерцо или потевтонски прочный прусско-королевский замок. Они, говорят, здесь встречаются часто. Но вместо всего этого я вдруг увидел с левой стороны шоссе ту самую дюну, у подножья которой мы стояли сегодня утром вдвоем с Марией и где она подарила мне на счастье янтарный камушек.

Не долго думая, я свернул к ней и по зыбкому, постоянно осыпающемуся у меня под ногами песку начал взбираться на вершину. Казалось, она была совсем рядом (рукой можно дотянуться), но достигнуть ее с набега и наскока на одном дыхании мне не удалось. Несколько раз я останавливался, успокаивал бьющееся частыми гулками толчками сердце, ругал себя за непредусмотрительность: надо было отыскать у подножья какую-нибудь выброшенную морем корягу-посох (в прошлом году студенты вооружались ими не зря) и лишь после этого, опираясь на нее, затевать восхождение, уподобившись пилигриму и паломнику. Я стал оглядываться по сторонам, нет ли где на многоступенчатом склоне если не посоха, то хотя бы самой обыкновенной палочки-прутика (все было бы мне легче одолевать крутой подъем). Но вокруг было пустынно и голо, лишь в двух-трех местах позванивали на ветру ядовито-зеленые, похожие на кактусы растения с острыми колючками на листьях. Угрюмым, бесприютным видом они нагоняли тоску и уныние, а мне и без того было невесело. Я едва не повернул назад, чтоб укрыться в доме, который был хорошо виден отсюда, с высоты, и завалиться там спать. Но, минуто спустя, я все-таки усовестился своей слабости и малодушия, переложил сумку из руки в руку и с новой отвагой принялся карабкаться вверх. Дыхание у меня постепенно наладилось, выровнялось (опять же, как во время десятикилометрового марш-броска, когда на смену первому, хлипкому и неустойчивому, дыханию приходит второе, размеренное и глубоко-сильное), и я одолел оставшуюся часть подъема всего лишь с одной коротенькой остановкой.

Зато какие просторы и дали открылись мне с зыбкой вершины дюны! Морской горизонт действительно раздвинулся, и мне показалось, на самом сгибе его играет на утреннем солнце белый туго натянутый парус, хотя это могла быть и пенисто-кружевная пена на гребне крутой высокой волны. Но я решил, что это парус, и долго следил, как он то исчезает, то вновь появляется за чертой горизонта.

Потом я повернулся в другую сторону и так же долго и неотрывно следил за утренней пробуждающейся жизнью на тихом Куршском заливе. В нескольких местах я заметил рыбацкие сине-голубые лодки и самых рыбаков с удочками, спиннингами и еще какими-то неведомыми мне, да и плохо различимыми отсюда, издали, снастями в руках. Мне захотелось, обнаружив себя, прокричать рыбакам что-нибудь веселое и озорное, чтоб они отвлеклись от своей унылой и, возможно, неудачной сегодня рыбалки, тоже развеселились и бросили ненадежные свои, обманувшие все их ожидания удочки. Я сложил руки рупором, набрал полную грудь воздуха, приподнялся на цыпочках и собрался уже было кричать, но вовремя спохватился: далекого моего крика рыбаки, скорее всего, не услышат, а если и услышат, то вдруг подумают, что со мной случилась какая-нибудь беда, и я зову их на помощь.

А со мной никакой беды не случилось. Просто мне хорошо и весело на вершине песчаной дюны. Помощь, конечно, нужна (очень нужна!), но только не их, мужская и рыбацкая...

А коль мне вдруг сделалось так хорошо и весело, коль я достоверно знаю, чья и откуда придет по-

мощь (поздно вечером, после семи часов), то надо мне поскорее устроить праздник в честь покорения первой в моей жизни дюны.

Я разложил на сумке все свои припасы, открыл ножиком-складеньком, который с детских лет всегда ношу в кармане (как деревенскому мальчишке-следопыту без перочинного ножика?!), бутылку вина, консервы, нарезал вдосталь колбасы и хлеба. Потом налил полный стакан янтарно-чистого вина, поднял его высоко в руке и прокричал в сторону моря:

– С тобой обняться был бы рад!

Море откликнулось на мой призыв глубинным устрашающим рокотом, вспенилось девятым, а может, и десятым валом и выплеснулось на берег такой могучей волной, что на вершине притихшей и затаившейся дюны задрожали и пали ниц колючие песчаные растения.

В гордом восторженном одиночестве я пировал долго и счастливо. Много раз кричал ещё что-то морю и его грозному повелителю Посейдону, читал стихи и свои собственные, и чужие и нескрываемо радовался, что никого сейчас рядом со мной нет.

Но потом, как это часто и бывает после неумного веселья, мной овладела юношеская необъяснимая грусть. Я оставил свои будоражащие крики, перепалку с морем и Посейдоном и, отрешившись от всего земного и водного, упал ничком на песок и стал слушать его загадочное пение. Я прижимался к песку разгоряченной головой и грудью, и мгновениями мне казалось, что я действительно слышу какие-то звуки и мелодии и почти понимаю их. Но они тут же уходили от меня, ускользали, непонятые и неразгаданные, и я слышал лишь тревожные крики чаек над морем.

Не веря этому, я поворачивался на спину, запрокидывал руки за голову и опять напряженно слушал то в полной темноте, закрыв глаза, то, наоборот, широко открыв их, чтоб неотрывно смотреть в высокое сине-лазурное небо, куда, наверное, и улетают все будоражащие меня звуки. Но и, лежа навзничь, на спине, ничего кроме надоедливого крика чаек и шума прибоя не слышал...

Вконец измучившись, я допил остатки вина, собрал пиршеский свой стол и берегом моря пошел к дому. В нескольких шагах от дюны мне наконец попался настоящий подорожный посох, неодолимо крепкий, сиренево-сизый и немного шершавый от пропитавшей его морской соли. Я поднял посох и, опираясь на него, зашагал быстрее. На дюну я ни разу не оглянулся, но все время чувствовал нависшую у себя за плечами и готовую раздавить меня ее громаду, постоянно думал о ней, о ее поющих песках: либо мне не дано услышать их и понять, либо это лишь легенда, а на самом деле ни о чем вечно влажные эти просоленные пески не поют и не могут петь...

* * *

Дома я плотно затворился на мансарде и долго лежал на диване, стараясь уснуть, чтоб поскорее прошло время, и настал долгожданный вечер – семь часов. Но уснуть мне так и не удалось, и тогда я, бодрясь и заново обретая жизнь, достал из дембельского чемоданчика томик Хемингуэя и стал читать любимый свой рассказ «Старик и море»:

«Старик рыбачил один на своей лодке в Гольфстриме. Вот уже восемьдесят четыре дня он ходил в море и не поймал ни одной рыбы. Первые сорок дней с ним был мальчик. Но день за днем не приносил улова, и родители сказали мальчику, что старик теперь уже явно *salao*, то есть самый что ни на есть «невезучий», и велели ходить в море на другой лодке, которая действительно привезла три хороших рыбы в первую же неделю. Мальчику тяжело было смотреть, как старик каждый день возвращается ни с чем, и он выходил на берег, чтоб помочь ему отнести домой снасти или багор, гарпун и обернутый вокруг мачты парус. Парус был весь в заплатках из мешковины и, свернутый, напоминал знамя наголову разбитого полка»

И чем больше я читал, тем больше мне хотелось, выпросив у рыбаков лодку, уйти в море и обязательно поймать громадную рыбу-меч. От меня бы она ни за что не ушла: я молод, натренирован и закален за три года армейской службы, не то что старый немощный старик. Сколько бы рыба ни вырывалась, сколько бы ни таскала лодку по морю, а все равно не вырывалась бы, и я к вечеру, отбившись от всех акул, укротил бы ее и привез домой, чтоб обрадовать Марию и Мальвину богатым уловом и добычей. С этими, считай, уже осуществленными надеждами я в конце концов уснул на диване и беспробудно проспал и весь вечер, не слыша, как вернулись Мария с Мальвиной, и всю штормовую, неожиданно холодную ночь. И ничего мне в этой ночи не снилось ... (А старику из рассказа Хемингуэя почему-то снились львы).

* * *

На следующее утро повторилось то же самое. Мы гуляли с Марией вдоль побережья, собирали янтарные влажные камушки (я наловчился и уже почти без помощи Марии нашел несколько янтарных крупинок, похожих на запекшихся на солнце капельки сосновой смолы-живицы) и, сосредоточенные этими поисками, суеверно молчали. Вернее, молчала Мария, а я говорил восторженно и недопустимо много (это мне только казалось, что я так же, как и Мария, молчу), все рассказывал и рассказывал ей о своем селе, куда мы обязательно съездим. Там тоже очень хорошо гулять на ранней, утренней заре возле речного берега, смотреть и слушать, как носятся над водой речные ласточки-касатки и речные чайки-крячки с сабельно-острыми крыльями, как прямо у тебя под ногами безбоязненно ходят сиренево-сизые трясогузки-плиски и длинноногие кулички, а высоко в небе охранно парит гордый и неприступный аист...

Ничего не изменилось ни на третий, ни на четвертый день. В девятом часу Мария с Мальвиной уезжали в Зеленоградск, а я оставался один в своей высокой нависшей над морем мансарде. Сидеть за столом и томиться над очередной фразой романа я даже не думал, заведомо зная, что ничего у меня не получится, нужные слова не отыщутся и не найдутся, словно засыпанные песком и галькой.

Я опять шел в рыбацкий поселок, покупал в магазине вино и закуску и взбирался на дюну, но уже не со стороны моря, где она многоступенчато-отвесная и недоступная мне, а со стороны шоссе, к которому дюна подходит почти вплотную затыжным пологим спуском. На вершине я ложился на непрогретый еще песок вначале ничком, а потом навзничь и долго, часами лежал, пытаюсь все-таки услышать, как поют янтарные древние пески. Но ничего, хотя бы отдаленно напоминающее пение, я ни разу не услышал...

* * *

Так продолжалось целую неделю. Я совершенно извелся, измучился и вдобавок ко всему простудился, лежа на холодном песке. Марии о своих походах на дюну я не обмолвился ни единым словом, делая вид, что целыми днями суровым отшельником и затворником безвыходно сижу на мансарде и все пишу и пишу таинственный свой роман.

Но вот в субботу вечером, когда мы втроем пили чай на первом этаже, Мария вдруг сказала:

- Завтра мы с вами пойдем на Королевскую дюну.
- С Мальвиной? – не смог не спросить я.

– Нет, – строго ответила Мария. – Мальвина по воскресеньям ходит к бабе Насте. У них там секреты.

Я думал, Мальвина начнет сейчас капризничать, упрашивать Марию, чтобы та взяла ее с собой, но Мальвина, наоборот, лишь обрадовалась, что завтра, в выходной, воскресный день пойдет к бабе Насте, по которой сильно соскучилась и с которой у них свои секреты и тайны.

* * *

Ночью я спал плохо, часто просыпался, с тревогой и замиранием сердца смотрел в окошко: не пора ли подниматься, не настало ли уже утро, может быть, самое счастливое утро в моей жизни. (Часам я в ту ночь не доверял и ни разу не взглянул на них: часы могли остановиться или намеренно замедлить ход, лишь бы навредить мне).

Но вот наконец солнце вынырнуло из-за Куршского залива, далеко, до самого горизонта осветило тихое и спокойное море, впервые показавшееся мне синим и голубым.

Я наспех, без прежнего прилежания сделал зарядку, наспех попил чаю и, облачившись в военное свое хэбэшное обмундирование, которое у матери вместе с парадным мундиром не оставил, а забрал с собой (вдруг пошлют в колхоз на уборку картофеля или кукурузы, так лучшей одежды не найти), сел на диване и стал ожидать, когда Мария позовет меня.

Ждать пришлось долго. Наверное, часа полтора, а то и два. Я просто забыл, что сегодня воскресенье, и Марии с Мальвиной хочется отоспаться за всю прошедшую рабочую неделю. Особенно Марии. Ведь она ежедневно просыпается с восходом солнца и все бродит и бродит по морскому побережью, по моим подозрениям, лишь делая вид, что собирает янтарные крупинки и камушки, а на самом деле по какой-то совсем иной причине...

Торопя время, я пробовал читать Хемингуэя, но не «Старик и море», а другие его более счастливые рассказы. Поначалу я увлекся ими, завидовал отчаянно храбрым и мужественным героям Хемингуэя, но потом вдруг ловил себя на мысли, что ничего не понимаю в написанном, не могу вникнуть в его смысл и значение, хотя прежде не раз эти рассказы читал и все мне в них было понятно и ясно.

Я отбрасывал книгу в сторону и опять принимался ждать, чутко с резким биением сердца прислушиваясь к каждому шороху на нижнем этаже дома.

* * *

... Мария позвала меня лишь в девятом часу, и не просто позвала, а сама поднялась на мансарду и постучалась в дверь.

Я поспешно открыл, надеясь увидеть Мальвину, которая часто выполняла роль посыльной. Но увидел Марию, одетую совсем не по-походному, в праздничное, выходное платье все того же нежно-сиреневого, похоже, любимого ее цвета, правда, опять-таки немного старомодное, удлиненное (а тогда ее ровесницы носили платья уже совсем другие, укороченные, едва-едва прикрывающие колени или вовсе не прикрывающие их).

Мария с удивлением и любопытством посмотрела на мой военный наряд, на кирзовые, надраенные, будто перед походом в увольнение, до зеркального блеска сапоги, на бело-батистовый умело подшитый подворотничок (жаль, вдвойне и втройне жаль, что не было сейчас при мне медали и знаков солдатской доблести!), но ничего не сказала по этому поводу, а лишь посоветовала, как обычно советуют опытные проводники-наставники начинающим путешественникам:

– Возьмите свитер, наверху холодно!

Я тут же бросился выполнять ее приказание, затолкал в рюкзак шерстяной, связанный мне матерью в канун демобилизации свитер, и еще зачем-то плащ-палатку, хотя о ней Мария не обмолвилась ни единым словом.

Увлекая за собой Марию, я сразу за порогом дома свернул было на тропинку, ведущую к морю, чтоб идти к Королевской дюне вдоль побережья (заманчиво и сладостно-тревожно было представлять мне этот объединительный наш поход по сыпучему пепельно-белому песку берегом такого тихого сегодня и такого синего моря!), но она вдруг остановила меня:

– Мы поедем на велосипедах. Это очень далеко. Вы умеете ездить на велосипеде?

– Умею, – ответил я, хотя надо было обмануть Марию и сказать, что не умею или умею, но лишь чуть-чуть. Ведь одно дело идти с ней рядом, слышать ее дыхание, ощущать запах ее светло-каштановых волос и, возможно, даже соприкоснуться плечами, и совсем иное – ехать на велосипедах по обочине шоссе (Мария впереди, я – сзади), когда ее дыхания и запаха волос не будет слышно, когда она будет постоянно впереди и в отдалении.

Но сопротивляться Марии я не имел никакого права: она хозяйка, путеводительница, а я всего лишь гость, человек временный и случайный.

Велосипеды стояли в сарае, прислоненные к кирпичной красной стене: один мужской, с продольной высокой рамой, тот, на котором Мария с Мальвиной ежедневно ездили в Зеленоградск, и другой – женский, с рамой изящно-прогнутой, чтоб женщинам было удобно и неопасно садиться на него. Заднее колесо у женского велосипеда было в полукруг затянута ажурною желто-розовой сеткой. Когда он избрется, женщины еще не носили брюк, а путешествовали в платьях и юбках. Во время езды подхваченный порывом встречного или бокового ветра подол мог попасть и запутаться в спицах, и вот для этого была придумана защитная изящно-ажурная плетеная сетка. Рядом с грубоватым мужским велосипедом, женский, с глубоко по-журавлиному прогнутой рамой, защитительной сеткой и кружевной усеянной бубенчиками и кисточками ленточкой по ободку сидения казался миниатюрным и воздушно-легким. На нем только и могли ездить такие женщины, как Мария, утонченно-нежные и хрупкие.

Я выкатил оба велосипеда из сарая, придирчиво, по-деловому осмотрел их, подкачал шины, проверил динамомашину, прикрепленные на передних вилках, и глазасто-зоркие фары на рулях, как будто нам предстояло возвращаться домой поздно ночью.

Мария внимательно наблюдала за моим дотошным осмотром велосипедов и дорожными приготовлениями, но ни во что не вмешивалась, не сделала ни единого замечания, великодушно позволила, не спросив разрешения, приладить ее сумку на руле (свой рюкзак я приторочил на багажнике, надежно прижав его тугой пружиной). Судя по всему, она считала, что всем этим и должен заниматься именно я, мужчина, гораздо большее ее понимающий или, по крайней мере, должен понимать в технике. Я загордился своей участью, умением и ловкостью и в этой гордыне не догадался о том, что она наблюдает за мной не просто так, не ради одного только любопытства, а, похоже, сравнивает с каким-то иным мужчиной, который чинил ей велосипеды раньше и с которым она тоже ездила на Королевскую дюну.

Крепко заперев на щеколду калитку, мы сели на велосипеды (как и следовало ожидать: Мария – впереди, я – сзади), но поехали не по тряскому шоссе, а по песчаной тропинке, которая, будто наперегонки, бежала рядом с ним, то ныряя в густые березняки и осинники, то едва заметным ручейком петляя по луговому заросшим молодой травой полянкам. Точно такая же пешеходно-велосипедная тропинка, тесно

прижимаясь к заборам и изгородям, бежала у меня по селу вдоль огородов и широких колхозных полей, засеянных рожью, льном и высокой дурманяще пахнущей коноплей. От резких порывов ветра и рожь, и лён и даже ломкая конопля шли настоящими волнами и перекатами и были очень похожи на янтарно-зеленое море. Когда Мария приедет ко мне в село, то я покажу ей эти наши поля и огороды, и она согласится, что они действительно похожи на любимое ее янтарное море.

Несколько раз, почти вплотную приближаясь к Марии, я хотел ей рассказать об этом сейчас, пока смел и решителен, но сдерживался и вовсе не потому, что боялся показаться смешным и навязчивым со своими неправдоподобными сравнениями, а потому, что не мог оторвать взгляда от Марии, от ее туго завязанных на затылке в пучок волос, от ее длинной с едва заметной родинкой шеи и нежно-покатых плеч. Все это казалось мне видением, полусном – и я боялся вспугнуть его. Мария тоже молчала, хотя, наверное, могла бы и указать мне на какие-нибудь особо приметные и особо любимые ее места вдоль дорог. Но то ли таких мест не было, то ли она намеренно скрывала их от меня. Лишь возле рыбацкого поселка Мария вдруг повернулась ко мне и предложила:

– Давайте заедем, купим рыбы!

– Давайте, – немедленно согласился я, радуясь и предстоящей остановке, когда мы вдвоем будем покупать рыбу (продавец по одному нашему виду и поведению безошибочно определит, что мы пусть еще и не муж и жена, но уже и не посторонние друг другу люди), и просто ее серебряно-звонкому голосу...

По своей неопытности и незнанию местной жизни я думал, что рыбу мы будем покупать в том самом магазине, где я недавно покупал вино, но Мария спешила с противоположной от него стороны, возле добротного-хозяйственного дома с зубчато-острой оградой-забором, на котором сушились рыбацкие снасти. Мы вошли во двор, и она принялась торговать змееподобных угрей горячего и холодного копчения у хозяина дома, высокого костистого старика, судя по акценту, латыша или литовца.

– Надо купить вина, – запальчиво, но так, чтобы не слышал старик, предложил я.

– Надо! – легко согласилась она: – Только на дюне вино не пьют. Надо водку или настойку: перцовку, зверобой, старку.

Я поразился всем этим ее совсем не девчоночьим, не женским словам, но противиться не посмел, оставил Марию наедине со стариком и побежал через улицу к магазину.

Покупать водку я почему-то поостерегся и приобрел бутылку жгуче-красной перцовки (зверобоя и старки не было).

Когда я вернулся назад, Мария уже укладывала в сумку рыбу. Ей помогал старик: ловко, нигде не ломая, сворачивал угрей в колечки и бережно передавал разборчивой покупательнице.

Никогда прежде угрей я не видел и не ел (в нашей тихоструйной реке они не водятся, и доведись кому поймать странную эту рыбку, то ее непременно приняли бы за змею) и с опаской представил себе, как же я буду их есть, да еще в присутствии Марии.

– Пива не возьмете? – спросил на прощание старик. – У меня свое, домашнее, в дубовой бочке.

– Спасибо! – вежливо отказалась Мария (может, она вовсе не любила пива или считала, что, коль на вершине дюны нельзя пить вино, то пить домашнее литовско-латышского приготовления пиво из дубовой бочки предосудительно и недостойно тем более). – В другой раз.

Это, случайно оброненное Марией обещание: «в другой раз», меня очень обрадовало и вдохновило. Значит, мы приедем сюда еще когда-нибудь (возможно, в следующее воскресенье) и тогда уж непременно купим у сумрачного латыша-литовца пиво. Я сам настою на этом, а Мария не посмеет отказать мне...

* * *

Добирались мы до Королевской дюны еще довольно долго, но больше уже нигде не останавливались и не задерживались, хотя я готов был и останавливаться, и задерживаться через каждые десять метров, лишь бы увидеть не только покатые плечи Марии, не только ее собранные в пучок светло-каштановые волосы, но и ее лицо, по которому я уже так успел соскучиться. Временами я намеренно отставал от Марии, думая, что она оглянется и, дожидаясь меня, все-таки остановится. Но она не оглядывалась, а все настойчивей и настойчивей крутила педали, все убыстряла и убыстряла бег велосипеда...

* * *

Остановились мы возле самого подножья дюны, с пологой ее, затяжной стороны. Велосипеды Мария велела мне спрятать в кустах терновника, где было только одной ей ведомое потаенное место, а сама, сняв сандалии, стала подниматься на дюну. Я хотел забрать у Марии тяжелую ее хозяйственную сумку,

но она, наотрез отказавшись от помощи, отстранила меня рукой и произнесла какое-то странное, загадочное слово:

– Потом!

Что это могло означать, я никак понять не мог. Когда – потом?! Сегодня, чуть позже, на самом крутом участке подъема, или в другой раз, когда мы будем взбираться на дюну, неся в сумке и рюкзаке многолитровые бутылки с пивом. Забрать же ее ношу силой я опять-таки не отважился. У любой иной женщины забрал бы, не раздумывая, а вот у Марии не посмел, потому что она – не иная...

Деваться мне было некуда: я понадежней приладил рюкзак, по привычке стянул его на груди специальными лямками, которые бывают только в армейских вещмешках, и двинулся вслед за Марией. У подножья дюны лежало несколько посохов, брошенных какими-нибудь нашими предшественниками, студентами или заезжими туристами с материка, и я поначалу позарился было на один из них, помня свое первое восхождение на дюну. Но так и не взял его, устыдившись своей слабости. Мария ведь на все эти просоленные морем коряги даже не посмотрела...

Она шла уже далеко впереди меня. И не шла, а, казалось, взлетала легкой весенней ласточкой, почти не оставляя на песке никаких следов. Я же в солдатских своих дембельских сапогах сорок третьего размера, подбитых для форсу самодельными подковами, увязал в нем едва ли не выше голенищ и все больше и больше отставал от Марии. Мне, наверное, тоже надо было снять пудовые эти сапоги и идти налегке, босиком, но я постеснялся решиться на такой поступок. Солдат в брюках-галифе с завязками-штрипками на щиколотках и опять-таки самодельными захлестнутыми за стопу шлейками (в наше время так делали все солдаты, начиная с первого дня службы, чтоб брюки были в натяг и струнку, а не морщинились гармошками на голенищах) выглядит несуразно и постыдно, будто военнопленный. Но еще больше, чем завязки-штрипки и шлейки, меня смущали солдатские мои портянки, которые Мария на вершине дюны непременно, конечно, увидит. Они были фланелевыми, новенькими, выданными мне к дембельским сапогам все тем же щедро-уступчивым Костей Никольским, к тому же и недавно собственноручно постиранными, но все равно оставались грубыми солдатскими портянками, и мне не хотелось, чтоб Мария их видела.

Терзаемый глупыми своими сомнениями, я, выбиваясь из последних сил, брел вслед за Марией и сгоряча несколько раз подумал, что, может быть, мне и вовсе не надо было соглашаться на поездку с ней к Королевской этой поющей насыпи.

* * *

Соединились мы с Марией на самой вершине дюны, возле реденьких, но все-таки защитных кустов краснотала, которые неведомо каким образом могли расти в этих пустынных песках. Вся правая пологая сторона дюны была ярко залита солнцем. Смотреть на нее было опасно – так слепли глаза кремневые звездно-искрящиеся песчинки. А левая, лестничным обрывом падающая в море, находилась еще вся в тени и от этого казалась какой-то провально страшной.

Внизу, на побережье и на шоссе с утра было тихо и безветренно (не знаю почему, но я обратил на эту немного странную для морского прибалтийского побережья тишину, когда мы отправлялись с Марией в дорогу), а здесь, на семидесятиметровой высоте дул пронзительно-резкий и холодный ветер. Почти ураган.

– Наденьте свитер! – заботливо сказала Мария, как только я сбросил на землю рюкзак. – Простудитесь!

Меня обдало изнутри обжигающе-горячим жаром от этих ее слов, как будто я вдруг оказался возле полыхающей печи или возле кузнечного горна, но я не подчинился Марии и стал по-мальчишески храбриться, изображать из себя закаленного, стойкого солдата, которому все ни по чем, тем более что сама она была лишь в одном легеньком летнем платье, и ничто не показывало, что в сумке у нее хранится более теплая одежда: кофта, свитер или хотя бы штормовка.

– Вы и так по ночам кашляете! – неожиданно оборвала Мария всю мою показную храбрость. – Не хватает только воспаления легких.

Я поразился этому еще больше, чем ее приказанию надеть свитер, и жар внутри меня сменился холодно-колким ознобом, как будто я давно и безысходно болею именно воспалением легких.

По ночам я действительно кашлял, иногда глухо и сдержанно, а иногда надсадно, с хрипами и режью в груди, но никак не мог предположить, что все эти мои, в общем-то, не очень опасные покашливания, слышит Мария. Я думал, что она сладко и томительно спит, убаюканная морским прибоем, запахом си-

рени и лопотанием флюгера на крыше. А, оказывается, она все слышала и, может быть, досадовала на меня, что я бужу ее в самые сонные полуночные часы.

После такого признания и такого упрека не подчиниться Марии было никак нельзя. И я послушно подчинился ей, достал из рюкзака свитер и надел его поверх гимнастерки. Мне сразу стало и теплее, и уютнее. Я почувствовал себя опять гражданским вольным человеком, в одно мгновение избавился от своей скованности, обрел утерянное было чувство мужского старшинства и главенства и принялся, ни в чём не советуясь с Марией, разбивать наш походный туристический лагерь-бивуак.

Первым делом я расстелил на песке солдатскую плащ-палатку, прижал ее по краям, оберегая от порывов ветра, камнями, потом поставил на середину бутылку перцовой настойки и положил рядышком на изготовке свой драгоценный ножик-складенек, который нам обязательно, конечно, должен был понадобиться. Мария не останавливала меня и не делала никаких замечаний. Она была занята своим женским делом: раскладывала на холщовом полотенце длиннохвосто-угрожающих угрей, хлеб, поставила китайский термос с чаем (а я вот, собираясь в поход к морю, не подумал о том, что пресной воды там не найдешь ни капли, и, чтоб не умереть от жажды, надо будет спускаться к Куршскому заливу или идти в какой-нибудь ближайший поселок), и, главное, два граненых стакана. Эти граненые стаканы совсем удивили меня. По своему и деревенскому, и армейскому, и редакционному опыту мне хорошо было известно, что на свежем воздухе, на природе, водку или крепкую настойку лучше всего пить из граненых стаканов, а не из рюмок. Стаканы и устойчивей на земле, и надежней, в них лучше видна мера и доза содержимого. Откуда-то это знала и Мария, кто-то ее этому научил...

Когда все было готово, мы сели на плащ-палатку, но не рядышком, а напротив друг друга, разделенные скатертью-самобранкой. Я налил по четверти стакана перцовки и замер, опять, как и в первый день нашего знакомства, не зная, что и как надо говорить, какой провозглашать тост. Мария сразу почувствовала мою растерянность, но несколько мгновений еще ждала, должно быть, надеясь, что я придумаю и найду единственно необходимые сейчас слова, тост. И я придумал бы их (обязан был придумать!), но вдруг на вершине дюны стало темно и сумрачно: с моря набежала гряда облаков, она плотно закрыла (будто погасила) солнце, и тут же капнуло несколько крупных предупреждающих капель дождя. И тогда Мария выручила меня, растерянного и немо-молчащего с зажатым в руке стаканом янтарно-розовой перцовки.

– За тех, кто в море! – искренне и серьезно сказала она и негромко чокнулась со мной ободном стакане.

Что надо говорить в ответ на такой тост, я не знал: все-таки человек сугубо континентальный, сухопутный, в наших краях подобных тостов не провозглашают. Поэтому я произнес что-то согласно-невнятное, но зато открыто посмотрел в бездонно голубые, чуточку суженные глаза Марии и безошибочно почувствовал, что слова эти не совсем ее, что она просто раньше не раз слышала их в компаниях людей действительно мореходных, испытанных штормами и бурями, для которых тост «За тех, кто в море!» – не пустой звук.

Перцовку Мария выпила совсем не так, как обычно пьют крепкие напитки женщины (через силу, с плотно сжатыми губами), а по-мужски, на едином вдохе-выдохе. Кто-то же научил ее и этому.

Я последовал примеру Марии, выпил перцовку тоже единым глотком и залпом, но едва не поперхнулся. Пробовать перцовку мне давно не приходилось, и я запомнил сколь это обжигающе-острый напиток, как горит и испепеляется от него все внутри. Волей-неволей надо было поскорее закусывать, гасить в себе перцовый бушующий пожар, иначе погибнешь, сгоришь дотла. Отрешившись от всего на свете, я отломил едва ли не четверть хищно глянувшего на меня мертвым глазом угря. Белоснежное его рыбье мясо показалось мне не только удивительно нежным и мягким, но еще и холодно-остужающим. Огонь во рту и гортани сразу погас, притупился, и я заново обрел жизнь.

Мария же закусила лишь маленьким кусочком хлеба и еще меньшим ломтиком угря горячего копчения. Чувствовалось, что все это для нее привычно и обыденно и что она не раз и не два отмечала свое восхождение на Королевскую дюну такой вот, не совсем обычной трапезой.

На меня Мария опять не обращала никакого внимания: смотрела мимо, далеко в море, сейчас спокойное, не штормовое и, возможно, видела (а уж чувствовала и осязала точно!) тех, за кого только что выпила огненно-крепкую перцовку. А я неотрывно смотрел на ее напряженное лицо, хотя и понимал, что так поступать нельзя, но ничего с собой не мог: смотрел и еще хотел смотреть, и лишь в те мгновения, когда она замечала мой откровенно-настойчивый взгляд, я поспешно отводил его и через плечо Марии устремлял на залитый солнцем Куршский залив, за которым начиналась бескрайняя равнинная суша...

Потом мы еще несколько раз выпивали, уже не обременяя себя никакими тостами, но как-то совсем не так, как в первый день нашего знакомства. Может быть, потому, что пили не в доме, под защитой островерхой крыши и красно-кирпичных стен, а возле моря и не из хрустальных бокалов, а из граненых тяжелых стаканов. Правда, однажды я едва не провозгласил тост за Летучего Голландца, чтоб он наконец благополучно пристал к берегу. Но, минуту подумав, я вовремя сдержался: вдруг по морским законам и обычаям провозглашать такой тост нельзя, чтоб не накликал на тех, кто в море, беду и кораблекрушение. Вместо этого я стал нахваливать угрей, холодного и горячего копчения, которых раньше мне есть никогда не доводилось, а заодно и старого латыша-литовца, скрыв от Марии, что он-то мне как раз и не понравился.

Голова от выпитого у меня опасно закружилась (опять же совсем не так, как за столом от болгарского сухого вина), и я заново принялся рассказывать Марии про свою деревню, про могильный курган, на котором мы тоже иногда устраивали выпивку.

– С женщинами? – прервала она меня.

– Какие там женщины! – не придал я тогда никакого значения этому ее любопытству (а ведь надо было придать, обязательно надо!). – Играем целый день на лугу в футбол, а вечером купил в складчину несколько бутылок портвейна, взберемся на курган и пьем возле птичника.

Я подробно и, должно быть, совершенно неинтересно для Марии рассказал ей, как во времена нашего детства колхозному начальству взбрело в голову построить на вершине кургана из лозового плетня сарай, громко названный птичником и даже птицефермой.

Года три-четыре там действительно содержались под присмотром двух старушек, определенных в птичницы, куры и утки. Но ничего из этой затеи в конце концов не получилось. Утиные выводки с утра пораньше расплывались по реке вверх и вниз по течению и часто бесследно пропадали там. Одних безнаказанно вылавливали громадные сомы-бочажники, которые водились в речных глубинах; других, принимая за диких, еще более безнаказанно отстреливали осенью заезжие и захожие, не нашего колхоза и села, охотники. С курами было и того хуже. Не досыта, впроголодь кормленные, они разбредались по окрестным огородам, совершая опустошительные набеги на просяные клинышки и грядки. Из-за этого постоянно возникали скандалы и со старушками-птичницами, по немощи своей не очень бдительными, и с колхозными начальством. Вдобавок ко всему по ночам кур воровали хорьки и куницы, сразу расплодившиеся вокруг птичника, а днем над ним неисчислимыми стаями кружили коршуны-стервятники и тоже удачливо охотились за цыплятами, а то и за курами-несушками.

К моему удивлению, Мария очень внимательно слушала мой назойливо-пространный рассказ и в конце заинтересованно спросила:

– А он до сих пор стоит?

– Кто? – увлеченный повествованием, вначале не понял я ее вопроса.

– Ну, птичник этот! – пояснила она.

– Стоит! – обрадовался я интересу Марии к моей юношеской жизни и загорелся на продолжение рассказа: – Только пустой. Я вам покажу его, если мы съездим в деревню.

– Хорошо, – после недолгого молчания сказала она.

Странно как-то и неясно (как будто не вслух, а лишь про себя) сказала, и я никак не мог понять, что значит это ее «хорошо»: согласна Мария поехать ко мне в деревню или ей «хорошо» сейчас со мной на вершине Королевской дюны.

Солнце к этому времени уже поднялось высоко в зенит, ярко осветило и всё наше становище, и часть западного, морского склона дюны. Неожиданно (и очень опасно для меня) Мария вдруг сняла летнее свое легко-сиреневое платье и осталась в одном лишь вызывающе открытом купальнике. Меня поразило ее тело: оно было на редкость соразмерно сложенным и натренированным. Такие тела обычно бывают у женщин, которые с детских, с юношеских лет занимаются плаванием: длинная шея, покатые плечи, стройные сильные ноги – все выверенное и филигранно отточенное. Небрежно скомкав платье, она положила его себе под голову и легла на плащ-палатке, лицом к солнцу и морю.

Я тоже принялся стаскивать свитер, но Мария резко и требовательно остановила меня:

– А вы не смейте! Простудитесь и обгорите!

Я одернул свитер назад, но вовсе не потому, что «не смел», а потому, что вдруг застеснялся своего, хотя и мускулистого, но такого невероятно худого и нескладного тела. Одежда скрывала, скрадывала очевидные его недостатки и как бы уравнивала меня с Марией, а сбрось я солдатское свое обмундирование, которое придавало мне хоть какое-то мужество, так все бы сразу обнаружилось и проявилось (и

худоба моя, и по-зимнему болезненная белизна), и как бы я тогда себя чувствовал рядом с Марией, безупречно сложенной и загорелой.

Я лишь позволил себе наконец снять сапоги, показавшиеся мне сейчас неподъемно тяжелыми и нелепыми. Портянки я привычно и заученно обернул вокруг голенищ и безжалостно забросил дембельские свои, так тщательно и любовно выхоленные кирзачи подальше от нашего становища, в заросли широколистой похожей на кактусы колючки. Натяжные шлейки и завязки-штрипки я закатал чуть выше голеней и, внимательно оглядев подвороты (не выбивается ли где из-под них завязка?), а заодно и больнично-белые костлявые ноги, я видом своим остался в общем-то почти доволен: уставший после многолетних тяжелых (но победных!) боев солдат, который дошел до самого берега моря, до края земли.

Я лег на плащ-палатку по другую сторону нашей скатерти-самобранки, но не переставал украдкой следить за Марией. Она вначале лежала с широко открытыми глазами, глубоко, размеренно дышала и неотрывно смотрела в высокое чисто-синее сейчас, без единого облачка небо. Во время вдоха-выдоха из-под выреза купальника в ложбинке груди у нее появлялась соблазнительно белая, зовущая и манящая полоска, оторвать взгляд от которой было выше моих сил. И я преступно не отрывал его.

Но вот Мария утомленно прикрыла глаза, дыхание ее стало ровнее и тише, полоска появлялась все реже и реже, и я решил, что Мария уснула. Подглядывать же за ней, сонной и спящей, мне показалось некрасивым и нечестным. Я тоже прикрыл глаза, надеясь, что сладкий охранительный сон на свежем морском воздухе вот-вот овладеет мной.

Так мы лежали минут десять-пятнадцать: Мария спала (или мне казалось, что она спит), а я изо всех сил старался уснуть. Но вот Мария, не открывая глаз, вдруг приглушенно-тихим, потерявшим серебро голосом окликнула меня:

– Слышите?!

– Слышу! – промедлив всего мгновение, отозвался я, сразу догадавшись, о чем она говорит и спрашивает – о поющих песках на вершине Королевской дюны.

Но на самом деле, сколько я ни напрягался, а ничего, кроме ударов собственного сердца, не слышал. Мне надо было признаться в этом Марии, попросить, чтоб она научила меня, как надо по-настоящему слушать (и слышать!) поющие пески. Но как я мог признаться ей в своей глухоте?! И я не признался, а лишь, обманывая ее, сказал:

– Какой странный звук!

– Странный, – согласилась она со мной и опять замолчала (теперь, кажется, действительно глубоко и крепко уснула).

Ко мне же сон никак не шел, меня не мог убаюкать ни монотонный шум морского прибоя, ни пронзительные звуки поющего песка, услышать и разгадать которые мне, судя по всему, не дано от природы.

Я сел на плащ-палатке и, будто врубелевский «Демон в пустыне» обхватив коленки руками, угнетенный и неприкаянный, застыл в двух шагах от спящей Марии-Тамары. Смотреть на нее, спящую, я по-прежнему опасался, но мне в который уж раз пришла в голову (не могла не придти) неотвязная мысль и догадка, что раньше (прежде меня) Мария бывала здесь, на вершине Королевской дюны, с кем-то иным. Точно так же они пили обжигающе-жгучую перцовку (он и научил этому Марию), смеясь и забавляясь, закусывали угрями холодного и горячего копчения, а потом долго лежали рядом, не разделенные, как нынче мы с Марией, скатертью-самобранкой, будто обоюдоострым мечом, слушали поющие пески, и оба понимали все их мелодии и звуки. А я не понимаю и не слышу...

Оставив меня в полном одиночестве, Мария безмятежно спала (или казалась мне спящей) на этот раз очень долго, не десять и не пятнадцать минут, а, наверное, целый час или два. Солнце за это время начало клониться на запад, светить ей прямо в глаза, словно тоже истомилось в одиночестве и хотело, чтоб она поскорее проснулась.

Мария и вправду несколько раз повела веками, отчего длинные ее ресницы вздрогнули – и проснулись. А в следующее мгновение проснулась и она сама, немного с удивлением посмотрела на меня (кто я такой и зачем здесь?!), и вдруг резко поднялась на ноги и стремительно побежала по крутому обрыву к морю. Я бросился было за ней следом, но Мария, обернувшись на бегу, остановила меня все теми же заботливо-запретительными словами:

– А вы не смейте! Море холодное – утонете!

На этот раз мне надо было ее все же послушаться и побежать следом: что с того, что море холодное – плавать я умею, может, и не хуже Марии, а если и утону, то все-таки рядом с ней, в ее любимом Балтийском море.

Но я не побежал. И вовсе не потому, что опять застеснялся раздеваться при ней, показывать свое бледно-худое, еще по-настоящему не пережившее промозглую прибалтийскую зиму тело, а потому, что наконец всерьез обиделся на нее за недоверие ко мне, за излишнюю опеку и совершенно ненужную мне заботу.

Я гордо остался стоять на вершине дюны и наблюдал, как Мария, по-птичьи раскинув руки, бежит навстречу морю и солнцу.

Возле самой кромки воды она выбросила руки далеко вперед и, ни на минуту не задерживаясь, натренированно поднырнула под набежавшую (можно было подумать, что специально для нее) высокую волну и бесследно скрылась в янтарных глубинах моря.

Мгновение истекло за мгновением, а Мария все не показывалась и не показывалась. Я начал лихорадочно снимать свитер и гимнастерку, чтоб бежать ей на выручку: ведь, того и гляди, сама утонет в морской еще почти ледяной пучине. Но вот Мария наконец показала далеко от берега и, не оглядываясь на меня, дозорно стоящего на вершине (а ведь могла бы и оглянуться), еще стремительней, чем бежала по склону дюны, поплыла к резко очерченному горизонту. Я следил за ней, сколько можно было следить, порывался даже крикнуть: «Возвращайтесь назад!», но когда фигура Марии превратилась в маленькую, будто чернильную точку (а я так и не крикнул), я опять сел на плащ-палатку и обхватил колени руками...

* * *

Возвращались мы домой уже ночью, в сумерках. Во дворе у порога нас ждали Мальвина и баба Настя, высокая, немного нескладная женщина, лет сорока пяти, в солдатской, похоже, еще времен войны защитной стеганке-телогрейке. На правой руке у нее не было двух пальцев, мизинца и безымянного, на щеке (от виска до подбородка) виднелся глубокий извилистый шрам. Но все эти увечья бабу Настю ничуть не портили, а лишь делали ее какой-то по-особому величественной и несокрушимой.

Глянув на мое армейское обмундирование, баба Настя с прямою, присущей только женщинам, прошедшим войну и фронт, спросила:

– Солдат?

– Бывший, – ответил я вроде бы точно так же, как при знакомстве с Марией, но вместе с тем и совсем не так: правая моя рука сама по себе привычно вскинулась к виску, словно при докладе старшему по званию.

– Пехотинец? – опять спросила баба Настя, и в этом ее вопросе ясно читалось и слышалось, что главным солдатом на войне она считает именно пехотинца и никого иного.

– Ракетчик! – разочаровал я бабу Настю.

– Все равно солдат, – примирительно сказала она и, считая разговор со мной законченным, повернулась к Марии. – Ну, тогда я пойду. Мальвина накормлена.

– Спасибо, – поблагодарила ее Мария за дневной, воскресный присмотр за Мальвиной и проводила до калитки.

Там они о чем-то, неслышимо для меня, еще недолго поговорили и расстались: Мария вернулась назад к нам с Мальвиной, а баба Настя пошла по шоссе в сторону Зеленоградска-Кранца к своему, таящемуся где-то совсем рядом, жилью. Я невольно залюбовался ее походкой, вернее, даже не походкой, а поступью. Так несогбенно и несгибаемо могут ходить, опять-таки, лишь женщины, прошагавшие в солдатском строю не одну сотню и не одну тысячу километров с санитарной сумкой на боку или снайперской винтовкой на плече (баба Настя, скорее всего, с винтовкой). Походка эта, поступь, вошла в ее кровь, в жилы и кости, и ничто на свете не сможет сбить бывшую фронтовичку с гордого победного шага...

* * *

Вечер мы с Марией и Мальвиной провели за чаем в их пропитанной запахами сирени и моря комнате. Я все порывался расспросить Марию о бабе Насте: кто она и откуда, почему поселилась здесь, на Куршской косе, и не уезжает в Россию, в свое какое-нибудь рязанское или воронежское село, где у нее есть родные и близкие. Но так и не спросил, вовремя почувствовав, что рассказ этот расстроит Марию, которая сама не едет в Россию.

Я решил отложить разговор о бабе Насте до следующего раза, до следующего нашего с Марией похода на Королевскую дюну. В этот следующий раз я буду вести себя совершенно не так, как сегодня. Забрав у Марии сумку, взберусь на песчаную вершину прежде ее, сниму и сапоги, и гимнастерку, и брю-

ки-галифе, чтоб в один день загореть не хуже Марии. А когда мы с ней без всяких надуманных многозначительных тостов выпьем перцовки, я лягу рядом с Марией плечо к плечу, рука к руке и буду слушать (и непременно услышу), как поют эти, уже начавшие мне надоедать пески. Потом мы вместе с Марией побегим по склону дюны к морю, и я уплыву гораздо дальше ее, ничуть не боясь ни волн, ни пугающе черной глубины. За целый день я ни единым словом не обмолвлюсь о своем селе и могильном кургане на берегу реки (Марии это скучно и неинтересно), где мы пили с ребятами (а иногда все-таки и с девчонками) вино-портвейн в тени заброшенного птичника. И уж совсем (и ни за что!) не стану я ревновать Марию к ее прежнему спутнику, с которым она ходила на Королевскую дюну когда-то давным-давно, не зная ещё меня. Я его просто придумал, вообразил, а на самом деле его никогда не существовало и не могло существовать.

Но следующего раза, увы, так и не случилось. Неделя проходила за неделей, а Мария все не звала и не звала меня в новый поход на Королевскую поющую дюну. Сам же попросить ее об этом я не решался.

Каждое утро я просыпался спозаранку, раскладывал на столе уже успевшие пожелтеть листочки и пробовал сосредоточиться над ними, плотно задернув на окне занавески, чтоб не видеть, как Мария ходит по морскому берегу и собирает янтарные камушки-крупинки. Но я видел ее (а еще больше чувствовал) и сквозь занавески, предательски искал в них щелочку, с нетерпением ожидал, когда порывом ветра они распахнутся едва ли не в пол-окна. Листочки мои оставались лежать нетронутыми.

Потом я внимательно прислушивался, как Мария с Мальвиной собираются на работу, как они за утренним чаем о чем-то весело переговариваются и смеются...

Когда же они выкатывали из сарая велосипед, я выходил на лестничную площадку, припадал к слуховому окошку-бойнице и долго следил, как они едут по утреннему полупустому еще шоссе, все удаляясь и удаляясь от меня...

После их отъезда я прятал листочки назад в ящичек стола, давая при этом и себе, и этим пожелтевшим листочкам твердое обещание, что завтра утром обязательно вернусь к ним и работа у меня на этот раз заладится. Кое-как успокоив себя обещанием, я спускался вниз и целый день бесцельно слонялся по побережью, иногда забредал в поселок, чтоб, суеверно обойдя стороной дом, где мы покупали с Марией рыбу, заглянуть в магазин и приобрести там бутылку вина. Пил я его, хоронясь под обрывом за какими-нибудь камнями и корягами, не очень дружелюбно поглядывая на виднеющуюся вдалеке гряду дюн. Сухое вино было кислым и чуть-чуть горьковатым, чего я не замечал прежде; я пил его маленькими глотками, растягивая не столько удовольствие, сколько время: пока я буду сидеть здесь, под обрывом, незаметно наступит вечер, суровые мои хозяйки вернутся из города, и уж сегодня Мария обязательно объявит, что в ближайшее воскресенье мы отправляемся на Королевскую дюну.

Но день проходил за днем, а Мария по-прежнему ничего мне не говорила, никуда не приглашала. Они с Мальвиной жили своей счастливой жизнью, а я своей, обособленной и неприкаянной, вернее, не жизнью, а существованием, легкомысленно вставшего к ним на постой квартиранта.

Закончилось все это тем, что однажды утром, как только Мария с Мальвиной отправились в Зеленоградск, я сочинил впопыхах коротенькую записку: «Я уезжаю. Так случилось», потом тоже впопыхах, будто кто-то мог меня остановить и насильно удержать, собрал все свои вещи и исчез из дома Марии навсегда, подальше от Куршской косы, от холодного, почти северного моря и как можно подальше от неизвестно о чем поющих и стонущих песков...

По дороге, правда, уже в электричке, я вдруг подумал, что все-таки надо было добавить в записке еще несколько слов. Каких, я никак придумать не умел, но чувствовал – надо было. Может, пообещать, что скоро приеду и мы обязательно поднимемся на Королевскую дюну. Я едва не вернулся назад. Подхватив чемодан и рюкзак, выходил в тамбур к двери и на одной остановке, и на другой, и на третьей, но так и не вернулся: дверь с лязгом захлопывалась, и электричка с пронзительным, надсадным воем неслась навстречу новой моей, студенческой (и непременно счастливой) жизни.

Глава вторая

... С тех пор прошло много-много лет. Я учился вначале два года в провинциальном педагогическом институте, а потом целых пять лет в Литературном институте, в Москве. И годы эти действительно были самыми счастливыми в моей жизни. Все, о чем я загадывал и мечтал, сбылось: лекции в переполненных аудиториях, семинары и коллоквиумы, студенческие вечера и пирушки в общежитии, походы в окрестные леса и рощи, а в Москве – в театры и музеи, поездки в древние города-поселения: Сергиев Посад (тогда еще Загорск), Абрамцево, где жил один из любимых моих писателей, Юрий Казаков, в Передел-

кино, Коломну, Архангельское и даже в Рязань, в село Константиново, на родину Сергея Есенина. Само собой разумеется, что появилась у меня и та, единственная, о которой я тоже мечтал с самой ранней юности. Правда, выбрать ее на филологическом факультете педагогического института было не так-то просто. Девчонок там училось очень много, и одна другой лучше – глаза разбегаются и туманятся. Тогда она сама выбрала меня.

И, кажется, не ошиблась. По крайней мере, мне так хотелось думать...

Писателем я тоже все-таки стал. И даже написал тот злополучный роман, который пробовал писать, еще работая в районной газете, а потом безуспешно терзался над ним, недолгое время живя на Куршской косе. Получился он, конечно, совсем не таким, каким виделся мне в юношеские ученические годы. Все в романе было иным: и название, и первая глубокомысленная фраза, которая долгие годы изводила и неотвязно мучила меня. Я заменил ее на более простую и ясную (может, и не без влияния того же Казакова): «В тот год я жил на берегу Балтийского моря в старом заброшенном доме».

Роман этот неожиданно для меня имел успех, чему я не мог честолюбиво не радоваться. Кто из начинающих писателей в молодые годы не хочет быть знаменитым, замеченным и читателями, и критиками! Но, написав роман, я начал очень быстро забывать и Балтийское море, и Куршскую косу, и кирпичный домик над песчаным обрывом, и прежде всего непокоренные мной дюны, поющие и непоющие. Позрелев, я стал стыдиться себя, того прежнего, нескладного юноши, только-только снявшего армейские погоны, который так робел хозяйки дома по имени Мария (Аве, Мария!) и Королевской Эйфовой дюны.

* * *

Став писателем, я быстро пристрастился ездить к Черному морю, теплому и по-южному ласковому. Почти каждый год я, то вместе с семьей, то в одиночку, отдыхал в Домах творчества в Пицунде, Коктебеле или в Ялте.

В Коктебеле я любил подниматься раньше других обитателей Дома творчества, шел к морю и собирал там по побережью камушки халцедона: сердолика и агата, чтоб после заказать из них в мастерской, ютившейся у самой проходной, для жены и дочери перстеньки и ожерелье. Камушки эти и своим неброским цветом и каким-то внутренним исходящим от них теплом нравились мне гораздо больше холодных янтарных, даже тех, в которых таилась запечатленная тысячелетия тому назад мушка на счастье нам, живущим ныне.

В те годы в Коктебеле существовала одна незыблемая традиция. Каждый отдыхающий в первые же дни по приезду обязательно совершал паломничество на могилу Максимилиана Волошина, которая виднелась на вершине холма Кучук-Енишар по дороге на Феодосию. К могиле вела крутая, торно натоптанная за многие десятилетия паломниками тропинка.

Писатели чуть постарше меня помнили, как всего несколько лет тому назад на могиле Волошина с утра до вечера сидела в темном одеянии его жена Майя, Мария Степановна. Писатели, а чаще их жены и дети, приносили ей еду и воду – тем она и жила, безутешно оплакивая своего Макса. Но в мое время Марии Степановны уже не было в живых. Она покоилась рядом с могилой мужа, и теперь паломники навещали их обоих, хотя многим и казалось, что Майя-Мария незримой тенью сидит на камне и все так же скорбит по Максиму, считая свою жизнь тоже законченной еще в начале тридцатых годов, когда он так рано и неожиданно умер.

В очередную свою одиночную поездку я, едва поселившись в дощатом домике, в гущавине и тени кипарисов и каких-то иных неведомых мне южных деревьев (я всегда любил поселяться в Коктебеле именно в этих дощатых неприметных домиках, а не в кирпичных корпусах №19 или №2, где обычно селилось высокое литературное начальство), я, как истинный паломник, вооружился посохом и отправился по крутой выцветшей за лето до меловой белизны тропинке к могиле Волошина и Майи-Марии.

Измученный и бессонной ночью в душном поезде, и нелегким подъемом на вершину Кучук-Енишара, я положил на надгробные гранитно-серые плиты два букета полевых цветов, собранных по обочине тропинки, потом, опершись на посох, долго смотрел на самый древний в Крыму потухший вулкан – нависшую над морем скалу Карадага, которая по своим очертаниям напоминала голову Максимилиана Волошина (так все говорили, так оно и было на самом деле) и, наконец, собрался уходить, чтоб успеть еще до вечера побывать на пляже.

И вдруг со стороны Феодосии к могилам Волошина и Майи-Марии подошли две женщины, тоже, судя по всему, паломники, знающие все коктебельские обычаи: одна лет тридцати семи-восьми, а другая совсем еще молодая, юная, может быть, всего лишь девятнадцатилетняя.

Солнце мне светило прямо в глаза, и я поначалу не признал их и не обратил на них сколько-нибудь пристального внимания: мало ли кто приходит на могилы Волошина и его жены. Одни, зная, кто лежит под гранитными серыми плитами, почтить их память, а другие, может, и праздно – все ходят, вот и они пришли.

Но, мгновение спустя, на солнце со стороны Карадага набежала темно-лиловая туча-облако: я перестал щуриться, взглянул на паломниц повнимательней – и сразу узнал их.

– Мария?! – смело обратился я к старшей, давно пережив юношескую свою привычку робеть и без всякого повода стесняться женщин.

Она подняла на меня глаза, минуту-другую смотрела с удивлением, не узнавая, а потом все-таки узнала и улыбнулась своей сдержанно-таинственной (как и прежде, одними лишь уголками губ) улыбкой. Узнать меня действительно было не просто. Из лопоухого, чрезмерно худого, даже тощего, полумальчика я превратился к сорока годам в заметно тяжеловатого мужчину, оброс огненно-рыжей, увы, уже начавшей в двух-трех местах сесть бородой. Но Мария меня узнала. Правда, ни по ее виду, ни по ее вскользь и, как мне показалось, утомленно сказанным словам (как будто мы с ней виделись и вчера, и позавчера и успели уже надоесть друг другу) «А, это вы?», я не мог понять, рада она нашей встрече или, наоборот, досадует, что она случилась.

Стараясь не придать этому никакого значения (после выясню – рада или не рада), я повернулся в сторону ее молодой спутницы и с полной уверенностью, что не ошибаюсь, весело сказал:

– А вы, конечно, Мальвина?!

– Конечно, Мальвина, – с полуслова подхватила она мой шуточный тон, хотя, похоже, немало и удивилась, что здесь, за тысячи километров от ее дома, кто-то называет ее не Машей, а приставшим к ней еще в детстве прозвищем – Мальвиной.

– Но меня вы не помните? – продолжил я все так же шуточно допрашивать ее.

– Не помню, – честно призналась Мальвина, но потом, еще раз взглянув на меня и о чем-то задумавшись, вдруг сказала: – Нет, все-таки чуть-чуть помню. Вы жили у нас на мансарде и носили солдатскую форму.

– Носил, – ностальгически вздохнул я.

Мне еще долго можно было продолжать разговор с Мальвиной в подобном тоне, пуститься в воспоминания о Куршской косе, об их доме и мансарде, о дюнах и о том, как Мальвина с мамой каждый день отправлялась на велосипеде в Зеленоградск-Кранц, а я с утра до вечера неприкаянно бродил по побережью холодного Балтийского моря. Но я вдруг почувствовал, что Мария не хочет этого разговора, что она вот-вот оборвет его, прекратит и уведет Мальвину на ту, феодосийскую, сторону холма, словно маленькую девочку, которой совершенно ни к чему слушать взрослые разговоры.

Меня это почти обидело: только встретились, только узнали друг друга, и сразу расставаться, опять на долгие годы, а может, и навсегда. Впрочем, я, скорее всего, просто наговаривал на Марию и в волнении не замечал, что она лишь делает вид, будто не рада встрече со мной, и хочет поскорее расстаться, уберечь от ненужных воспоминаний Мальвину, а на самом деле и рада и хочет продолжить наш разговор. Она ведь тоже сейчас совсем иная, хотя внешне почти не изменилась: все такая же стройная и гибкая, не по-южному сдержанно загорелая под скупым балтийским солнцем. Она лишь повзрослела и от этой взрослости своей и зрелости стала еще более красивой.

Всё старое, давнишнее и, казалось, навсегда, безвозвратно забытое вдруг всколыхнулось во мне, ожило и возродилось из песка и пепла. Ничего теперь от Марии мне не нужно было (у нее своя жизнь, у меня – своя), но побыть с ней рядом хотя бы часа два-три, а лучше бы весь день, до вечера, хотелось, и тут скрывать нечего.

Сделав вид, что подчиняюсь пожеланиям Марии, я прервал свой шуточный разговор с Мальвиной и принялся заманивать обеих паломниц к себе в Дом творчества. Я пообещал показать им домик Волошина, сводить на наш литфондовский пляж и в мастерскую, где можно заказать перстень или кулон их сердолика и агата, которые мы сообща обязательно найдем на побережье. И уж, чтоб совсем сломить сопротивление Марии, я, может быть, и не без тайной проснувшейся вдруг во мне гордыни, сказал ей:

– Я подарю вам свою книгу.

– Роман? – неожиданно удивила, но одновременно и польстила моему самолюбию Мария. (Значит, читала, значит, знает, что я все-таки добился своего и здесь, в писательском Доме творчества обретаюсь не случайно).

– Можно и роман, – уклончиво и опять не без гордыни ответил я, опасаясь и желая узнать, что она

думает об этом романе, о первой его фразе: «В тот год я жил на берегу Балтийского моря в старом заброшенном доме».

Мария все еще сомневалась, нисколько не прельщаясь моими обещаниями и посулами. И раз, и в другой она оглянулась на холмы и курганы, по которым бежала в сторону Феодосии извилистая тропинка, проложенная, может быть, еще Волошиным и его многочисленными гостями-поселенцами. Потом перевела взгляд на пост пограничной заставы в поселке Орджоникидзе, где в эти минуты, насколько я мог понять издали, шла смена караула. Неведомо почему, но мне показалось, что Мария готова сейчас скорее отправиться к пограничникам, жизнь и службу которых так хорошо знает по своему знакомству и ежедневному общению с ними на Куршской косе, чем ко мне, малознакомому и давно забытому постояльцу. И, наверное, пошла бы. Но тут вдруг меня поддержала Мальвина.

– Мама, – настойчиво, но не капризно, сказала она, – я хочу посмотреть на дом Волошина и испуститься – очень жарко.

Мария еще раз посмотрела на караульную будочку пограничников с ослепительно блестящим на солнце прожектором (можно было подумать, он зажжен и выискивает длинными цепкими лучами в море нарушителей), взглянула на удлинено-обрывистый холм-аэродром в поселке Планерская, где в эти минуты готовился к разбегу стремительно-ширококрылый планер. И столько в этом ее взгляде было тревоги, тоски и усталости, что я невольно подумал – только позволь ей, и она сейчас, не задумываясь, улетит на серебрянокрылом неустойчивом планере за горизонт и дальше горизонта, как уплыла когда-то, оставив меня одного на дюне, в ледяное янтарное море.

Но Мария все же преодолела себя и не стала противиться Мальвине:

– Хорошо, пойдем. Только недолго.

Выстроившись гуськом, мы стали ускоренным шагом спускаться вниз, к морю и Дому творчества: Мальвина впереди, потом Мария и замыкающим я. Разговаривать на ходу было не очень удобно (Марии и Мальвине постоянно пришлось бы оборачиваться, а это опасно – в любой момент можно соскользнуть с тропинки и сорваться под откос), и я, отложив все разговоры на потом, когда мы расположимся на пляже или будем собирать халцедоны, лишь изучающе поглядывал на своих спутниц.

Мальвина совсем была не похожа на Марию: высокая, длинноногая, с почти еще детскими угловато-остро приподнятыми плечами (а у Марии они покатые и плавные), она напоминала сейчас молодую неокрепшую птицу, которая, разбежавшись с холма, через мгновение тоже взлетит вслед за матерью, но полет ее будет совсем иным: веселым, безоглядным и необдуманно высоким.

Мальвина действительно бежала по крутой тропинке, оставляя нас с Марией далеко позади. Солнце играло в ее густых, ниспадающих до самого пояса волосах – и они показались мне, как и когда-то на балтийском побережье, голубыми.

Поджидая нас, Мальвина иногда останавливала свой разбег, оглядывалась на нас, идущих осмотрительно и осторожно, и вот тогда, в повороте ее длинной шеи, в высоко приподнятом подбородке я узнавал черты Марии и ревновал Мальвину к матери.

Мы с Марией убыстряли и без того быстрый для нас шаг и оказывались друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Мне хотелось прикоснуться к ее плечу и шее, и я вспоминал, как хотел этого много лет тому назад, когда мы с Марией поднимались на Королевскую дюну. Правда, тогда дотянуться до Марии мне было никак невозможно: не доверяя слабосильному своему, ненадежному попутчику тяжелой сумки, она стремительно шла, всходила на вершину дюны, а я в нелепых кирзовых сапогах с каждым шагом все глубже и глубже увязал в песке и безнадежно отставал от нее. Теперь же все было наоборот: Мария, притормаживая ступенями на меловой тропинке, спускалась вниз, а я шел позади ее, постоянно на возвышении, и мне ничего не стоило прикоснуться к ее плечу и шее. Но я не прикасался, вдруг почувствовав и физически ощутив в себе ту, прежнюю, робость, которая охватила меня у подножья Королевской дюны.

* * *

Возле домика Волошина мы остановились всего лишь на несколько мгновений, решив, что посетим и осмотрим его вечером, когда немного спадет жара, а сейчас надо поскорее идти на пляж – Мальвина совсем изнемогла от зноя.

Народу на пляже было мало. Обитатели Дома творчества после сытного обеда любили поспать в прохладных своих домиках-укрытиях, чтоб вернуться к морю только в предвечерние, а то и совсем уже вечерние, почти ночные часы, когда вода будет и свежей, и теплой, словно парное молоко. Вечернее и ночное купание считалось среди писателей (и особенно среди их жен) признаком хорошего тона, и

многие предпочитали его утреннему, когда и море еще холодное, и на пляже так многолюдно и суетно, что негде яблоку упасть.

Воспользовавшись этим поистине «мертвым часом», мы выбрали себе самое удобное и уединенное место под крутым обрывом, принесли туда и расположили в полукруг три дощатых лежака. Я открыл бутылку сухого белого вина, которую купил, несмотря на протесты Марии, в маленьком павильончике на самом подходе к Дому творчества. Там же я предусмотрительно приобрел пластмассовые, начавшие уже тогда входить в моду стаканчики, кружочек копченого сыра сулугуни, мягко-ноздреватую лепешку лаваша и коробку конфет – все самое богатое и дорогое, что только нашлось у бойко-расторопной продавщицы.

Раскладывая несметное это богатство на мохнатом полотенце, которое достала, смирившись с моим упрямством, из сумки и жертвенно расстелила между лежаками Мария, я с иронической улыбкой (сам не знаю, как это случилось) сказал:

- Жаль, нет угрей и перцовки.
- Жаль! – вполне серьезно ответила Мария.

Мальвина, ничего не поняв в наших подтекстах, по-молодому ухватисто и хищно разломала на три равных части сыр и лаваш и, примиряя нас с Марией, положила перед каждым его долю, словно во время поминальной трапезы.

Сравнение это пришло в голову, наверное, только мне одному, потому что и Мария, и Мальвина были настроены совсем по-иному: обе радовались южному горячему солнцу и южному морю и, без всякого сомнения, тому, что неожиданно-негаданно встретили здесь старого знакомого. По крайней мере, радовалась Мальвина, вдруг вспомнив, как она когда-то каждый вечер поднималась ко мне на мансарду, чтоб пригласить к вечернему чаю.

Мы выпили за неожиданно-случайную эту встречу, закусили лавашем и сыром. Вино было холодным и терпким, а лаваш и сыр первородно пахли молоком и дымом. Перцовку и змееподобных угрей здесь, в сорокаградусный зной пить и есть было невозможно.

Я потянулся за бутылкой, чтоб налить по второму стакану, на ходу придумал вполне подходящий к случаю тост «за женщин и море», но Мальвина вдруг поднялась с лежака и простодушно сказала:

- Я пойду купаться, а вы оставайтесь.
- Далеко не заплывай, – по-матерински озабоченно предупредила ее Мария, но удерживать не стала.

Я вернул бутылку на прежнее место, вдруг почувствовав, что пить вино без Мальвины нам не надо. Мария молча согласилась со мной и накрыла свой стаканчик плоской серо-зеленой галькой, опять невольно напомнив мне поминальный обычай, когда в Красном углу рядом со свечой ставится прикрытый ломтиком хлеба стакан для умершего.

Чтоб поскорее избавиться от этого тягостного, Бог знает почему, пришедшего в голову сравнения, я предложил Марии развернуть стеллажи к солнцу и позагорать, пока Мальвина купается. Мария без малейшего сопротивления согласилась со мной, хотя я почти был уверен, что она тоже уйдет сейчас к морю, поднырнет под волну и уплывет за волнорез и горизонт, опять, запретительно сказав мне: «А вы не смейте! Море холодное – простудитесь» или что-то в этом роде: «Море глубокое – утонете!» или «Море горячее – обожжетесь!». Но она не уплыла, а первой ушла к лежакам, которые я не без долгого колебания поставил совсем рядом.

Безжалостно постелив на лежаке свое светло-сиреневое удлиненное платье, которое сняла, едва только придя на пляж (мне показалось то же самое, в котором она собирала когда-то янтарные камушки и в котором поднималась со мной на Королевскую дюну), Мария легла на него и устало прикрыла глаза.

Тело ее было, как и прежде, налитым и натренированным, телом пловчихи и ныряльщицы, нигде ни единая морщинка еще не тронула его и не прикоснулась к нему.

Несколько минут я молча лежал рядом с Марией, исподтишка наблюдая за ее ровным спокойным дыханием. Оно не учащалось и не ослабевало: во время вдоха на груди из-под купальника показывалась узенькая незагорелая полоска, а во время выдоха она целомудренно исчезала. Дыхание Марии напоминало равномерный прилив и отлив морской волны, и по этому умиротворенному ритму я понял, что Мария не спит и не пытается уснуть, а просто лежит и загорает под обжигающе-жарким солнцем, действительно устав после долгой пешей дороги из Феодосии.

- Вы по-прежнему живете на Куршской косе? – нарушил я наконец молчание, раз она все равно не спит.
- Живем! – открыла Мария глаза и чуть повернула голову в мою сторону.

– А как оказались здесь? – не мог уже остановиться я.

Мария ответила вполне охотно, как, пожалуй, ответила бы любому иному человеку, с которым случайно познакомилась на южном пляже (я даже приревновал ее к этому – иному):

– В Феодосии живет сокурсница Мальвины, вот мы и приехали. В наших песках и сырости она часто болеет бронхитом.

Теперь, когда разговор начался, мне можно было спросить Марию о дюнах (поднимается она на них или нет?), о «танцующем лесе» или о том, собирает ли она по утрам, как и прежде, янтарные камушки. Но я почему-то напоминать ей об этом не осмелился и спросил совсем об ином:

– Баба Настя жива?

– Жива, – еще более повернув голову в мою сторону, ответила Мария.

– Она очень хорошая женщина, – вспомнил я добрым словом бабу Настю (мы с Марией вслед за Мальвиной называли ее не тетей Настей, а бабой), ее солдатскую телогрейку, беспалую руку и шрам на щеке.

– Хорошая и несчастная, – после минутного колебания сказала Мария.

– Почему – несчастная? – не все понял я в ее словах, хотя, еще пятнадцать лет тому назад, впервые увидев бабу Настю, сразу догадался, что она человек очень одинокий.

– Потому, – немногословно пояснила мне Мария, – что она никогда не была замужем и у нее никогда не было детей.

Я замешкался, не зная, то ли задать Марии еще одно «почему?», то ли лучше перевести разговор на что-либо иное.

Мария догадалась о моих сомнениях и сама ответила на незаданный мой вопрос:

– В войну у нее было тяжелое ранение, и она не могла иметь детей. А раз не могла иметь детей, то зачем – замуж!

Слова эти Мария произнесла с неожиданной резкостью и крепко сжала в ладони подвернувшуюся ей под руки гальку, чем выдала свое волнение, а может, и раздражение на меня за праздное любопытство.

Она опять закрыла глаза и теперь, похоже, действительно уснула. Дыхание у нее было тихим и умиротворенным, и за каждым вдохом-выдохом утишалось еще больше: ресницы были покойными, не вздрагивали, не шевелились ни о порыва ветра, ни от острых солнечных лучей, пытающихся заглянуть под них; ладонь ее сама по себе разжалась, и продолговатая галька скатилась на землю и через мгновение ее уже нельзя было различить среди сотен и тысяч подобных.

Я обрадовался, что Мария уснула и что мне ни о чем с ней больше не надо разговаривать. Я стал думать о бабе Насте, о ее суровом солдатском решении не выходить замуж, коль нельзя иметь детей. Счастья же лишь для самой себя баба Настя, судя по всему, не признавала.

И вдруг Мария, не открывая глаз и не поворачиваясь ко мне, на ощупь снова сжала в ладони гальку (кажется, ту же самую, что и прежде) и негромко спросила меня

– Почему вы тогда, на Королевской дюне, не признались мне в любви?

– А разве я вас любил? – тоже тихо, вполголоса уклонился я от прямого ответа.

– Любили! – твердо, без колебания, произнесла она.

Мне, наверное, надо было протянуть к ней руку, накрыть ее ладонь с галькой своей ладонью, и а может, и вовсе забрать раскаленный на солнце камень, но вместо этого я задал ей свой, давно, оказывается, мучивший меня вопрос:

– А вы почему не признались?

– Но я же вас не любила, – опять твердо и неоспоримо ответила Мария. – А потом – я все-таки женщина.

Раскаленная галька так и осталась лежать в ее ладони. Я почти физически ощутил, как она обжигает Марии кожу, но забрать гальку так и не решился. Вернее, опоздал: Мария вдруг сама отбросила ее и завершила наш странный, в общем-то ни к чему не обязывающий разговор.

– Вам надо было уйти тогда в море, – сказала она, – простым матросом на торговом судне или рыбаком.

– Зачем? – перебил я ее на полуслове.

– Не знаю! – пронзительно взглянула она на меня, – но надо было.

Я ожидал, что Мария сейчас не сдержится и добавит: «А Вы бежали в Россию, на сушу», но она ничего больше не сказала, а лишь обеспокоенно посмотрела на море, отыскивая там взглядом, среди редких купальщиков Мальвину.

Мне предстояло что-то отвечать: оправдываться за свое юношеское бегство, но нужных, единствен-

но верных слов не находилось – меня охватила непереносимая, почти стариковская тоска. Ведь я и на самом деле порывался когда-то уйти в море или в Куршский залив (и до сегодняшнего дня не забыл об этом) и поймать там для Марии и Мальвины такую громадную меч-рыбу, что ей позавидовал бы сам старик из хемингуэевского рассказа. Но вот же – не ушел...

В который раз в жизни меня выручила Мальвина. Она вдруг подбежала к нам вся мокрая, сияющая восторгом и радостью и закричала, показывая рукой в сторону Карадага:

– Смотрите, смотрите, там дельфины!

Мы с Марией приподнялись на локтях и действительно увидели, как при входе в бухту, возле скалы Карадага, напоминающей голову Волошина, счастливо играют две пары дельфинов. Они, совсем как в вольере-цирке, то синхронно взлетали над водой высоко вверх, то уходили в морские пронизанные солнцем глубины, то забавляясь, переворачивались со спины на живот и что-то говорили друг другу на своем дельфиньем языке, может быть, даже про нас, сухопутных, боящихся морской стихии людей.

– Я поплыву к ним! – загорелась Мальвина и хотела уже бежать назад к морю, но Мария на этот раз остановила ее:

– Не надо – вспугнешь!

Мальвина резко затормозила свой бег, чтоб и вправду не вспугнуть дельфинов, которые, заметив ее приближение, уплывут подальше от назойливых человеческих глаз.

* * *

Подойдя к кромке моря, мы с полчаса наблюдали за игрой дельфинов. Мальвина по-прежнему восторгалась ими, давала обещание, что в следующий раз обязательно поплывет к ним и заведет человеье-дельфинную дружбу. А мы с Марией следили за дельфинами молча, не проронив ни единого слова, как будто были на них за что-то обижены.

Но вот дельфины, должно быть, утомленные игрой: прыжками, кувырканьем и разговорами, вынырнули в последний раз и, к огорчению Мальвины, исчезли за поворотом скалы.

Сглаживая ее огорчение, я увлек Мальвину собирать камушки, сердолики и агаты, втайне надеясь, что и Мария последует за нами и мы с ней обязательно вспомним, как собирали холодно-чистый янтарь на побережье Куршской косы. Но она вслед за нами не пошла, а так и осталась стоять у кромки моря, отрешенно глядя вслед уплывающим дельфинам.

Нам с Мальвиной повезло. Едва мы сделали несколько шагов в сторону Карадага, как обнаружили маленький светло-синий камушек сердолика. Он мгновенно высох на ладони у Мальвины, и она с детским удивлением сказала о нем:

– Какой теплый!

Ободренные удачей, мы, как истинные кладоискатели, стали еще зорче вглядываться в россыпь мелкой прибрежной гальки, загадывая отыскать камушек покрупнее, с каким-нибудь необычным рисунком-начертанием или напоминающими созвездия крапинками, или разводами, которые часто встречаются на голубовато-серых агатах. Но нам долго ничего не попадалось, и я, чувствуя перед Мальвиной за это невольную вину (все-таки проводником и главным старателем был я), принялся расспрашивать свою спутницу и ученицу о ее жизни и учебе. Правда, я никак не мог привыкнуть, что Мальвина уже взрослая серьезная студентка и разговаривал с ней чуть-чуть снисходительно, словно она навсегда осталась той маленькой девочкой, которую я знал на Куршской косе.

– Ты на кого учишься? – не в силах преодолеть в себе этого предвзятого чувства спросил я.

– На путешественника! – и действительно, будто малый ребенок ответила Мальвина.

– Как это? – удивился я.

– Очень просто, – улыбнулась она, ничуть желая взростеть. – Я изучаю биологию и географию, но хочу быть путешественником. Я однажды уже путешествовала.

– Куда? – поддержал я в ней жажду детства и законную гордость.

– В Африку, – нескрываясь гордясь своим поступком, ответила Мальвина. – На нашем калининградском научно-исследовательском судне. А теперь хочу поехать на Алтай и, если отпустит мама, еще дальше – в Беловодье и на Тибет.

«А не боишься?» – опять, как взрослый у ребенка, вознамерился я спросить будущую покорительницу Алтая и Тибета, но меня опередила Мария.

– Мальвина! – точно так же громко и требовательно, как и много лет тому назад в сумерках прибалтийского вечера, позвала она слишком задержавшуюся у моря дочь. – Нам пора домой!

Ослушаться Марию мы с Мальвиной не посмели, и, выловив из воды последний счастливо попавшийся нам камушек сердолика, поспешили на ее зов.

Пока мы с Мальвиной шли, Мария успела одеться и ждала нас возле решетчатой калитки, ведущей на территорию Дома творчества.

– А мастерские?! А книга?! А домик Волошина?! – неожиданно показала строптивый свой нрав Мальвина.

Мария посмотрела на солнце, начавшее клониться к морскому горизонту и закату, и попробовала отговорить ее от обещанной экскурсии:

– Поздно уже.

– Ничего не поздно, – не поддалась матери Мальвина. – Мы уплывем отсюда последним пароходом.

Насчет парохода она ничего не выдумывала: от причала, расположенного сразу за павильончиком, где мы покупали вино, несколько раз в день ходил до Феодосии маленький прогулочный катер. Судя по всему, Мальвина, как истинная путешественница, заметила утлый этот кораблик и теперь очень даже кстати вспомнила о нем.

Мария несколько мгновений поколебалась, но потом все-таки уступила Мальвине, хотя и чувствовалось, что она устала и от непривычной для нее жары, и от слишком теплого моря, и от этого совсем ненужного ей похода на писательский похожий на резервацию пляж.

– Ладно, – примиряясь со своей участью, сказала она. – Ведите...

И мы с Мальвиной повели Марию через всю территорию Дома творчества, единственного благоухающего зеленого островка на всем побережье от скал Карадага до холма Кучук-Енишара и взлетной полосы планеров. Вернее, на правах хозяина вел один я, но Мальвина, как соучастница нашего с ней заговора, быстро освоилась на широкой затененной деревьями аллее и шла так уверенно, как будто бывала здесь, в Коктебеле, уже десятки раз.

В мастерской мы показали найденные нами с Мальвиной камешки ювелиру и чеканщику, очень расторопному и, сразу было видно, хитроватому дочерна загоревшему мужчине лет пятидесяти. Оглядев наши находки и простым глазом, и под лупу, он сказал, что, конечно, можно из них сделать маленькие перстеньки, но лучше купить уже готовые. Мальвина поначалу не соглашалась с ним (пусть маленькие, но из камушков, которые нашли сами), а потом вдруг загорелась и стала выбирать себе перстенок из тех, что были выставлены на витрине, и из тех, которые целой россыпью выметнул перед ней предприимчивый мастер. Мальвина поочередно примеряла их на пальчик, любовалась и не знала, на каком остановиться. Я, как мог, помогал привередливой покупательнице, побуждая примерить еще и кулон или ожерелье, которых тоже было на витрине вдосталь и которые я решил, во что бы то ни стало, подарить Мальвине. Поддаваясь моей подсказке и понуждению, она зачарованно примеряла их и тоже не знала, какой из них самый лучший.

А Мария в нашем выборе никакого участия не принимала. Она незаметно стояла возле двери, словно совершенно случайно, по ошибке, зашла сюда и сейчас же, немедленно, уйдет.

И вправду ушла бы из прохладной спасительной мастерской под лучи закатного, но все равно еще нещадно, знойно палящего солнца. Я вознамерился и ей сделать подарок и едва ли не насильно подтолкнул к витрине:

– Выбирайте!

– Спасибо, – поняла она мои намерения, но устояла и к витрине не подошла: – Я не люблю украшений.

– Мама говорит правду, – видя мое огорчение, сказала Мальвина, – она ничего такого не любит.

Сама же Мальвина подарок от меня приняла. Она наконец выбрала продолговатый сиренево-голубой перстенок и точно такое же ожерелье с крупным кулоном посередине. Украшения эти очень шли к ней: к ее удлиненной руке (удлиняя ее еще больше), к ее загорелой шее и пышным вольно разметавшимся по плечам волосам...

* * *

По дороге назад мы ненадолго зашли в мой дощатый холостяцкий домик, и я выложил перед гостями свои книги (роман и одну новую, недавно только вышедшую), которые захватил с собой в Дом творчества, чтоб подарить их какому-нибудь знакомому писателю, оказавшемуся в одном «заезде» со мной. Роман Мария сразу отвергла, отодвинула в сторону, сказав, что он у них есть в библиотеке (в библиотеке, а не у нее дома, что меня, конечно, огорчило) и выбрала книгу повестей и рассказов. А Мальвина безоговорочно взяла роман:

– Он мне нравится! – с чрезмерным восторгом сказала она, как будто хотела загладить вину матери.

Пока я мучился над автографами (я в этом жанре не очень большой мастер), Мальвина подошла к зеркалу и принялась любоваться моим подарком: ожерельем на шее и перстеньком на пальце. Она подносила пальчик к ожерелью, задерживала перстенок возле кулона, придирчиво проверяя, подходят ли они друг другу. По ее весело играющим глазам было видно, что она проверкой этой довольна и вообще довольна всем на свете.

Мария тоже и раз, и в другой посмотрела на Мальвину, на ее отражение в зазеркалье, задержала поочередно взгляд на перстеньке и ожерелье (все-таки она обманула меня, и, как всякая женщина, равнодушна к украшениям, только почему-то, по какому-то обету не носит их). Я оценивающий ее (но ничуть не ревнивый) взгляд перехватил и собрался спросить, довольна ли она выбором Мальвины, но вдруг меня охватила тревога. Мне показалось, Мария вспомнит сейчас о янтарном камушке с запечатленной в нем мушкой, который когда-то подарила мне на счастье – храню я его или нет?

Долгие годы я действительно бережно этот камушек хранил. Он всегда лежал на моем письменном столе и, как и предсказывала Мария, приносил счастье. А потом вдруг куда-то заделался. И, несомненно, по моей вине. Для лучшей сохранности я переложил его со стола в какое-то иное, более потаенное и надежное место, и тут же запомнил – в какое. Спихавшись, я пытался искать камушек, чтоб опять вернуть на письменный стол, досадовал на себя, но со временем, с годами досада эта постепенно затихла, и я о камушке окончательно забыл, перестал тревожиться о его пропаже и исчезновении. Оно и вправду, чего мне было о нем тревожиться. Жизнь моя и без камушка-талисмана складывалась как нельзя лучше. Все у меня было: любимая работа, почти что литературная слава, любимая и любящая жена, любимые дети – что еще нужно человеку для полного счастья?!

Но вот сегодня перед лицом Марии тревога о пропавшем янтарном камушке вернулась ко мне. Если Мария спросит, как отвечать? Сказать, что храню, будет неправдой. Сказать, что потерял, будет для нее горькой обидой и огорчением.

Но Мария ни о чем меня не спросила. Скорее всего, тоже запомнила о давнем своем подарке и пророчествах.

Она спрятала книги в пляжную сумку и, взглянув на часы, поторопила Мальвину, которая продолжала любоваться перед зеркалом и подарками, и собой.

– Пошли! Друзья твои в Феодосии будут волноваться.

– Ничего, пусть поволнуются, – беспечно сказала Мальвина, но матери подчинилась и не пошла, а величественно-гордо понесла себя на выход, повзрослевшая, выросшая девочка с голубыми волосами. И в эти мгновения она удивительно была похожа на Марию, на Аве Марию, такая же загадочная и непредсказуемая...

* * *

Возле дома Волошина мы задержались тоже всего минут на десять-пятнадцать, обнаружив, что на причале уже полным ходом идет посадка на последний вечерний катер. Но Мальвина все равно успела пробраться за ограду волошинского дома и проникнуть по крутой лесенке на шаткий, опоясывающий почти по всей окружности второй этаж балкон. Оттуда она победно помахала нам с Марией рукой, и в эти мгновения была удивительно похожа уже не мать, а на одну из знакомых Волошина, обитавших в этом доме полвека тому назад.

Когда же она спустилась к нам, то, опять-таки уподобясь знакомой Волошина из двадцатых годов, мечтательно сказала:

– Я хочу пожить здесь.

– А разве у нас хуже?! – не смогла скрыть своей обиды и тревоги Мария.

– У нас – лучше, – успокоила ее Мальвина, но, минутой спустя, ласково погладила ладонью ограду и добавила: – Только у нас нет ни дельфинов, ни планеров...

– Нет! – не очень сентиментально ответила Мария и пошла к пароходу, который уже подавал сигнальные гудки.

Мы едва-едва успели на него. Прощаясь, Мальвина обняла и поцеловала меня, еще раз поблагодарила за подарки, Мария же не обняла и не поцеловала. Она лишь уже возле самого трапа неожиданно задержалась и спросила меня:

– А ваш могильный курган в деревне цел?

– Увы, нет, – ответил я. – Его разобрали на песок, когда строили шоссе.

– Вот видите, – с упреком произнесла Мария, и это были последние слова, которые я от нее услышал. В следующее мгновение Мария быстро поднялась по трапу и невидимо смешалась с толпой.

А Мальвина до самого отплытия катера стояла на верхней палубе, возле капитанской рубки, махала рукой и, стараясь пересилить пронзительные гудки уже окутанного вечерними сумерками и маревом опасно-утлого суденышка, кричала мне:

– Мы еще приедем! Мы обязательно приедем!

* * *

Но они больше так и не приехали.

Первые два-три дня я, по правде говоря, не очень их и ожидал. У Марии и Мальвины ведь там, в Феодосии, какая-то своя жизнь, обязательства перед друзьями Мальвины, которые могут и обидеться, если гости-постояльцы, оставив их, зачастят ездить, неведомо зачем, в Коктебель.

Я за эти дни постепенно втянулся в обычный для большинства отдыхающих писателей ритм существования: с утра два-три часа писал новый задуманный мною еще дома рассказ (на то он и Дом творчества, чтоб в нем творить), потом шел на пляж, купался, загорал, вел затяжные беседы с многоумными своими собратями по перу и еще с более многоумными их женами. После обеда безмятежно спал или бродил по окрестностям Коктебеля. Однажды даже съездил в Старый Крым, в дом-музей Александра Грина.

Но на четвертый день я не на шутку начал беспокоиться и томиться ожиданием. Сразу после завтрака, не прикасаясь к своим сочинениям, пошел на холм Кучук-Енишар, к могилам Волошина и его жены почему-то совершенно уверенный, что Мария и Мальвина уже там. Но их не было ни на холме, ни на «диком» пляже возле поселка Орджоникидзе и пограничной заставы. Я совсем затосковал и, вернувшись в Дом творчества, весь остаток дня провел на пристани, встречая и провожая каждый феодосийский пароходик-катер. Но Мария с Мальвиной и на катере ко мне не приплыли.

С этого дня весь отдых мой и работа разрушились. Я был занят лишь ожиданием Марии с Мальвиной. Утром просыпался с одной и той же мыслью, что уж сегодня они непременно приедут; вечером, иногда еще засветло, ложился спать и утешал себя: не приехали сегодня, так обязательно приедут завтра – ведь обещали приехать и не могут не сдержать своего обещания...

Правда, в тревоге ожидания я забывал, что обещала приехать одна лишь Мальвина, а Мария ничего не обещала, спросила только меня зачем-то о деревенском могильном кургане и невидимо затерялась в толпе.

Совсем отчаявшись, я сам два или три дня подряд плавал на парходике-катере в Феодосию, бродил там по всем пляжам, заглядывал в картинную галерею Айвазовского, на вокзал и опять-таки на пристань, надеясь где-нибудь все же встретить Марию с Мальвиной.

Но потом вдруг спохватился и ездить перестал. Ведь вполне могло случиться (да, может, и случилось), что как раз в тот день, когда я искал Марию с Мальвиной в Феодосии, они ездили ко мне, в Коктебель, и вот по моей же неосмотрительности и вине мы разминулись..

Срок моего проживания в Доме творчества между тем подошел к концу. В последний день я сходил на холм Кучук-Енишар, попрощался с могилами Волошина и Марии Степановны (тоже давно и неизменно заведенный в Доме творчества ритуал), искупался в вечернем засыпающем море, понаблюдал за дельфинами, опять устроившими показательные игры при входе в бухту, а рано утром, ни свет ни заря, уехал рейсовым автобусом в Симферополь, чтоб улететь оттуда в родной свой город..

Дома же меня сверх всякой меры заполонили дела и заботы, мелкие и рутинные: ремонт квартиры, переговоры с издательством о новой книге, какие-то ненужные собрания и совещания в Союзе писателей. Занятый ими, я все реже и реже вспоминал о Марии с Мальвиной, о случайной нашей встрече с ними в Крыму, а потом (чего уж тут скрывать и обманывать?!) и вовсе забыл о них...

Глава третья

Жить в забытьи и забвении мне было легко и спокойно: ничто не тревожило и не отвлекало от работы. Но вот однажды в Москве на Старом Арбате я лицом к лицу столкнулся с Мальвиной. Она первой узнала меня и окликнула, а я поodi и проследовал бы мимо – так Мальвина повзрослела и переменялась. Во время последнего нашего свидания в Коктебеле она была в общем-то еще угловатой девчонкой-подростком, а теперь превратилась в двадцатипятилетнюю зрелую женщину. От прежней, озорной и не всегда послушной Мальвины остались, пожалуй, лишь одни ниспадающие до плеч чуточку голубоватые волосы. Впрочем, мне могло так просто показаться при свете ярко вспыхнувшей вдруг неоновыми огнями витри-

ны, возле которой мы остановились.

- Какими судьбами в Москве? – искренне обрадовался я встрече с Мальвиной.
- Учусь в аспирантуре, – тоже нескрываемо обрадовалась она моему появлению.

Мы зашли в первое попавшееся кафе, заняли маленький, всего на двоих, столик в уголке возле окошка, заказали вино, кофе, какие-то изысканные закуски (Мальвина обнаружила в этом большие познания) и начали на радостях пировать.

- Ну, как ты, побывала на Алтае и в Гималаях? – принялся я выспрашивать ее.
- Побывала! – немного с вызовом, как в давние годы, ответила Мальвина.
- И страну счастья – Шамбалу – нашла?
- Почти, – сказала она, но уже почему-то без прежнего вызова.
- Замужем? – решил я переменить тему разговора.
- Тоже – почти, – уходя от прямого ответа, усмехнулась Мальвина.

Я минуту помедлил, а потом спросил о том, о чем надо было, конечно, спросить в первую очередь:

- Как мама?

Мальвина ответила не сразу. Она достала из сумки сигареты, красиво и опытно закурила, откинув далеко на отлет длинную загорелую руку, долго держала дым в груди, а когда наконец выдохнула его, то посмотрела на меня по-детски большими, но напряженно суженными глазами:

- Мамы уже три года нет в живых.
- Как – нет в живых?! – не смог сдержать я невольного вскрика.
- Она утонула, – еще сильнее сузились ее глаза.

– Но мама же так хорошо плавала! – вспомнил я наш с Марией поход на Королевскую дюну, когда она, поднырнув под штормовую волну, уплыла от меня почти за горизонт.

- Плавала, – не стала спорить со мной Мальвина.

Она перевела взгляд в окошко, на шумную староарбатскую толпу, на каких-то иностранных развязных туристов, как раз остановившихся возле кафе, потом, как бы случайно обнаружив меня и удивившись этому, сказала вполголоса еще несколько почти бессвязных слов:

- Мама собирала на побережье янтарь, ее накрыло штормовой волной, и она не смогла выплыть.

Мальвина сделала небольшой глоток вина, поправила разметавшиеся волосы и вдруг, как бы сама для себя произнесла:

- А может, не захотела выплыть...
- Но почему?! – изумился я жестокой ее догадке.

– Это знала только одна она, – опять не столько для меня, сколько для самой себя проговорила Мальвина.

В моей памяти всколыхнулось все, что связывало меня с Марией от первого дня нашего знакомства и до последних минут расставания на причале в Коктебеле, и я не поверил повзрослевшей ее дочери. Не было у Марии никаких причин, чтоб не выплыть. Просто произошел несчастный случай, которые на море, увы, происходят часто. Я хотел сказать об этом Мальвине, но сказал все-таки совсем иное:

- Мама была очень странным человеком.
- Станным, – с неожиданно прорезавшимся серебряно-звонким переливом в голосе проговорила она. – Станным и несчастливым.

- Почему – несчастливым? – заступился я за Марию.
- Потому, что одиноким, как баба Настя, – отвергла мое заступничество Мальвина.
- Но у нее же были вы!

- Была! – с трудом сдержала слезы Мальвина. – Но, может, лучше бы меня не было вовсе...

Что скрывалось за этими ее несправедливыми словами, я разгадать не мог, но что-то же скрывалось, одинаково роковое и для Марии, и для Мальвины, и, возможно, для меня. Угнетенный и потерянный, я сидел тихо, безотрывно смотрел на взрослую дочь Марии и чувствовал себя гораздо моложе ее по летам. Она пережила самое тяжелое в своей жизни горе три года тому назад, а я переживал свое только сейчас, у нее на глазах.

Мальвина слезы сдержала и, успокаивая меня, заговорила о матери чуть отстраненно, как обычно говорят лишь о живых людях, с которыми расстались хотя и надолго, но не навсегда:

- Мама была не от мира сего. Такие люди долго не живут. Она это чувствовала.

– А ваш папа? – задал я Мальвине, наверное, самый мучительный для нее вопрос, который когда-то не посмел задать Марии.

– Что – папа! – закурила новую сигарету Мальвина. – В детстве, когда я спрашивала о нем маму, она неизменно отвечала: «Папа ушел в море, но скоро вернется». Я верила и очень ждала его. В пятнадцать лет спросила еще раз, и мама ответила то же самое: «Папа ушел в море, но обязательно вернется». Она так любила его, а он ее – нет. В пятнадцать лет я это уже чувствовала и понимала и больше маму об отце никогда не спрашивала.

Мальвина отогнала рукой в сторону окошка дым, и я заметил, как все-таки две крошечные слезинки повисли у нее на длинных, густых ресницах. Ну что мне стоило в эти мгновения сказать ей: «Вот я и вернулся! Мама ошибалась – я тоже очень сильно любил ее. Нас просто разлучили море и поющие пески». Мальвина бы поверила мне больше, чем верила когда-то матери. Мы обнялись бы с ней, прильнули друг к другу, родные по крови и духу люди, и уже никогда бы не расставались. Но я не посмел обмануть Мальвину, когда-то совсем маленькую, а теперь стремительно выросшую девочку из детской забытой сказки. Я лишь осторожно прикоснулся к ее плечу (плечу Марии) ладонью. Она горячую мою ладонь не отстранила, прижалась к ней и вдруг, смахивая с ресниц слезинки, сказала:

– Я отыскала своих дедушку и бабушку.

– Они живы?! – обрадовался я за Мальвину.

– Нет – они погибли, – безжалостно разрушила она преждевременные мои надежды. – В самом конце войны. Маме тогда было всего полгода...

Мне захотелось еще раз прикоснуться к плечу Мальвины, сильному, упругому плечу пловчихи и путешественницы, но Мальвина вдруг посмотрела на часы и заторопилась:

– Я должна уходить.

– Свидание?! – тоже почти сквозь слезы постарался улыбнуться я.

– Что-то вроде этого, – в тон мне ответила Мальвина, спрятала в сумочку сигареты, оглядела себя в маленькое зеркальце и встала из-за стола.

Я проводил ее до станции метро «Арбатская». По дороге, в сутолоке Старого Арбата и подземных переходов мы о чем-то с ней еще разговаривали (о чем, сейчас совершенно не помню, кажется, о ее учебе, о будущих путешествиях: я празднично спрашивал, Мальвина наугад отвечала). У двери метро мы расстались, забыв даже обменяться адресами или хотя бы телефонами: людской поток затянул Мальвину в свой черный пугающий водоворот, а я остался у входа и вскоре потерял ее из виду...

* * *

Опять в моей жизни побежали дни за днями, иногда наполненные призрачными делами и событиями, а иногда так и совсем пустые и бесполезные, как, увы, это постоянно случается в старости. О Марии и Мальвине я поначалу часто вспоминал. О Мальвине даже чаще, чем о Марии, которую теперь, сколько ни терзай себя, не вернешь, как не вернешь свою прожитую жизнь. А увидеть Мальвину мне хотелось. Несколько раз я порывался съездить в Москву и отыскать ее, хотя и не знал, где она учится в аспирантуре: в МГУ или в каком-либо ином, специальном географическом вузе. Мечтал я съездить и в бывшую Восточную Пруссию, в Калининград, в городок, где я служил в армии (впрочем, ракетных войск стратегического назначения сейчас в Калининградской области, насколько я знаю, нет, и мою часть давным-давно расформировали), потом в Зеленоградск-Кранц и на Куршскую косу, где, может быть, еще жива баба Настя.

Но порывам моим так и не суждено было осуществиться. Мальвина, скорее всего, в каком-нибудь новом путешествии: на Тибете (ищет неизведанную страну счастья – Шамбалу), в африканской пустыне или в безводных степях Китая и Монголии. Она ведь тоже не совсем земная, не с нашей планеты девочка-женщина, хотя, может быть, и сама об этом пока не догадывается. А на Куршскую косу сейчас просто так не попадешь, нужно добывать специальные разрешения, на что у меня нет уже никаких сил, да и баба Настя вряд ли жива (ей давно за девяносто, а до такого возраста редко кто из фронтовиков доживает).

И вдруг мне стали сниться холодное Балтийское море, Куршская коса, песчаные ее дюны, «танцующий лес» и маленький кирпичный домик с островерхой крышей и мансардой, который просто каким-то чудом удерживается на краю морского обрыва.

В глухую осеннюю полночь я отчетливо слышу, как на Королевской дюне поют, плачут и вызванивают, будто церковные колокола, пески. Не просыпаясь, я напрягаю слух, и мне кажется, что еще совсем немного, еще чуть-чуть, и я обязательно пойму, о чем же так тоскливо поют, звонят и плачут под напором ветра эти никем не разгаданные пески...

Эльдар БАДЫРХАНОВ

*Продолжение. Начало в №6-8.***Месяц Марса***Повесть*

25

В нашем трюме больше пожилых теток, мужчины попадаются реже, все больше растерянные, видно, не «шустрые», не ушлые. «Деловые» мужики давно покинули Баку и вывезли семьи. Вечереет, и я спускаюсь в уныло освещенный «трюм». «Сагалаев» деловито и умело вскрывает перочинным ножиком баночку кильки в томате и, не торопясь, аппетитно уминает с хлебцем. Потом уютно ложится спать, свернувшись на матрасе и ловко накрывшись серым драповым пальто. «Бич, настоящий бич», – думаю я почему-то с неприязнью, смешанной с легким презрением. Он уж больно спокойно вжился в эти условия. И не просто спокойно, а как-то вот с рачительностью бывалого затюканного бродяги. Не спорю, уметь выжить надо везде. Но излишняя, слегка крысиная приспособляемость к резко ухудшившейся жизни чуть все же умаляет достоинство. Тоже мне, горьковский персонаж. На дне, блин.

Почему-то вспомнилось это слово «бич» в значении «бродяга», «бомж» и прилипло к «Сагалаеву». Его я услышал по центральному телевизору, «по Москве», наверное, в модной программе «Взгляд». В Баку такое слово не употреблялось. В Баку говорили «авара»¹.

К Каспию Эмилия относилась подозрительно. Ее можно было понять. У нее после войны утонул любимый сводный брат, которому было всего семнадцать лет.

Парандзем служила на корабле и видела шаха и прекрасную шахиню. Море в отличие от Эмилии для Парандзем было родным, напомнило молодость.

– А мне это все вдруг молодость напомнило. Я была поварихой на корабле. Коком то есть, – обратилась Парандзем почему-то ко мне. – Мы даже в Иран ходили... Я видела шаха и шахиню. Красивая она очень была.

– А когда это было?

– Да не помню уже... После войны...

Уже стемнело, и моря не видно почти, только слышно. Корабль идет уже не на всех парах, а тихонько, плавно, как плот. Тем, кто без матрасов, плохо. Они маются, хотят подремать, да хотя бы растянуться, потому что и посидеть-то толком не получается. Интеллигентная супружеская пара средних лет встала и куда-то пошла. Думаю, искать галюн.

Пухлая Офелия, у которой слегка поехала крыша от качки и постоянного пребывания на ногах, мгновенно плюхнулась на матрас, не раздумывая о своих правах на него, но повинувшись инстинкту уставшего человека. Мама сделала строгое лицо, но мы решили дать ей полежать, пока не вернется эта чета. Появились они минут через десять-пятнадцать, но Офелия уже успела задремать под качку. Они встали над ней, смущенно улыбаясь.

– Иди, растолкай ее, стыдно, – сказала мне мама.

Я пошел и стал тянуть ее за руку.

– Давай, давай, Офа, вставай, подъем, люди пришли. Ты что... Это же чужой матрас, – сердито шептал я.

Несчастная во всех смыслах девушка Офелия ныла и просила в полузабытье еще минуточку. Но я был неумолим. Вот позорище на нашу семью, а! Подростки частенько такие угловато-принципиальные, что аж тошно. Особенно мальчишки. Наконец я ее стянул с матраса. А сам то сидел на вещах, то стоял, опираясь на всякие плоскости, и в общем-то особо даже не устал. Было не до сна и усталости. Это показалось или корабль встал? Нет, вроде качается, но если идет, то очень медленно, и такое чувство, сейчас причалит. Нет, ощущения не подвели. Мы уже в порту Красноводска. Пошел такой слух. Люди стали суетиться, за пожитки хвататься, но нам объявили, что в целях удобства и безопасности нам дается возможность переночевать на судне, остаться до утра, пока не рассветет. Между прочим, никто не спрашивал, хотим ли мы этого? Может, кто-то знал Красноводск, у кого-то родня была, а кто-то хотел на такси рвануть в аэропорт или на вокзал. Но трапа нет, высадки не будет. Впрочем, никто не роптал. Да, затягивается наше путешествие. Люди спят в тусклом свете или тихонько переговариваются. В основном рассказывают о погроме, но лениво, устало.

В каком-то все забыть, даже те, кто бодрствует. Счастливы только парень с девушкой, уютно устро-

ившиеся в закутке. Они все время целуются и обнимаются. И не понятно, что еще под одеялом вытворяют. Я вполглаза, чтобы не заметили, наблюдаю за ними. Они кажутся неподходяще красивыми для нашего трюма – обросший парень и длинноволосая девушка. Им лет по 18-20, не намного старше меня. Тонкие и породистые, темноваты для типичных славян, но светловаты для типичных армян. Черты лиц европейские и похожи как брат и сестра. Я им завидую.

Под утро нашли родственников. Очень дальних, трех женщин. Мама объясняла, кто они, но я так и не понял. Сильно хитрая степень родства, и в Баку не виделись мама и бабушки много лет. Элла их нашла, пройдясь по судну в поисках то ли местечка получше, то ли информации, а скорее всего, устала неудобно сидеть и стоять на одном месте. Меня представляли, сына и внука, я немного смущенно улыбался. Прямо как на бакинских семейных посиделках.

– Да уж и не думали, что при таких обстоятельствах придется встретиться. Сколько лет уж не виделись...

– Да не скажите. Вот так да... Вот так встреча.

– Да кто уж мог вообще подумать, что будет у нас такой день...

– А как Нелли? Как ее муж?

– Уехали они давно, вовремя успели.

– А как Роза?

– Да вот недавно была, приехала из России в надежде свою трехкомнатную в центре продать. Продала за гроши, но все же успела. Хоть какие-то деньги...

Было принято решение держаться вместе, но под утро, когда начались суета и паника, мы потерялись. Я их видел в первый и последний раз в жизни. Помните все эти фильмы советские про эвакуирующихся на кораблях? И всю это обстановку гвалта и давки? Ну вот примерно так всё и было, хотя ребенку ясно, что держать нас на корабле не будет никто. Зачем такой груз вспомогательному кораблю Краснознаменной Каспийской флотилии. Все скопились на палубе. Готовятся к высадке, гудят.

На палубе хорошо, словно дурной сон рассеялся. После тумана и ветра яркое солнце, ласковый ветерок. Приятно ползут белые и мягкие, как подушки, облака. На палубе теснятся люди и ползут слухи. А что слухи? Уже есть полуофициальная информация – нам предлагают лететь за счет советской власти в Ереван и Ашхабад. В столицу Армении или Туркмении. Хаястан², или Туркменистан. А слухи о том, что какой бы рейс ни выбрали беженцы, самолеты будут дозаправляются в Баку, потому что, мол, это самый близкий пункт.

– Полетим через Баку?! Из Баку убежали, в Баку нас и вернут?!

– А там, на поле нас уже ждут они, Народный фронт.

– Были уже случаи такие! Я слышала!

– Они говорят, ничего, армяне, не добились вас, не успели, но вы сами к нам прилетели!

Мне на какой-то момент становится радостно, что мы полетим в Баку. Может, вернусь, а? Домой. В родной дом. В школу пойду, с ребятами пообщаюсь... Но сразу же, через какие-то доли мгновений понимаю, что какая-то муть лезет в голову. Какой Баку! Нельзя нам в Баку. Да и не верится, честное слово, что мы через Баку полетим. Дураки они что ли, все эти власти? Хотя похоже, что дураки.

Бабушкам трудно стоять. На палубе чуть ли не давка. На берегу, на пристани плотное кольцо из усатых туркменских ментов. Подальше видны солдаты внутренних войск. Лица у ментов насупленные, суровые. Все при табельном оружии, хорошо что не в касках и без щитов. Как будто мы тут беспорядки собирались устраивать. Складывается впечатление, мы для них какие-то подозрительные элементы и нарушители порядка. Лучше бы так в Баку заботливо выстраивались, подумал я. Замечаю за ментами парутройку телекамер, и вроде слышна какая-то иностранная речь с пристани, какая именно, не разобрать.

В общем, приказано решать, куда путь держать. Мама выбрала Ереван. Направление не чужое, наша сторона – Кавказ, Элла там была в юности. Ашхабад – бесспорно terra incognita, далекая и абсолютно чужая. Из Еревана проще уехать в Южную Россию, где родня и друзья.

В Армении дед Гриша и мамина сестра Аня. Они на горнолыжном курорте, расположенном в пятидесяти километрах от Еревана. Их расселили вместе с другими беженцами из Баку и Карабаха и пострадавшими от землетрясения 1988 года в пансионаты, санатории, дома отдыха. Естественно, в пансионате выбирались самые дешевые номера. Они вначале отправились на Ставрополье к родственникам. Но там жилья, прописки, пенсии и работы не дали. Официально заявили – вы армяне, а у нас распоряжение из Москвы посылать армянских беженцев в Армению. Там для них и будут создаваться условия. Не жить же на хлебниками, вот они и отправились на историческую родину.

Элла не хочет никого беспокоить: отца, не очень дружелюбную тамошнюю родню, и не хочет задерживаться на исторической родине. Парандзем решительно возражает даже против армянского транзита.

– Вы что, нам туда нельзя! Им ахчика торка!³. Да и у меня азербайджанская фамилия. Получается, мы азербайджанцы?!

– Тише, тише, успокойся. Ты что, – говорит бабушка Эмилия, еле держась на больных ногах.

– Не кричи тут, тетя Парандзем, кто здесь азербайджанец. Ничего нам в Ереване не сделают. Мы армяне и летим в Армению, и точка! – раздраженно и безапелляционно шипит мама, чувствуя, как оборачиваются на упоминание об азербайджанцах наши товарищи по несчастью.

Парандзем права. Ее дочь действительно «турчанка», то бишь азербайджанка, согласно кавказским обычаям и советской паспортной системе. У Парандзем была бурная молодость по бакинским меркам, и вышла замуж она поздно за азербайджанца Джафара Мамедова, лет на 10-12 старше ее, моряка, ерза. Брак их длился недолго, может, лет пять-шесть. Они разошлись и с тех пор не виделись. Джафар уехал на родину, в Армению, где никакого моря нет. Жили они на Завокзальной, в полуподвале, который принадлежал супруге. За мальчика кавказский мужчина еще сражается, а дочь – пусть навеки с мамашей и остается, обычно думают разводящиеся мужья. Исключением был Енок, который то ли из мести, то ли вследствие своего великого упрямства таки отбил по суду Парандзем и Эмилию у Анны. Говорили, судей подкупил. И это в 30-е годы, будучи реакционным кустарем-одиночкой, сапожником. А Анна была общественницей. Но это же Баку, а не Ленинград.

Джафар умер не так давно, я слышал. После развода Парандзем не стала менять документы, как часто бывает. Парандзем Еноковна Мамедова звучит крайне комично для армянского и азербайджанского уха. А вот Офелию Джафаровну Мамедову от остракизма новых соседей еразов не спасла графа в паспорте. Похожа она была на мать, да и ничего от азербайджанки у нее не было, и двух слов связать по-азербайджански не могла. Спасибо скажите, что живы остались!

Карабкаюсь на борт, цепляюсь руками за бетонную пристань. Мужики поддерживают и подталкивают, подают наши сумки и чемодан. Ух! Выбрался с судна и вещи вытянул. А то к женщинам, особенно пожилым, еще есть уважение, а меня с сумками оттоптали бы на славу. И что все так суетятся? Скажу банальность – как приятно вновь очутиться на твердой земле.

Жду своих, смотрю в оба, чтобы не потеряться, как внезапно обретенная седьмая вода. И не потерял, все благополучно погрузились в автобус, под ненавязчивым конвоем ментов и солдат. Не знаю, сколько людей на нашем было корабле, может, в порту были еще беженцы, прибывшие паромом или какими-то другими судами.

Сидячее место – это уже хорошо, мягкое сидение слегка потрепанного экскурсионного автобуса – уже роскошь. Тронулись в сопровождении милицейской машины. Выехали в степь, куда везут, не ясно. Наверное, правильно бы сказать полупустыня с холмами, скалами да колючкой, почти полная копия наших родных апшеронских пейзажей. Только теплее. Солнце даже припекает. Ясно, ярко и нет ветра. Все же есть какое-то неуловимое отличие. Вот какое, я понять не могу. Простору побольше? Краски сочнее? Пахнет и правда Азией, Парфией, Согдианой. Мне так кажется.

Тишина и покой, ни машин, ни людей на дороге. Едем медленно. Чуть укачивает. После почти бессонной ночи веки тяжелеют, и вот бы в дремоту провалиться, а нет, не получается. Любопытство легкое, тревожно, и голод не то чтобы мучает, но напоминает о себе. Никаких припасов мы с собой не взяли. Запасаться – значит, допускать, что тягостный путь может затянуться. Лучше поголодать и потерпеть жажду в дороге, чем бегать в поисках туалета, считала мама. Да и нервное напряжение отвлекло от мыслей о еде. Даже я, имевший зверский аппетит, от качки и нездорового суетливого утомления не чувствовал голода. Я его не чувствовал, но вдруг ощутил его вкус в автобусе, когда появилось время прислушаться к своему телу. Оказывается, у голода тоже есть вкус. Если долго не есть, этот неприятный прогорклый вкус заполняет рецепторы. Автобус остановился. Стоим. Я задремал.

Привезли нас наконец в какое-то административное здание, по всей вероятности, местный исполком этого в меру унылого города. Стали переписывать в большие разлинованные тетради. Они, бюрократы, это любят: имя, фамилия, отчество, года рождения, место рождения, адрес по прописке... Предъявите паспорт... У меня и паспорта-то нет, годами не вышел еще. Свидетельство о рождении. Догум хаккында шахедатнамэ. Зеленое, на двух языках. Там написано, что у меня отец лезгин, а мать армянка. Хорошо, цель приезда не спрашивают, она, знаете ли, у всех одна тут, и ее прекрасно знают в этом перевалочном пункте. Каждому из нас выдали еще один документ. Справку. Никому я такую справочку не желаю полу-

чить. Любопытно верчу в руке желтоватый казенный бланк с гербом ТССР. Читаю.

ХАЛК ДЕПУТАТЛАРЫНЫН
КРАСНОВОДСК
ШЭХЕР СОВЕТИНИН
ИСПОЛНИТЕЛЬ КОМИТЕТИ

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КРАСНОВОДСКОГО
ГОРОДСКОГО
СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

№ 6/19

«18» 01 1990 г.

Красноводский горисполком подтверждает, что гр-н Ибрагимов Рустам Р. был доставлен в качестве беженца из г. Баку «18» 01 1990 г. паромом и следует в Ереван.

Председатель горисполкома
Печать с гербом Туркменской ССР

Подпись

Ю.СТАРЦЕВ

Туркменский язык – тюркский, и «шэхер» удивительно похоже на азербайджанское «шэхэр»⁴, думаю я. Народ по-азербайджански «халг». Что нет слова «исполнительный»? Странно, в азербайджанском есть – «иджрайя», вроде так. Я на табличках читал по обеим сторонам от дверей какого-то райисполкома – «иджрайя комитэси». Хотя, скорее всего, это слово заимствовано из фарси или арабского, размышлял я.

Интересно, шапка напечатана типографским способом, а вот сам текст про паром, Баку и беженца в спешке, видимо, оттиснут на печатной машинке. Номер, дата, моя фамилия, имя, «Ереван» вписаны шариковой ручкой.

Меня слово «беженец» серьезно покорило. «В «качестве беженца» «доставлен». Беженцы – это женщины, слабые, старики... Беженцы от слова «бежать». Я не бежал... Я только помогал маме, она бы не смогла, кто бы вещи таскал... Меня бы никто не тронул», – успокаивал себя почему-то, как будто какое это тогда имело значение. Я с момента начала конфликта не хотел быть в гетто, хотел быть обычным парнем, жить в своем городе. Даже в школу ходить хотел. Я беженцем не хотел быть. Раздавали чай и какие-то булочки. Потом снова погрузили в автобусы, предварительно уточнив, кто куда лететь изволит, все это записали и составили списки.

Довезли до маленького заштатного, провинциального и тоскливо-спокойного красноводского аэропорта. Запустили без лишних формальностей в отсек, где женщины-туркменки в национальных платьях и цветастых платках сортировали и упаковывали багаж. Они смотрели на нас со сдержанным любопытством и негромко переговаривались. Наконец нам подали самолет и без всяких формальностей вроде регистрации билетов отправили в Ереван. Так сказать, на историческую родину.

26

Когда самолет приземлился, стало ясно, что из туркменской тоскливой весны мы попали в веселую армянскую зиму. Шел густой и обильный снег. Уже стемнело. Но стоило выйти на трап и понять – мы тут настоящие звезды. Милиции не видно, зато заботливые лица каких-то волонтеров, машины «Скорой помощи» и группа журналистов. Армянских, московских и иностранных. Камеры, вспышки фотоаппаратов, микрофоны, диктофоны и блокноты. «Расскажите, что вам пришлось пережить. Представьтесь, пожалуйста». Общественники суетятся, пробивают дорожки в толпе, ненавязчиво теснят журналистов. В салон спешат врачи «Скорой» с носилками. Выносят старушку, кого-то выводят под руки. Кто-то дает интервью, робко и нервничая, а какой-то мужик демагогично размахивая руками.

Местные серьезные мужчины и женщины официального вида тоже раздают комментарии на фоне беженцев. Они сдержанны, указывают озадаченно и сочувственно на нас руками, неторопливо говорят в микрофоны. Щелкают фотокамеры. По нам скользят телекамеры. Хоть и уже совсем темно, света много. Снег пляшет и искрит в электрических лучах.

Помогаю нашим бабушкам доковылять до автобуса. Они устали, но смотрят вокруг с улыбкой. Правда, Парандзем несколько переживает, но уже совсем капельку. Офелия в легкой прострации. Мама выглядит озадаченно. Мы интервью не даем, но беженцев особенно не мучают. Пытают больше встречающих, а прибывших в основном фотографируют и снимают на камеры.

Заботливо проводили до автобуса, и вот мы в современном аэропорту «Звартноц», гордости Армянской ССР. Не сравнить с бакинским. Круто, как на Западе, думал я.

Меня поразило, что двери открываются сами, когда к ним подходишь. Большие стеклянные двери! Это показалось мне настоящим чудом. Сразу захотелось испытать, как они работают, поиграть с ними, попытаться их обмануть.

Но это позже, после того, как наша толпа, на которую лениво косятся обычные пассажиры, стоит в очереди. Момент ответственный, не до забав. Деньги нам должны выдать – вот оно что. Молодцы какие. Нас переписывают, как в Красноводске, но еще и денежки выдают, по 50 рублей на человека. Целых двести рублей наша семья получит. Выходит, мы окупили наше бесплатное путешествие. Спасибо армянской благотворительной организации «Милосердие» – так она называется в переводе. Я прочитал временную бумажную вывеску на двери будки, в очередь в которую мы стоим. Раздают еще импортные конфеты и жвачки, подслащивают участь беженца.

Из больших коробок. Да это же шоколадки Mars. Я читал про них в «Комсомольской правде», которую мы выписывали, там в какой-то статье была фраза про «качественный английский шоколад Mars». Память у меня хорошая. Потом оказалось, не английский, но американский. А вот в связи с чем там про шоколадки писали, не помню. Тогда любили сообщать о чудесах заграничной жизни. Я с мамой и Офелией делюсь этой информацией и советую брать. Сам тоже беру, хотя сладкое не особо люблю. Элла устало улыбается, Офелия суетится.

Никаких вопросов к Рустаму Расуловичу Ибрагимову и Офелии Джафар гызы Мамедовой, гражданам, не похожим по документам на армян, не возникло. А я и внешне не похож. Меня вообще в Баку за блондина держали. Родился я рыжим, потом стал русым, позже – темно-русим. Глаза голубые, кожа белая. Я, честно говоря, этого стеснялся. Слишком нежненькая внешность для Закавказья. Меня соседи называли в раннем детстве на Завокзальной «цветной бала»⁵. Совершенно противоположно общепринятому определению «цветной» в отношении расы, не правда ли?

Зато рано стали расти волосы на лице. Вот где взяла свое армянская кровь, потому как дед лезгин был совсем не богат бородой, какой-то слегка даже монголоидной внешности. Бороденка пошла у меня клоками, рыжими завитушками, и друг семьи, экономист и парторг завода, уже бывший бакинец дядя Арнольд, к которому мы сейчас и держим путь (изначально решили ехать к нему под Пятигорск, но будем действовать по ситуации), посоветовал мне ее сбрить по эстетическим соображениям.

– Арнольд, он же ребенок. Как можно бриться в таком возрасте? – ужаснулась мама.

– Элла, ну посмотри на него, это что такое? Не пойми что. Я в его возрасте уже брился. Ну, или годом позже. Не важно. Рустам, надо бриться! Не слушай маму, ты уже мужчина, – сказал Арнольд, обладатель роскошных усов, улыбаясь. Был май 1989 года. Вскоре он с семьей покинул Баку.

Папа брился обычной советской «безопасной» бритвой. Я брал у него лезвие «Нева» для заточки карандашей. Раз на Завокзальной я взял бритву деда, эту самую, «безопасную» и с детским идиотическим упрямством поиграл в бритве, запершись в ванной. Когда уже щеки закровянили угрожающе, я вынужден был отпереть дверь и сдать на милость бабушки и мамы. Григорий только мягко журил: «Рано тебе бриться, ты же маленький еще, и вообще надо мыло мазать, пену делать. Ты видел, чтобы я всухую брился?»

Дед Рахимхан по молодости брился опасной бритвой, долго и любовно затачивая ее об точильный ремень. На старости лет он частенько брился в парикмахерской, где лицо ему брили заодно с головой. Дед Гриша тоже любил получить компресс на лицо, пока меня стригли. Однажды он так увлекся, что меня «оболванили», постригли почти налысо, оставив чубчик, за что дед получил нагоняй.

Мне решено было купить электробритву, как самое подходящее для мальчика и безопасное приспособление для бритья. Электробритвами пользовался только дядя Беглар, из стремления к западничеству и модернизму. Но не особо они подходят к жестким и густым армянским щетинам, все валяются сломанные и брошенные. Штуки три разных. Я разбирал, вытаскивал моторчики. А дядя Беглар намыливал щеки помазком и, куря, как Аллен Делон в кино, не торопливо брился. Я не видел, чтобы кто-то кроме дяди и Аллена Делона брился и курил одновременно. Папа курил до и после бритья, прикладывая кусочки салфетки к ранкам. Трудно не порезаться этой безопасной бритвой. Я не курил тогда совсем, хотя одноклассники баловались. Но мне приснился сон, что я бреюсь и курю. Правда, по отдельности. Мама сказала, это к взрослению.

Мы с папой поехали и купили электробритву «Бердск» в центре города, в БУМе. Потом заехали к бабушке, я похвастал. Дома у нее было тенисто и грустно. Завокзальная становилась чужой и угрожающей. Мне запретила мама трогать пушок над верхней губой. Чтобы не возникло раздражения, так вероятного для подростковой кожи, было предписано после бритья растереть лицо детской присыпкой.

Но все равно, несмотря на эти компромиссы, в классе заметили. Девочка, которую я любил, сказала: «Да смотрите, Рустам побрился!» И меня все стали дразнить, тыча пальцами – «Побрился, побрился!» Я не обижался, мне даже приятно было. Детишки. А я уже взрослый! Меня и так дразнили уже, называя Кинг-Конгом. Этот старый фильм пацаны посмотрели у кого-то на видео. Кинг-Конг – потому что ноги волосатые. Поэтому больше всего дразнились в раздевалке, когда переодевались на физкультуру. Как им, придуркам, только ненадодало. К тому же вымахал быстро и накачался. Были самодельные гантели, и упросил папу во дворе турничок соорудить. Стоял предпоследний в классе, в строю по ранжиру, а в шестой когда перешел, был уже второй после самого длинного – русского парня Жоры, товарища моего. Но оволосения конечностей рыжеватой порослью у Жоры не наблюдалось. Да и выглядел он субтильнее. А я этакий мужичок, старше своих лет. Потом пацаны стали меня догонять.

В общем, выдали нам заботливо денежки, после нудной очереди. Но ничего, советские люди привыкли к очередям. Хотя мой папа их не выносил. Все доставал из-под полы. Гордый он, чтобы в очередях стоять. Характер не тот, и копейки считать не любит.

Но мы еще толпимся. Будут выдавать вещи, еду, говорить, что и как делать дальше.

В толпе снует худощавый молодой человек, судя по выговору, бакинец. В сером пальто, мохеровый шарф, высокая, щеголевато чуть меньшего, чем надо размера, нутриевая ушанка с подвязанными ушами, напоминающая скорее папаху. Он шепчет, шепчется, большой нос, каштановые усы, легкий возбужденный румянец. «Армяне за все это должны отомстить. Отомстить с оружием в руках. Надо идти в Карабах. Защищать Карабах», – как бы обращается он к редким в нашей очереди мужчинам, парням и одновременно ко всей нашей очереди сразу. К нему прислушиваются, что-то шепотом спрашивают, резко отвечают. Он смотрит на меня. Я улыбаюсь ему. Хоть какое-то развлечение в унылой безрадостной куче людей, на которую все косятся. Мой рыжий пушок не сравнить с его усами, но выгляжу я старше своих лет.

– Вы, что, совсем совесть потеряли?! Он же ребенок еще. И вообще, что вы тут такое говорите?! Здесь люди из-за таких, как вы, пострадали! – возмущается мама.

Молодой человек ловко исчезает, не вступая в дискуссию. Я ему симпатизирую, у него внешность, в общем, даже по-хорошему жалкая, располагающая. И мне вдруг хочется догнать его и записаться на войну. Лишь бы куда, только не быть беженцем. Я понимаю, это невозможно, но фантазии берут верх. Представляю себя с автоматом. Все равно за кого воевать. Романтика. И доказал бы, что не ребенок я. «Какой я ребенок, если он хотел меня завербовать в отряд, он смотрел на меня, и даже мама набросилась на него. Значит, я не ребенок», – думал я. И был этим горд.

Спустя пару минут понимаю, что это глупо. Совсем не хочу воевать за этих карабахцев, из-за которых, права мама, мы сейчас тут торчим. Если бы они там в своем Степанакерте не начали бы, мы бы спокойно жили в своем Баку, а не получали бы справки беженцев. Фу, беженцы, позорище. И вдруг на меня накатывает злоба на азербайджанцев. Нас же они выгнали из дома! За нами вон пришли уже. Неизвестно, что сделали бы с нами, если бы калиткой не ошиблись. И причем тут Карабах?

Денег нам выдали на семью 250 рублей. Дело в том, что можно не присутствовать лично, Эмилия вообще на ногах еле держится, они с Парандзем отошли присесть. Достаточно одному члену семьи предъявить справку из Красноводска и паспорта или свидетельства о рождении. Тем более что этот полтинник выдавали просто на карманные расходы, это благотворительность. Официальные «Карточки семьи беженца из Баку» выдадут чуть позже, тем, кто останется в Армении, а не уедет в Россию. Правда, в паспорте все же незаметную маленькую циферку ручкой «+50» или «+100» ставят, где-то на последних страницах. И на справочках наших рисуют «50». Так вот мама в общей куче предъявила и «метрику» моей девятилетней сестры Лины. Ну а что, она хоть и не с нами, но беженка по праву. Ее вывезли раньше, в декабре, с комфортом.

Одна из подруг Эллы, красивая, волоокая, светлокочая девушка лет тридцати с хвостиком, была возлюбленной, или, как говорили с добрым бакинским юмором, второй женой (тем более что она была на третьем месяце) одного влиятельного в народном хозяйстве республики человека. Азербайджанца. Подруга же была армянкой. Папа девушки из Баку уехал, но милый друг не хотел ее отпускать до последнего и послал одного из двух своих племянников охранять квартиру, где она жила с мамой. Однако позже было все же решено провести эвакуацию. На «Жигулях» шестой модели (один племянник ответственного товарища за рулем, другой – на переднем сиденье) девушка с мамой должны были отправиться в Пятигорск, снять, а затем подобрать и приобрести приличное жилье. Ясное дело, за счет любимого. Место там хорошее, курортное и, главное, всего 800 километров по трассе Ростов-Баку. Очень удобно

для свиданий. Часов за 10-11 запросто доехать с комфортом. Если выехать с утра пораньше и ехать на северо-запад от Баку, то по правую руку у вас будет море, а через часа два-три езды – пограничная с РСФСР река Самур, которая впадает в Каспийское море, и мост. Потом надо проскочить Дагестанскую АССР, Чечено-Ингушскую АССР, Северо-Осетинскую АССР, Кабардино-Балкарскую АССР, и вечером вы въезжаете в Ставропольский край, и тут уж до Пятигорска рукой подать. Можно и поездом и самолетом из Баку в Минводы, но армянам в 89-м году это уже опасно. Особенно поездом.

Так вот, когда подруга приехала прощаться, они с Эллой и Расулом решили, что с раннего утра заедут к нам и возьмут с собой мою сестру. Времена наступают суровые, и девочку-полуармянку лучше вывезти. Ребенок без проблем поместится на заднем сиденье между девушкой и ее мамой. Племянники – мужики надежные и водители отличные. Девочку довезут до станицы Лысая Гора, недалеко от Пятигорска. Там в частном доме, купленном у греков, эмигрировавших на родину, обосновался с женой, матерью и двумя дочерьми, восьми и четырех лет, дядя Арнольд.

Мама бросилась лихорадочно перешивать свое вязаное платье. Оказалось, кроме школьной формы ребенку практически нечего надеть. Поверх наскоро перешитого платья на обескураженного от ранней побудки ребенка мама надела фиолетовую болоньевую куртку. Подруге передала письмо к жене Арнольда, армянке, носившей азербайджанское имя Севиндж. В конверте была и купюра в 100 рублей на теплое пальтишко.

«Все же Пятигорск – это Россия, и там, наверное, холодно зимой», – думала Элла. Она была в тех краях только в отпуске летом.

Племянники получили от дяди деньги и отгулы. Оружием они обзавелись еще раньше. Пока не выехали за пределы Азербайджана, пассажир сжимал в руке пистолет Макарова, держа его то на колене, то между колен, то пряча под полу куртки. У водителя в кармане болтался Walther P-38, тот самый Вальтер, старый, но в отличном состоянии и тщательно смазанный. Стрелять на поражение они не собирались. Не то воспитание. Они вообще видели, как обращаются с пистолетами, только в кино. В армии по паре раз пальнули из автоматов. На даче перед поездкой потренировались по бутылкам. Но напугать кого угодно были готовы. Женщины всю дорогу кормили Лину свежими абрикосами.

Если бы на долю сестренки не дали денег, мама бы не обиделась. А дали – значит, хорошо.

После конфет нам, беженцам, предложили бесплатную еду: бутерброды с докторской колбасой и горячий чай. Я сладкий чай с детства не терплю, но здесь в обжигающий руки неудобный пластиковый стакан песок сыплют сразу. И мне даже нравится, если не размешивать. Правда, потом я уже просил не сыпать. Несу бутерброды и чай бабушкам. Вот такие бутерброды у нас в школьной столовке стоили 10 коп. Я покупал только их. Омерзительное второе я не ел. А толстый директор Асиф Исмаилович рубал гору жареной докторской колбасы из глубокой суповой тарелки, но не в общем зале. В специальном закутке по ту сторону прилавка. Я случайно увидел, протягивая свои 10 копеек. Эти бутерброды кажутся мне вкуснее бакинских.

В помещении «Милосердия» навалены вещи, и всех желающих беженцев приглашают выбрать что душе угодно. Мама тоже входит (кто же откажется от халявы, да еще в эпоху всеобщего дефицита?!), но быстро разочаровывается. Вещи в большинстве своем ношенные, секонд-хенд. Вполне приличный, но мама такое не возьмет, и я не возьму, и бабушка не возьмет. До тех пор, во всяком случае, пока свои вещи в лохмотья не превратятся. А до этого далеко. Из всей кучи мама выбрала лишь байковый халат для Парандзем и спортивный костюмчик для Лины. Они были новыми, в упаковках. Мне кажется, вся эта «гуманитарка» перепала нам из общего потока для жертв землетрясения.

Чем заняться, когда вы безнадежно застряли в аэропорту? Наверное, попытаться связаться с близкими. В «Звартноце» были междугородние автоматы и телеграф, но не было связи с Баку. Мама, впрочем, куда-то пыталась дозвониться и послать телеграммы.

Насчет того, когда мы покинем гостеприимный армянский аэропорт, где бесплатно кормят бутербродами с колбасой, ничего не известно. Дело в том, что в те времена из нормального советского аэропорта даже в Москве, даже в ясную погоду, улететь было не очень-то просто. Билеты были в «дефиците». Люди «доставали» их, переплачивали. Благодаря Горбачеву стало трудно вообще что-либо бездефицитное найти. А из наводненного беженцами аэропорта республики, год назад пережившей страшное землетрясение (гуманитарные и строительные грузы все прибывали, полагаю), да еще в зимнюю метелистую пору, было уехать еще сложнее. Погода к ночи была почти нелетной.

Я гулял по ночному аэропорту. В Армении был уже несветский какой-то мир. Надписи на армянском и английском. «Комиссионки», торгующие всякой всячиной, от жвачек и просроченного импортного пива

и консервов до «вареных» джинсов, там назывались Comission shop.

Grill Bar, на вывеске нарисована жареная курица. Мы пошли туда с мамой, ей хотелось немного отвлечься от толпы, разбившейся на группки помельче и значительно поредевшей, многие беженцы уехали по родственникам и пансионатам.

В баре неспешно беседуют молодые люди в кожаных куртках и с перстнями, приклатненной наружности. Мама берет себе вкуснейший армянский кофе. Армяне – мастера варить кофе. Мы в Баку, независимо от национальности, любили чай, а армяне любят кофе, кофе по-турецки, вообще армяне предпочитают говорить «кофе по-восточному». Все, что напоминает о турках, армянам неприятно.

Есть и кофе по-армянски, и со знаменитым армянским коньяком. Армяне «ереванские» не могут жить без кофе. Когда все продукты стали выдаваться по талонам, в Армянской ССР выпустили и талоны на кофе, по которым получали кофе в зернах. У нас в семье настоящий крепкий кофе любит только мама.

Утро не внесло в наше положение никаких изменений. Чтобы долго и крепко спать в залах ожидания, надо быть как наш куда-то испарившийся «Сагалаев». Привыкнуть, расслабиться и растянуться где-нибудь как бич. Мы дремлем культурно в креслах, к тому же боимся прозевать какие-то изменения к лучшему в нашей участи.

Идем с Офелией за чаем и бутербродами. Их раздают на полную катушку, очереди никакой. Чай горячий. Надо отнести бабушкам. Пластиковые стаканы обжигают пальцы, налито щедро. Я терплю, а что делать. Только ускоряю шаг, напрягшись, чтобы не расплескать. Еще и толкаются все. Пассажиры, блин. И детишки под ногами спуют. Офелия не выдерживает и начинает стонать, а потом, кряхтя, нагибается и ставит стаканы на пол. Дует на руки с жалкими глазами. И смешно, и жалко ее.

После завтрака иду покупать газеты. Как же без прессы?! Надо узнать, что в мире творится. Ага, вот и газеты враждебной страны. Да, именно так она из Баку и воспринимается. Как-то вообще незаметно, что мы в едином Советском Союзе живем. Ищу газету на русском. Нахожу. «Коммунист». Уже через год она будет называться «Голос Армении». Похоже на «Голос Америки». Думаю, «Голосами» логично называть только радио. Какой голос может быть у газеты? Покупаю «Коммунист», газеты невероятно дешево стоят в Советском Союзе. Это не гриль-бар, это беженцу по карману. На первой полосе мы, беженцы из Баку, слезящие с самолета. Я даже нашел себя на фото, мелькнул в кадре с закатанными глазами и полуоткрытым ртом. В общем, получился неудачно, но зато натуральный беженец, сразу видно, пострадал.

Их, то есть нас, «убивали только за то, что они армяне». Написано в газете. Про нас. А что, правильно написано, думал я. Раздражение в адрес азербайджанцев только нарастало во мне. Чувствовать себя бездомным, видеть, как мучаются родные, было неприятно.

«В этом виноваты азербайджанцы! Отняли у дедушки и бабушки все, еще хотели к нам домой ворваться. Шли бы в Карабах воевать с армянами, рискуя получить от них пулю. А борзеть в мирном городе много ума не надо. Сволочи, гады, козлы!», – так я примерно тогда думал.

Кроме пули из охотничьего ружья, украденного или купленного «калаша», был риск нарваться на вполне официальные пули, дубинки, танки и бронетехнику советских войск, «взвэшников» и десантников, которые тогда еще худо-бедно разнимали сцепившихся аборигенов.

Помимо передовицы пробежал глазами заметку о том, что умерла старушка из прибывших (та, которую выносили из самолета на носилках), интервью с беженцами, новости о ситуации в Нагорном Карабахе. На армянском газете, кажется, и толще и интереснее, это заметно и по более качественным фотографиям. Любопытно, но поди их прочти...

Сидим, ждем. Кто-то ходит, что-то узнает. Нет для нас рейсов подходящих. Билетов не достать. Бутербродами кормят.

В аэропортах вообще трудно ощутить, почувствовать привычное время, особенно зимой. У нас царит временной хаос, кажется, что выехали из дома в прошлой жизни. Грибоедов, пострадавший за присоединение наших предков к России, написал: «Счастливые часов не наблюдают». Несчастливые тоже как-то не очень наблюдают. Ну если не отняли часы и сказали, что вас расстреляют в четыре часа утра, то вы будете смотреть на часы. А если просто сказали, что расстреляют на рассвете?

Безвременье – это такая трудная пора, когда привычные, уютные часы и минуты вас покидают.

Часов у меня в аэропорту «Звартноц» не было. У нас, оказалось, ни у кого не было часов. Вот дед Гриша – фанат точного времени. У него всегда точные, вовремя заведенные часы. Но он в Цахкадзоре.

Мужчина в сером добротном пальто и костюме с галстуком с благородным упитанным лицом, поредевшими седыми волосами и в меру большим носом, похожий на композитора Хачатуряна, сидит рядом с моими. Лицо его скучающее и несколько раздраженное. Он смотрит на часы. Хорошо одет, а часы, на-

верное, золотые, думаю я. После наших беженцев на такого видного господина, даже не поворачивается язык сказать мужика, приятно взглянуть. Вокруг него все без галстуков.

– Жама каньсна? (Который час?), – деловито спрашиваю я видного мужчину в галстук, показывая пальцами на запястье на всякий случай. Зачем я спросил по-армянски? Он ответит на литературном языке, и я не пойму ни слова. Бабушки аж встрепенулись. Их поразило мое отличное армянское произношение.

Мужчина доброжелательно смотрит на меня, улыбается, смотрит на часы и неторопливо, четко выговаривая слова, отвечает. По-армянски. Потом переводит на русский, глядя на мое лицо, на котором четко, видимо, обозначилось характерное выражение подростка, который явно тормозит и не догоняет. У мужчины правильный русский, но сочный, бархатный, грудной акцент интеллигентного ереванца. Бабушки улыбаются. Мне немного стыдно. «Если не знаешь языка, что спрашиваешь по-армянски, да еще так деловито, блин», – думаю. Спросил бы по-русски...

Тем более я сразу же забываю, что он сказал.

Действительно, почему спросил по-армянски? А потому что мне нравились разные языки. Я бы хотел, как апостолы, разговаривать на всех языках сразу. Но это благое, правильное пожелание, правильное, как чистый, юный ручеек, вытекало из какого-то мутного, болотистого устья.

Просто я хотел мимикрировать, стать как все окружающие, коль уж не получалось иметь четкую национальную идентификацию. Стать кем-то «настоящим», желательно чистокровным, как потребовало время, у меня все равно бы не получилось. Русский мой родной язык, но Рустам Расулович Ибрагимов не может быть русским.

Между тем русские в Баку из англичан в Индии начали превращаться если не в евреев в рейхе (ими по праву были армяне), то в неполноценных славян уж точно.

Единственное спасение – «спрятаться» за национальностью «лезгин». Лезгин хуже, чем азербайджанец, но лучше, чем русский. Лезгин должен знать лезгинский язык или ассимилироваться и стать азербайджанцем. Если лезгин знает только русский, какой он лезгин? Я знал всего пару десятков лезгинских слов, деда Рахимхана в последний год жизни его лихорадочно разводил на уроки. Он не отказывался и преподавал в меру сил, но ничего толком не выходило. Папа вообще ни слова не знал. Лезгинский – очень сложный для меня, произношение гортанное, учебников нету. Если бы я знал лезгинский хотя бы на разговорном уровне! Это бы сняло все вопросы. А тут не пойми, что получается. Лезгин, а родного языка не знает. Мусульманин, говоришь? Не армянин? А какой язык мусульманского народа знаешь? Папа мой отлично владел дворовым азербайджанским. А я тогда говорил неважно и, самое главное, стеснялся говорить.

К тому времени я научился строить вполне убедительные фразы, но часто ответов не понимал. Хотя известно, понимать легче, чем говорить, мне же частенько наоборот. Просто могут сказать слишком быстро, глотая окончания, непонятно. Даже в окрестностях Баку, в старинных поселках Маштага, Нардаран, Балаханы свои интонации, а что говорить о «районских» говорах? Даже «городские» русскоязычные азербайджанцы порой терялись, а я вообще хлопал глазами. И тут начинали снисходительно улыбаться или иногда, правда, реже, раздражаться и на исковерканный русский переводить. Вот его как ни искажают, но догадаться уже могу, потому что чувствую его, потому что это мой родной язык.

Приехав в Армению, я подумал, что теперь свободен от азербайджанского языка, и решил если не стать армянином, то стать почти армянином. Тем более армянский все же я с детства бессознательно понимал, он не был для меня совершенно чужим, как лезгинский. И вот на тебе – снова снисходительно улыбаются. Правда, без презрения, поощрительно даже, как в аэропорту Тель-Авива только что прибывшему юному еврею. Мол, вы молодец, юноша, смелее, еще пару лет усилий, и овладеете ивритом. Уже хорошо, а то мы думали вы даже «который час» сказать не можете.

Бабушки и солидный мужчина с улыбками разговорились. Они говорили по-армянски, а сложные литературные слова и фразы он переводил на русский. Как бы дублировал свою речь, мне кажется – для меня.

– Это все ужасно. Все то, что они с вами сделали. Кошмар. Я знаю, знаю, какая там ситуация в Баку и Арцахе⁶. Я писатель. Ну ладно, мне пора, наверное, уже на посадку. Уже регистрация началась. Желаю вам добраться до родных спокойно, и дай Бог вам счастья. Все будет хорошо, – встал он, не суетясь, вздохнул и, сохраняя теплую улыбку, счел нужным объяснить. – Я в Ялту лечу с дочкой, а рейс вот задержали из-за погоды... Сидим здесь с раннего утра. В отпуск еду. Иногда надо и отдыхать.

И солидно удалился, дружелюбно кивнув мне на прощание. Надо же, писатель, настоящий «совета-

кан грох». Я никогда не видел писателей вот так близко, только по телевизору. Если писатель русскоязычный, это нормально, но писатель национальный, да еще и если поэт, то точно националист. Мне так казалось, да и не только мне, а всей нашей семье из опыта просмотра телепередач и чтения республиканской прессы. Уж очень национальные поэты разошлись тогда.

Мы сидим и ждем рейса. Нас кормят обещаниями и милосердными бутербродами с докторской колбасой, но никаких рейсов не дают. Народ начинает отчаиваться, зимний день короток, уже вечереет. Мы, например, уже больше двух суток в пути. Но все же собирались мы в относительном комфорте, а не дрожали от страха, черт знает что пережившие в кинотеатре «Шафаг» или еще фиг знает где. Но даже мне, самому молодому, любопытному и выносливому, хочется в нормальные условия, хочется прибыть наконец в пункт В. Это труднее, чем в математических заковыристых задачках, которые вгоняли в невероятное уныние. Билетов не достать, знакомых нет. Нас обещали отправить. Надо ждать. Многие отчаиваются и уходят в Ереван к родным и знакомым. Мы ждем. Мама не желала в Армении оставаться, неуютно ей на исторической родине. Да и не хочется в пансионате для беженцев жить. Это бесперспективно. Лучше закрепиться в Пятигорске, Арнольд может с работой помочь, снять жилье. Потом, когда все уляжется, Расул продаст бакинский дом и что-то можно будет купить, и папа с бабушкой Валея переедут к нам. С пропиской туговато, но можно сделать. Было бы желание. Так Элла считает. И лишь бы не было войны.

Наконец пошел рябью по нашей волне эмиграции слухок о том, что самолет, мол, подан. Ближе к вечеру, когда за этими чудными стеклянными дверями, которые открываются, когда к ним подходишь (настоящее чудо!), уже стояла армянская темень, разгоняемая уверенными огнями аэропорта, слухок превратился в официальную информацию. Объявили, самолет до Краснодара. Кто хочет в Краснодар? Естественно, бесплатно. Мы хотели в Краснодар. Краснодар – это звучит успокаивающе, а аэропорт смертельно надоел. У Эмили жутко болят ноги. Всем скверно. Бутерброды с докторской колбасой тоску не разгоняют.

Беженцы привычно выстроились в очередь. Однако вскоре началась свалка у выхода на поле. Говорили, самолет уже сел, скоро посадка. Но все не поместятся. Началась давка за бесплатные билеты. Мужчины отталкивали старух, по слухам, больше самолетов не будет. Гвалт и визг. Стюардессы орали, призывали к порядку и говорили, что улетят все. Мы с двумя пожилыми тетками, одна из которых еле ходила, ожидаемо оказались оттеснены в конец беснующейся очереди. Но билеты у нас. Мама потеряла в давке две пуговицы своего шикарного пальто. «Лама», купленная года три-четыре назад за безумные 700 эр. Но пуговицы это мелочь. Под напором горе-пассажиров лопнуло стекло, отделяющее нас от взлетной полосы. Прямо жалко, какие красивые здесь стекла и двери, а тут ломают...

У трапа холодно, но внутрь не попасть. Толпа напирает. Стюардессы говорят, что вначале хорошо бы пропустить стариков, детей. Куда там! Наш багаж и ручную кладь, понятно, недосматривали. Вернее, все наши чемоданы и есть ручная кладь, кто в такой ситуации будет организовывать прием багажа и взвешивание ручной клади? Лишь бы свалили. Лезь, кто может! Мы рискуем тем, что нам оттопчут ноги. Если у вас больные ноги, то страшно толкаться на замерзшем, скользком пространстве. Мы почти не имеем шансов в битве за места.

– Дураки они все. Это военно-транспортный самолет. Что они так лезут? Все поместятся, – флегматично заметила совершенно спокойная стюардесса-армянка, стоящая на поле. И мы, до этого предпринимавшие слабые попытки потолкаться, успокоились и встали рядом с ней.

Действительно, мы с нашими вещами попали на борт. Как же хорошо оказаться в самолете. Это как-то уже сразу облагораживает, немного поднимает наш донельзя низкий статус. Желтый свет успокаивает, умиротворяет. Военно-транспортный – это звучит красиво и гордо. Но внутри самый обычный самолет. Проваливаюсь в дремоту.

27

В Краснодаре, как только мы спустились с трапа, нас оцепила милиция. Никаких журналистов и общественников. Ничего не говорят, на вопросы не отвечают, хари воротят. Между прочим, холодновато. Юг России – может, и юг, но только не январской ночью. Снежок порхает внушительный.

Мы стояли на поле у самолета. Нам ничего не сообщали. Не прошло и получаса, как беженцы стали гудеть. Мол, отвезите в аэропорт, что за дела! Холодно, устали все. Подайте наконец эти автобусы. Мы разойдемся, и все тут. Куда, правда, еще сами не знаем. Но найдем.

Наконец до нас снизошли менты. Но вместо того чтобы подогнать обычный в таких случаях автобус, власть стала с нами общаться. В лице парочки субъектов в штатском и форме, и с тетрадкой. Они решили

нас переписать и задавали странные вопросы. Мол, кто мы такие и что нам надо, и куда путь держим? Все, конечно, возмутились. Известно, откуда мы, не по своей воле здесь торчим. А вопросы хорошо бы задавать в тепле, хотя бы в аэропорту.

– Здесь пожилые люди. Ноги вот больные у женщины. Холодно, а вы нас тут держите, – возмутилась мама.

– Да скажите, что случилось, почему мы здесь торчать должны, – поддержали ее усталые, осипшие голоса. Я тоже поддержал, как мог.

– В городе беспорядки, – ответили нам вежливо, с казенным презрением. – Отсюда из нашего города и края набирают резервистов. Подавлять беспорядки в этом вашем Баку. Матери возмущены! Они ложатся на рельсы, заняли вокзал. Они готовы перебить всех кавказцев, и в городе их поддерживают. Им дела нет, кто прав, кто виноват, кто армянин, а кто азербайджанец. Они не хотят, чтобы пострадали их сыновья. Они вам здесь второй Сумгаит устроят! Если узнают, что вы здесь, то прямо здесь и начнется резня.

Зачем нужно посылать резервистов? Да еще из края, который на границе с Кавказом. Что, мало солдат в Советской армии? Эти «казачки» участвовали в штурме Баку в ночь с 19 на 20 января. В ту ночь, которую мы провели там, в Краснодаре, на их родной земле. В те времена многое в агонизирующем Советском Союзе делалось глупо, поэтому то, что кажется провокацией, вполне могло быть очередным идиотским решением, уж не знаю, чьим.

В операции по вводу войск в Баку, это потом назвали «Черный январь», участвовали более 50000 солдат и офицеров: десантники, внутренние войска, морпехи. Так что резервистам с юга России вряд ли пришлось пострелять. Но когда отслуживших мужиков забирают из дома, коллективная народная память выдает недобрые картины.

Я потом увидел по телевизору этих переростков с брешками и небритых и в лихо заломленных ушанках. Поверх модной в 80-е прически «взрыв на макаронной фабрике». Сам такую делал, вернее, маму заставлял начесывать, используя лак для волос «Прелесть». Некоторые резервисты были даже с «перьями», пергидрольными прядями. В шинелях поверх «гражданки», в кроссовках. Курят и ухмыляются в кадр, как-никак приключение.

На дне рождения одного моего товарища в русском провинциальном облцентре в декабре 93-го года один из гостей, рано полысевший студент истфака, бывший десантник, спросил меня:

– Откуда ты?

– Из Баку. Столица Азербайджана, – ответил я. Мы пьяны, курим сигареты.

– Знаю, я там был, – радостно улыбается он и дружески хлопает меня по плечу.

– Правда? – улыбаюсь я. – А когда?

– В январе 90-го, в армии когда служил. Учили вас Родину любить! – беззлобно и самодовольно улыбается он мне в ответ.

Долго объяснять, почему именно меня на уроке любви тогда не было, да еще и музыка гремела, поэтому я просто махнул рукой, и мы выпили еще.

Знакомый семинарист, которому тоже пришлось входить в Баку, рассказывал: «Мы как въехали на броне в город! Люди, шум, выстрелы, мы стреляем, и я обоссался. Веришь, обоссался не от страха... Со всем страшно не было. От восторга! Такой восторг был! От быстрой езды и стрельбы восторг».

Мы все же договорились, чтобы нас отвезли в аэровокзал. Но при условии, что будем вести себя тихо, говорить между собой только по-русски. А хорошо бы вообще помалкивать.

В аэропорту нас загнали в какое-то обширное, безлюдное помещение, может быть, грузовой терминал. Начали, понятное дело, переписывать и спрашивать, куда мы желаем улететь? Желательно, даже почти обязательно, чтобы летели подальше.

– Есть в Куйбышев рейс, в Самару. Скоро вылетает.

– Хорошо, отлично, у меня там брат... Мы можем к брату туда...

– Ага, так и запишем, к брату... А можно его фамилию и полное имя-отчество? Ага, так. С женой... Ясно.

Переписывали тщательно. Фамилии, имена, годы рождения, номера-серии паспортов, адреса, адреса родственников заносили в большую разлинованную тетрадь. Такая амбарная книга. Нас переписывали уже не раз, но не так тщательно. И тут еще одно отличие – между делом, ненароком просят свои особые приметы указать, ну там зубик золотой или родинки... Не по себе, откровенно говоря, становится после таких вопросов. Люди колеблются, смущаются, отказываются отвечать, некоторые называют на автома-

те. Особые приметы. Трупы опознавать чтобы легче было.

После некоторого колебания нам разрешили выйти в общий с другими, нормальными, полноценными славянского типа пассажирами зал ожидания. При условии, что мы не будем кучковаться, говорить по-армянски и сообщать окружающим, кто мы и откуда. Лучше молчать и ждать. В крайнем случае, говорить шепотом строго по-русски, стараясь без акцента. В город не выходить. Он охвачен страшными беспорядками. Нам еще раз напомнили, что беженцы-армяне вызывают самую большую ненависть населения Краснодарского края, поскольку именно на их защиту направляются родные сыновья, мужья и отцы. Кубанские, блин, казаки. Но мы все же не хулиганы какие, нас не свинтишь. Нет оснований. Да еще и дети среди нас. Поэтому пришлось отпустить, а что делать? Что же касается рейсов, то выбравших тот или иной город, в нашем случае Самару, будут специально подзывать, когда начнется регистрация. Ну или самим надо спрашивать. После такого инструктажа все официальные лица растворились, и мы отныне должны были контактировать с обычными аэропортовскими тетушками в окошечках, которые нам продадут (а может, и бесплатно выдадут?) вожделенный билетик, чтобы мы убрались из этого ненавидящего нас края навсегда подобру-поздорову.

К нам прибились тихая женщина и девушка в очках с печальной улыбкой. Девушка еле ходит, хромает. Что-то с венами, нога распухла жутко, объясняет мать. То ли от усталости и большой нагрузки, то ли от нервов, то ли от всего сразу. У нее миловидное лицо с европейскими, скорее, армянскими чертами. Если бы не обмотанный поверх шапочки пуховой платок, если бы не красные глаза, хромота и мешковатое пальто толстого драпа, она бы выглядела вполне привлекательно. Она постарше меня, ей лет восемнадцать-двадцать. Мы кажемся маме с дочкой крепкими, надежными людьми, вот они и держатся рядом с нами еще с посадки в Ереване. А сейчас, когда нас так напугали, сам бог велел от нас не отходить. Ясное дело, у нас две старухи, одна из которых ходит хуже, чем эта девушка, но зато держится спокойно и даже весело. Если кто и впадал в уныние, то Офелия. Парандзем держалась вполне прилично, а Элла как всегда проявляла энергию и бескомпромиссность, несмотря на осунувшееся усталое лицо. Глаза ее светились, правда, как-то лихорадочно, энергичность была уже какой-то отчаянной, нездоровой.

Я помогал идти девушке, держал ее за руку и к своему стыду испытывал острое возбуждение. Да, я такой. Человек страдает, а у меня реакция такая физиологическая, аж стыдно, думал я. На хромающую девушку несчастную позарился. Разумеется, никто не догадается, но все же неудобно.

Мы дремали, обнявшись с этой девушкой, устроившись на сумках. Мест на сиденьях не было. Элла упростила одну тетку уступить Эмилии, у бабушки так разболелись ноги, что стоять ей было невозможно. Сесть на что-то низкое и неровное с такими ногами нельзя. Тетка сама немолодая, поворчала, но место уступила.

Мы ждали. Молча, как нас и предупреждали. Мама ходила узнавать, негромко обращаясь в окошко, но билетов не было. И она решила валить из аэропорта, доехать до Пятигорска можно и на междугороднем автобусе. Правда, в городе беспорядки, и нам настоятельно рекомендовано не покидать аэропорт, но рискнуть-то можно?

Пока я спал, мама опасливо разузнала, где автобусная остановка. Крадучись, вышла и посмотрела расписание. Ближайший автобус до автовокзала в 4 часа 35 минут.

Мы бросили дремлющих хромую дочь с ее мамой, хотя они просили держаться вместе. Элла так решила. Она не хотела брать ответственность, а вдруг ничего не получится? Да и куда их? У нас бабушка тоже еле ходит. Да и Парандзем одолевают хвори, а Офелия ужасно тормозит и ноет.

– Слушай, а где они? Куда пропали? – по интонации мамы почувствовал, что она на грани истерики. Надо же, мы решили улизнуть, пока все тихо, а их нет. Такой понятный момент, вы хотите бежать, а ваши сообщники или подопечные вас подводят. Отличный повод для паники.

Я бросился искать родственниц, нашел и растолкал, сонных. Они, оказывается, на втором этаже местечко на креслах нашли.

Потихоньку, стараясь не шуметь, говорить по необходимости шепотом и не привлекать внимания, мы покинули аэровокзал.

Была глубокая ночь. Тихая и спокойная, никаких криков в ночном городе не было. Или они до аэропорта не долетали? Либо про беспорядки наврали, либо я просто не заметил их на пути на автовокзал. Я выглядывал осторожно из-за занавески. Элла все белые занавески на наших окнах задернула сразу же.

В зале ожидания автовокзала стоял тот самый вокзальный навязчиво-отвратный дух, который держится стойко, как дорогие духи. Стоим с мамой в очереди, наши все сидят за кадкой с огромным фику-

сом. Там укромно, не бросаются в глаза армянские физиономии. Я им приношу лимонад и что же слышу? Они переговариваются по-армянски! Негромко, но по-армянски! Я угрожающе шиплю. Это надо же, нашли, где и когда говорить по-армянски. После того, что нам обещали устроить второй Сумгаит. Что, русского не знаете?! Бабушки смущенно оправдываются, что, мол, случайно и незаметно перешли.

Автобус проехал по тихому городу. Мрачный, нерешительный рассвет. Солнцу вставать лень. В такое время лучше спать, граждане. Спите спокойно, живите богато, на рельсы не ложитесь. Они скользкие и холодные. Наконец выехали на трассу. Не случилось «второго Сумгаита» для нас, как, впрочем, и первого.

Укачивало, во рту стоял прогорклый вкус голода, а есть не хотелось. Ныло чуток в затылке, и был тяжелым лоб, который я то в стекло, то в спинку сиденья передо мной упирал. Глаза закрывались, но сон не шел, да и как-то не могу голову пристроить. Откинешься – тошнит. Ехали медленно и нудно.

Все, кроме меня, отравились лимонадом. На одной остановке жалостливо пришлось просить шофера не трогаться, подождать четырех женщин. Пассажиры шипели, шофер скривил харю. Я стеснялся.

28

Оставив Парандзем и Офелию у дальних родственников в Пятигорске, мы взяли такси и поехали к дяде Арнольду в село Лысая гора у подножья горы Лысая. Лина, как я уже писал, жила там, уже и в школу ее устроили. Она стала плакать, когда увидела нас из окна. Севиндж, жена Арнольда, насмешливо прикрикнула на нее. Маленькая, светлая, стройная, миловидная, со слегка раскосыми глазами, она не была мягкой.

Севиндж назвали азербайджанским именем, потому что был такой обычай: когда умирает ребенок, а до ее рождения умерла ее сестра-младенчик, так вот надо отдать следующего новорожденного извечным соседям-врагам – туркам. Вернее, как бы турки похищают ребенка. Проще говоря, соседка-азербайджанка берет дите на руки и символически уносит к себе. Нарекает азербайджанским именем, причем выбирают имя родители. Просто азербайджанское, мусульманское. Лично знал армянского парня по имени Ислам. Наверное, для пущего эффекта назвали. Потом армянская мать выкупает ребенка за символические денежки. Имя остается. Так обманывают злого духа.

И обнимались, и вошли в дом, и дали нам чай, помыться, поесть и слушали нас. Дед Григорий тоже здесь был, он приехал на поезде из Армении за бабушкой Эмилией. Все догадались, что мы будем стремиться попасть именно сюда.

Не было с дедом верного «Запорожца», на котором умудрялся преодолевать расстояния, недоступные даже воображению среднего советского автомобилиста. «Запорожец» остался в Баку, спрятанный во дворе дяди Айдына. Потом мы с папой его перегнали деду.

Дед Григорий сдал, не то что постарел сильно, но осунулся, потерял твердость, в глазах его стояли слезы. Он нервно шлепал ладонью по подлокотнику кресла, слушая рассказ о наших приключениях.

– Надо было бежать раньше, понятно было, что этим все кончится, – заметил дядя Арнольд. Его мать озадаченно качала головой. Вспомнили о родственниках в Шаумяновском районе, в котором уже разгорались нешуточные боевые действия между армянами и азербайджанцами. Зашли армяне, соседи. В Лысой горе уже было много армян.

Мне было не по себе. Эта эмоциональность и эти разговоры вызывали во мне противоречивые чувства. С одной стороны, наверное, приятно внимание, соучастие, а с другой, все это перемалывание деталей, вздохи и охи... Сколько я наслушался этих армянских разговоров о событиях, о том, кто и как пострадал, что потерял и как хорошо было в мирное время. Я влез пару раз в разговор, пытаюсь дотошно сложить мозаику из этих каких-то осколков часов, минут, лиц, картинок в своей нелепой, заторможенной манере...

Маму всегда раздражало, что я еще с детства был поборником точности в изложении событий, какого-то мелочного, педантичного внимания к деталям, в котором, может быть, терялось главное... Зато я все хорошо помнил, особенно даты. И всегда лез поправлять Эллу, что, по ее мнению, наносило урон авторитету рассказчика, и она всегда опасалась, что в погоне за правдивостью и точностью я, например, выболтаю нечто, что она предпочла бы скрыть.

Бабушка и дедушка уехали в Армению вкушать скудный хлеб изгнания, паек беженца, а мы стали жить в семье дяди Арнольда. Видно было, молодой и энергичный Арнольд по Баку отчаянно не скучал. Во всяком случае, ему было в Лысой горе не хуже. Дом свой он купил у греков, которые репатриировались в Элладу. От них достался и цепной пес, маленькая старая дворняжка по кличке Цезарь.

Дом у греков был вполне приличный. Он состоял как бы из двух половин – кухни, ванной и туалета и собственно жилой части. Из кухни, служившей и гостиной, в комнаты можно было попасть только через двор. Правда, всего несколько метров, двери были напротив. Туалетом и ванной злоупотреблять не следовало, нормальной канализации не было. Если молод и здоров, то лучше вообще не пользоваться унитазом в доме, иди на задний двор – в дощатый. Там яма, заполнится, выкопают новую, и туалет перенесут. Зимой с утра, когда еще темно, в нем стучат зубы. Холодно. А вставать приходилось рано, меня ведь устроили в школу, хотя и прописки не было. Еще зимой неприятно таскать воду из колодца. Насос подкачивает воду на кухню и ванную, но приходится и ведрами носить.

Был и огород, и сад, и виноградник (из этого винограда тесть Арнольда делал молодое вино) и курятник, и гараж, в котором дядя Арнольд держал свою болотного цвета «Волгу» ГАЗ-24. В Баку он ездил на кредитном кремовом «Москвиче»-2140. Это он надоумил Расула взять в кредит «Москвич». Папа взял белый, в Баку любили белые машины. У нас был чуть покруче – «Москвич»-SL, что означало «суперлюкс». Две буквы и черная пластиковая полоска по дверям и кузову, мне кажется, только отличали его от простого «Москвича».

Станица под Пятигорском по тем временам считалась довольно крутым местом проживания. Арнольду помогли двое двоюродных дядюшек. Два неразлучных крепко сбитых, животастых армянина были кооператорами. По-старинному цеховиками, а по-новому бизнесменами. Держали братья в Пятигорске цех по изготовлению женских колготок и мужских носков. Колготки были основным бизнесом, в те дефицитные годы они мгновенно раскупались. Арнольд, экономист и бывший парторг предприятия, был у братьев вроде директора.

Элла попросила устроить ее на работу, шить эти самые колготки. На самом деле она этого не умела делать, но хотела заработать. Работа не сложная, но требующая сноровки, ловкости, усидчивости. Нудная работа. Устают пальцы, краснеют глаза, ломит спину, шею с непривычки. Станок, как паук, плетет чулки. Работница берет два чулка и сшивает в колготки за считанные секунды. И так весь рабочий день. Бывает и брак. Надо знать секреты, например, капроновые нитки часто рвутся, натянутые и сухие, так вот если побрызгать водичкой, то можно работать спокойно. Так что у Эллы первые колготки шли нелегко, нитки рвались, машинка барахлила. Другие работницы смотрели на нее хмуро, профессиональными секретами делиться не собирались. Оплата сдельная, лишняя конкуренция не нужна. За каждую пару сотрудница получала пять копеек. Передовица цеха, хмурая сухая женщина, шила 600 пар колготок в день. За это поистине титаническое достижение она получала аж целых тридцать рублей. Таким образом, в месяц получалось почти 800 рублей, если работать шесть дней в неделю. Это раза в четыре превышало приличную советскую зарплату.

Элла вызвала уважение своей упорностью, которой ей было не занимать. Когда однажды она сумела разобраться с застопорившей машинкой без помощи наладчика, отношение к ней стало совсем другим. Ведь даже опытные работницы при самой маленькой проблеме звали наладчика. В первые дни, естественно, результаты Эллы были смехотворны для настоящих профи. Зато потом, под конец своей недолгой карьеры она выдавала 350 пар, что было весьма приличным нормативом. Продукцию сбывали на рынках и крупные, солидные партнеры, и просто знакомые и родственники.

Один такой, на вид мужик лет сорока с лишним, приехал к Арнольду с ночевкой. Он был по-крестьянски краснолицым, плотным и крепко сбитым. Большие глаза навывкате, носатый, кучерявый, лицо недоброе. Это был то ли односельчанин предков Арнольда из Шаумяновского района, то ли дальний родственник, что в принципе одно и то же на Кавказе. Он сидел на кухне, ел, пил и подробно рассказывал о войне, которая всю разгоралась между бывшими соседями.

– Ми турков нэ жалэем. Их надо убивать. Дажы дитей ми не жалели. За ногэ брали и галавой об стенку ударяли. Я лично! Там такая вайна идет, а ви нэ знаете. Армяне за свою Родину ваюют. Ми сваю землю защищайым. Все армяне должны понять это, что надо идти ваэвать за Родину. – Взгляд его был суровым, как у осуждающего тыловых крыс ветерана, и хищным, как у настоящего бесстрашного и жестокого воина.

Простонародные, грубые, обветренные и сильные руки как бы подтверждали всю крутость шаумяновца. Ясное дело – надо воевать, он осуждал этих хилых духом и телом бакинцев.

– А что делать смешанным бракам? – раздраженно спросила Элла, чувствуя, как бешено нарастает в ней неприязнь к этому придурку.

– Вешаться! – ляпнул придурок. Элла вышла из кухни.

Но после я наблюдал, как этот интересный мне убийца детей озадаченно шепчется по делам бизнеса

с Арнольдом, а именно по-армянски обсуждает оптовую цену носков и колготок, за сколько копеек брать и как ему трудно продавать и что лучше идут «нОски». Он так смешно вставлял в свою карабахскую речь это русское слово с ударением на первом слоге. Оно не казалось ему смешным, это был бизнес. Носки и колготки его кормили. Он торговал на рынке то ли в Армении, то ли где-то на юге России. Не сражался он с турками, во всяком случае, в тот отрезок времени. А как всякий мирный, простецкий армянин думал о копеечке и прокормлении семьи. А когда я увидел, как он суетливо толстыми пальцами пересчитывает пары носков, укладывая их в сумки, стал сомневаться в правдивости его героико-садистского рассказа.

Меня, как я сказал, устроили в школу, в девятый класс. Школа как школа, есть только небольшие отличия. Например, парты. Настоящие деревянные парты со скамьями, отсюда пошло «со школьной скамьи» со столешницами с наклоном. Чтобы встать, надо откинуть доску, часть столешницы, она на петлях. У нас в школе таких парт давно не было. Просто столы и стулья.

В моем новом классе учились несколько армян. Армян было в станице много, после русских, или казаков, как они стали себя называть, это было самое крупное нацменьшинство в Лысой горе. Говорю, самым крупным, потому что были еще греки, почему-то корейцы и несколько немецких семей. Девочки-корейки были красивы. А вот немка у нас в классе была некрасивая. Греческий язык даже преподавали в некоторых классах. Особенным успехом у пацанов и девчонок пользовались ругательства на разных языках. Я добавил в нецензурный словарь несколько азербайджанских выражений.

Армяне у нас в классе были настоящие, не бакинцы, а из Армении и Карабаха. Они ко мне относились нейтрально, один толстый мальчик пытался подружиться и сплетничать по-армянски, но приятельские отношения между нами не сложились.

Учителя у нас все были русскими, кроме учительницы русского языка и литературы. Она была армянкой из Баку. Маленькая, черненькая, вечно мерзнущая и кутающаяся в шаль женщина. Она мне симпатизировала. Запомнились еще учительница истории и обществоведения и преподаватель мировой художественной культуры, классный руководитель Владимир Михайлович, загадочный, только-только начавший лысеть бородатый блондин с насмешливыми глазами. Он был молод еще, полагаю, лет тридцати, стройный, бывший офицер.

Учительница истории всей душой разделяла «демократические» взгляды, и даже неожиданно либеральная по сравнению с советскими учебниками красная брошюра «Советское право» ей казалась безнадежно устаревшей. Она была ярким типом этакой «демократки» снизу, русской, простой женщины, которая осознала сначала, что Сталин плохой, потом, что вся Советская власть плохая и нужно брать пример с Запада, потому что вот на Западе... На Западе то и на Западе это, а у нас, куда ни кинь, везде клин.

Владимир Михайлович был, мне кажется, славянофилом и русским националистом. Свои убеждения не выпячивал, на учеников-кавказцев смотрел с легкой насмешкой, улыбочка чуть кривилась. Меня он почти не замечал.

Нравы, несмотря на усердное преподавание мировой культуры и привитие общечеловеческих и патриотических ценностей, царили диковатые. Но я тоже, знаете, был не из элитной спецшколы, а из бакинской окраинной школы. Правда, здесь было такое, чего я не видал... В классе был низенького росточка мальчик, не лилипут, но здорово отставший в росте, с веснушчатой, сморщенным личиком маленького старичка, носом-кнопкой и соломенными волосами. По фамилии Ципко. Так вот, классные хулиганы его лапали. Причем ничего сексуального в нем не было. Обнимали и хватали за задницу. Очевидно, это было больше жестокое шутовство...

«Цыпа, цыпа, цыпа», – подзывали его. Ципко отбивался, как мог. На 23 февраля и 8 марта, когда разрешено было устраивать чаепития с магнитофоном, Ципко в шутку хватили и кружили в медленном танце. Он орал и вырывался. Лицо было злым, красным, но беспомощным. Чувствовалось, еле сдерживал слезы. Но все равно не сдержал.

Еще много говорили о скотоложстве. Над Сашкой Протасовым больше всех потешались, говорили, что он поросю поимел. Сашка был сам как упитанный поросенок, этакий Мальчиш-Плохиш, с нравом хуторянским, но вполне приличным, не злобным.

И поросят, и козочек, и курочек употребляли пацаны, по их же словам. Обычно рассказывали не про себя, а про другого парня, причем сочно, красочно, в деталях. Но бывало и про себя. Мол, на практике на ферме встал на табурет и отделал телку.

Лысая гора – это Россия, а не Кавказ, думал я. Но зато здесь рядом есть настоящие горы. И еще панно с Лермонтовым в одном из школьных кабинетов. Лермонтов почему-то мне казался родным на этой чужбине.

Однако настоящей русской зимы там не было. Дождь, тепло и сыро, но нет бакинского пронизывающего ветра. Так было поначалу, а потом выпал снежок и по меркам бакинцев ударил неслабый морозец.

На морозное утро в субботу выпало мне приятное приключение, поход с пацанами на ферму, в коровник. Надо сказать, у нас по субботам было сельское хозяйство в виде учебного предмета. Тогда наш класс изучал животноводство. С раннего утра практика в коровнике или свинарнике. Мне достался коровник, и это хорошо, объяснили пацаны.

В свинарнике жутко воняет и одежда прованивает. Что такое запах свиней, я уже знал. Иногда он удушливейшими волнами пронизывал улицу, на которой мы жили, вонь исходила из частных свинарников. Наверняка целая колхозная свиноферма воняла гораздо удушливее.

Два хулигана зашли за мной спозаранку. Свистнули, и я вышел. Было еще темно. Рассветет еще не скоро. Мягкое, тихое, зимнее утро. Скрипит под ногами снежок. До фермы идти далеко, через замерзшую речку. Завораживает эта настоящая, хоть и южная зима. Она мягкая и чудесная. Отличное утро. На ферме тепло пахнет навозом. Но делать там нам нечего. Так, «потусовались» и все. И девочек тоже нету.

Потом теоретическая часть, урок животноводства. Старый учитель что-то прогоняет про «коров в период лактации». Такая, очевидно, тема урока. Ученики не хихикают, видно, привыкли уже. В учебнике есть еще великолепная глава про хряков.

Кроме двух уроков животноводства по субботам больше ничего, это не могло не нравиться. Потом меня освободили от походов на ферму. Видно, потому что не местный.

Пацаны задирают Протасова, говорят, от него воняет свиньями. Он злится и божится, что вымылся после свинофермы. Но потом мне тихо признается, что запах остается, сколько ни трись. И действительно, слабый, но весьма уловимый, если приняться, запах от него исходит.

После школы обычно катался на велосипеде. У Арнольда есть велик, и я езжу на нем в магазин за хлебом в своей школьной форме и финской куртке. Кроме школьной формы у меня ничего нет, я ее снимал только на ночь. Вязаную шапочку я не любил, и горный ветерок трепал волосы. Скоро весна.

Жил я тихо, только разок подрался. Вихрастый, как Электроник, смуглый и скуластый одноклассник по фамилии Пупко задирает меня. Глаза его при этом ехидно щурились, а рот кривился. Я уже сдружился с некоторыми ребятами. Например, с высоченным и здоровенным прыщавым переростком Диманом. Он басил и посылал Пупко подальше.

Но, может, Пупко подначивали наши хулиганы? Чтобы проверить чужачка, так сказать, на крутость? Не знаю... Я отвечал ему с вызовом. Пупко, по кличке Пупок или Пупкей, был вроде шута, не умел себя вести солидно как авторитетный хулиган. Конченный двоечник, склочник, он характеризовался всеми как тип неприятный. От девчонок часто ему доставалось книгой по башке, пацаны особо с ним не дружили. Парень он был, хоть невысокий, коренастый, но крепкий. Он не занимался спортом и, откидывая вихры, курил вонючую «Примку» на заднем дворе. Но когда раздевался на физкультуре, было видно, что небольшие его руки мускулисты. Достойный рельеф, будто качается.

Однажды я не выдержал и вызвал его на поединок на школьном дворе. Пупко вызов мой принял охотно. Мы пошли во двор, нас окружили кольцом пацаны, и даже затесалась пара-тройка девчонок. В Баку, как в Древней Греции, девочки на такие разборки не допускались.

Обстановка для меня была благоприятная, за меня никто не болел, потому что я чужак, но и Пупко все недолюбливали. Девчонки даже обрадовались, что Пупко потенциально может быть побит. Они его не любили и говорят, однажды всей женской половиной класса наваяли ему. Девочки в Лысогорской школе были здоровенькие.

Мы осторожничали и держали дистанцию, пытаюсь достать друг друга ногами, в стиле модных восточных единоборств. Со стороны, наверное, это было так же смешно, как лягающиеся молодые бычки. Между тем удары ногами становились все чувствительнее, боль добавила злости. Хулиганы нас подначивали презрительными комментариями. Потыкав кулаками в грудь и живот, мы сцепились за грудки и повалились на землю, возясь и пытаюсь поднять противника и вывернуться самому. Пародия на каратэ сменилась пародией на вольную борьбу, в общем, настоящий бой без правил.

И вот Пупок на лопатках. Я его хватаю за горло, хочу гада удушить, а он очень больно попадает кулаком в ухо. Натурально зазвенело в ухе.

Пацаны бой прекратили, нас расцепили. Задыхаемся как загнанные псы. Все довольно улыбаются. Зрелище классное, видать, мы устроили. Прикладываю грязную ладонь к лицу. Крови вроде не много, губа рассечена не сильно, нос цел. Через минуту-другую полностью пришел в себя. Отряхнулся.

Ого, все пуговицы на рубашке под вязаной жилеткой сорваны с корнем до дыр. Порван рукав. Мы с

Диманом побрели по аллее через парк по домам. Пахнет весной, солнечные лучи весело прожгли пасмурную завесу. Я волочу «дипломат», у Димана сумка через плечо. Он здоровый, сильный и грузный, но не хулиган. Спокойный, флегматичный парень, и учится неплохо. Подбадривает меня, говорит, что Пупко хоть и придурок и с виду не внушает, но противник в драке весьма достойный. И я, мол, держался нормально.

Ближе к весенним каникулам отец приехал на машине из Баку. Приехал повидать семью, просто сел в «Москвич» и приехал. А что, каких-то 800 километров. Я решил уехать с отцом.

Маме не понравилась моя идея вернуться в Баку. Наверное, чувствовала, что оторваться навсегда от ненавистного ей теперь родного города, сохранив семью, не получится.

Она армянка, ей в Баку возвращаться нельзя, и она ждет не дождется, пока папа продаст дом и мы наконец переедем в южную Россию, где много армян, друзей и родственников, в ту же Лысую гору, например. Но Расул не спешит, говорит, никто пока не даст за дом хорошую цену. Домов и квартир на продажу полно, на любой вкус. Вслед за изгнанными армянами засобирались русские, прочие русскоязычные не азербайджанцы, смешанные семьи. Евреи уезжают в Израиль. Цены упали. К тому же недавно бежали армяне, а у Расула жена армянка и мать русская. Если он выставит дом на продажу, все решат, а в Баку молва расходится быстро, что он чувствует тревогу и собрался делать ноги. А вынужденным переселенцам никто хорошо за жилье не платит. Сколько дают, столько бери и вали.

Но раз отец пока в Баку, почему и я там не могу жить? Меня никогда не упрекали за «армянскую кровь». А потом видно будет.

Жить у Арнольда и Севиндж Элле осточертело. Бедной родственницей и приживалкой быть не хотелось. Она чувствовала, Севиндж становится холоднее и раздражительнее с каждым днем. К гостеприимному Арнольду постоянно приезжали с ночевкой гости – армяне, родственники и друзья, рассеянные по всей южной России. И каждого надо принять, накрыть достойно на стол, уложить спать. А тут еще Элла с двумя детьми, и не день и не неделю, а два месяца с лишним. Рустам ест как взрослый мужик. Хотя и подруга детства, но все же... «Она работает, мой муж ее устроил, а я должна возиться с ее детьми тут», – раздраженно думала Севиндж.

Мы поговорили с мамой резко, эмоционально. Я стоял на своем. Что плохого в том, что поживу дома, вернусь в свою школу? Пока мы все равно не продаем дом, не переезжаем, даже не нашли покупателя. Мама понервничала, накричала на меня, а потом ее глаза покраснели, она стала всхлипывать и расплакалась. К моему стыду слез не смог сдержать и я. Мне было жаль ее, в этой всей ситуации было столько горечи и безысходности...

Но одновременно хотел ощутить себя без мамы в Баку более свободным что ли... С одной стороны, я делился с ней многими переживаниями, и она была мне ближе, чем отец. Я ей больше доверял, если был вообще способен кому-либо до конца доверять.

Но почувствовать себя свободным от материнской опеки, жить почти одному, потому что папа целый день на работе – дорогого стоило. И твердо отстоять свою позицию – хочу вернуться, значит, вернусь, вот что для меня стало важным. Я и вправду хотел вернуться в Баку, в свой район, на свою улицу, в свою школу. Чувство родины как-то обострилось во мне. Мне не хотелось больше оставаться ни дня в станице Лысая гора.

Однако меня мучили угрызения совести, получается, бросил маму с сестрой, оставил одних в чужих местах. Но желание уехать в Баку перевесило. Мама любила повторять, что юность эгоистична.

На следующий день я пошел в школу с Севиндж получить справочку о том, что я учился здесь. Севиндж была в хороших отношениях с администрацией школы. Мне напечатали на старой печатной машинке с ошибками перечень предметов и оценки. Поставили печать. На следующий день мы уехали в Баку.

Продолжение следует.

¹ Бродяга (азерб.)

² Армения (арм.)

³ Моя дочь азербайджанка (арм. карабахский диалект.)

⁴ Город

⁵ Ребенок (азерб.)

⁶ Армянское название Нагорного Карабаха и ряда прилегающих территорий.

Ион ПРОКА

*Перевод с румынского языка Петру Ротару**Окончание. Начало в №6-8.*

Сосланные

11

Лес кишел жирными барсуками, фазанов было море. Лишь хлеба не хватало «лесным братьям». Два дня назад на железнодорожную станцию Токиле прибыл эшелон с отборной канадской пшеницей. Зернышко одно к одному, без малейшей соринки.

Воры из шайки Боди впрягли самых сильных коней и откатали один вагон пшеницы в далекий пустынный загон, после чего опустошили его.

Сейчас у них будет вдоволь хлеба. Живи себе в достатке, как у бога за пазухой. Лишь бы их ненароком не накрыли. Но ни с того ни с сего на курганах задымил огонь, языки пламени как змеи неистово пожирали небо. Затем чабаны подложили в огонь кизяк. Дым застелили долины, поднимаясь к вершинам холмов.

Первым заметил неладное Иримия Панаит:

- Атаман, худо дело, чабаны зажгли костры!
- Чего стоишь, переоденься в попрошайку, и айда к Туфэникэ.

Как только Иримия стал приближаться к условному месту, его окликнули. Кто-то прятался в тени грушевого дерева Никиты Чернея.

- Подойди, бедолага, отведай груш.
- Но я почти без зубов...
- Мои груши настолько нежны, что таят во рту.

Пароль не сходиллся. Но тот, кто стоял под грушей, не был чужим. Иримия признал в нем по голосу человека с прострелянной рукой, который побывал у них в лагере, поэтому его нечего бояться. Увидев его, он тотчас откинул от себя малейшие сомнения, еще минуту назад терзавшие его, и, приблизившись, подсел к Туфэникэ на травке.

- Значит, костры ваших рук дело?
- Разве? С чего это вы взяли?
- И когда нам ждать облавы?
- Да не будет никакой облавы. Слыхал, вы разбогатели хлебушком. Не отпирайтесь, кража пшеницы на станции Токиле только вам была под силу.

- Об этом капитан не уполномочивал меня говорить.
- Не бойсь, мы свои! Вот что, передай капитану, пусть во вторник придет на мельницу возле рогатки.

Там я буду его ждать. Со мной будет старый еврей Лейба Школьник, он же хозяин мельницы. Только это и передай. Считай, костров не было. Если не придет, посчитаю наше дальнейшее сотрудничество безосновательным. Если прикинется дурачком, я для него стану глух и нем. А сейчас иди! И запомни, в другой раз, когда надумаешь напяливать на себя эти лохмотья, потрудись получше спрятать под ними свой пистолет, а то его за версту видать. Или ты хочешь сказать, то, что торчит у тебя на бедре, не пистолет, а кошелек с деньгами?

- Не пойдешь же в волчье логово с голыми руками...

Бодю не на шутку рассердило это предложение. Где это слыхано, чтобы Туфэникэ ставил ему условия относительно раздела награбленного. Да его наглости нет предела! Ничего, ничего, до вторника предостаточно времени, чтобы поставить его на место. Но ко вторнику он успокоился. Переоделся в крестьянскую одежду, надел парик и наложил черную повязку на правый глаз. Ко всему прочему прибегнул к помощи трости. Ни дать ни взять – инвалид войны, и все тут. Надлежит лишь стать посреди моста, протянуть руку, и подаяния посыплются на него как манна небесная.

До Дялул Тыргулуй (место на холме по пути к мельнице еврея) он добрался галопом, все время с опаской озираясь по сторонам, хотя держался вдоль молодых лесных насаждений, подальше от большой дороги, пока не достиг участка, высланного гранитным камнем. Коня спрятал в укромном местечке. Эти места были ему знакомы. Справа находились места по добыче глины бывшего кирпичного и черепичного завода фабриканта Пурчела. Чуть пониже – здание дрожжевого завода. А на рогатке дорог – вальцовая мельница Лейбы Школьника, невзрачные лавки жупана (*молд. – боярский титул) Цесарски. Пейзаж не претерпел никаких изменений. Оставалось пройти вдоль тех семи колодцев, что стояли друг против

друга на улице, ведущей к Тэбэкэрие, вонючей из-за отходов дубильного мочала возле реки.

Но одно изменение он все-таки заметил. Исчез некогда известный толчок с попугаями, что вертели колесо удачи, и смешными гномиками.

Вблизи мельницы его охватила дрожь. А что если Туфэникэ устроил ему засаду? Как бы не должен. Он же тоже рискует. Рука машинально нащупала под одеждой оружие. Револьвер на месте. Последний патрон в его правом кармане. Если почует неладное, то покончит с собой, но и Туфэникэ расстанется с жизнью. Уж об этом он отдельно позаботится.

Почувствовал, как вжился в образ инвалида. Шагал как заправский калека. Это придавало ему смелости. Если бы нацепил на грудь несколько медалей, то мог опасаться каких-либо угроз. Вошел прямо к мельнику Лейбе Школьнику, старому еврею с двумя подбородками и огромным животом. Голод обошел мельницу стороной.

– День добрый, хозяин!

Лейба подскочил со стула как заведенный.

– Какой знакомый голос, мил человек. Вы случаем не из Картала? Там мои родственники держат магазинчик.

– Я из Дойбань, с противоположной стороны Днестра.

«Это он, – вспомнил Бодя, – это ему я выбил золотые зубы изо рта, а его супругу очистил от украшений. Но что-то не припомню, чтобы я тогда выдавал себя голосом».

– Значит, спутал вас с кем-то из Картала.

– Бывает. Я к вам по другому вопросу...

– Что-то обмолотить без очереди или без расписки? Фронтовики обслуживаются вне очереди. Можете подъехать и разгрузиться прямо сейчас.

– Мне нечего молотить. Тут меня должен был дожидаться человек из Мовилень.

– Почему вы сразу это не сказали? Он в соседней комнате, пьет водку и закусывает копченым мясом в одиночку. Заждался вас, думал, уже не придете...

Лейба провел его к Туфэникэ. Тот уже успел выпить три четверти бутылки и встретил его стеклянным взглядом.

– Выпил с досады...

Жупан Лейба оставался в комнате.

– А он чего не уходит? – спросил Бодя.

– Пусть останется, он наш компаньон. Ему остаются отруби, а мы получаем муку. Из отрубей его Фаня изготовит кислый борщ и будет продавать на рынке.

– Я вижу, вы тут и без меня все распределили. Одного не учли: пшеница-то моя. Поэтому я отказываюсь от какого-либо торга, если не примете мои условия.

– Давай, выкладывай их, – примирительно вставил свое слово Лейба Школьник.

– Мне выгодно оставить тебе отруби, но только половину, остальная половина достанется мне на откорм нашего табуна лошадей. Или меняем пшеницу на овес, один к двум.

– С Туфэникэ торг будет жестче – десять процентов от продажи обмолоченной муки. Продашь, как хочешь и где хочешь, но рубли выкладывай. Можно оплачивать и звонкой монетой, от которой блекнет солнце.

– Ушло золотце. Откуда его взять? У этих босых доходят?

– Ты еврей и не из дураков. Прекрасно знаешь, что граница с Одессой открыта, а Одесса – город портовый.

– Это-то понятно, но я прошу двадцать процентов, чтобы рассчитаться с продавцами.

– Получишь все двадцать пять, но только по-честному.

– У меня одна жизнь и трое детишек. И жизнь мне дорога, а детишки еще дороже.

Туфэникэ не дождался завершения торгов. Храпел. Ему снилась его доля.

12

Дед Мыслу проснулся от шума проходившего товарняка. Сторожа путей рядом не было. Он пробил корку льда в ведре и умыл лицо. Потом повернулся в сторону востока и перекрестился. «Велика надежда божья, она всех кормит. Только уповая на надежду, и существуем».

Собрал свои нехитрые пожитки. Не забыл про посох, надел подаренную Советой шубу. Свою одежду, старый зипун решил оставить на лавке с мыслью подобрать на обратном пути.

Подошел путеобходчик.

– Я поезд провел.

– Премного благодарю за хлеб и ночлег. Проводи меня чуть-чуть, в компании людей как-то сподручнее шагать, да и мир кажется лучше.

– Мне ли не знать, что такое одиночество. Отвлекаюсь разве что с поездами и печкой. Иногда ловлю себя на том, что разговариваю с огнем. Я ему говорю одно, а он мне отвечает другое. Я ему говорю, что мы сильнее него, а он говорит, что справится с нами в два счета. Только вода говорит, что огонь сильнее меня.

– Ни огню, ни воде не под силу истребить наши корни. Скажи огню, что нет никого сильнее человека. Молча шагают по шпалам. Вьюга яростно бичует их по лицам. Брови превратились в ледяные щетки.

Прощаются, по-братски обнимаются. Скорее, это объятие отца и сына, потому как Дан Мыслу помог Антону Пэнцуц увидеть его глазами настоящую родину, понять всю ее боль и глубокий смысл ее колядок.

Дальше дед Мыслу зашагал в полном одиночестве. Чтобы огонь был сильнее меня? Чтобы вода свалила с ног? Чтобы снег меня завалил? Никто и ничто не остановит его на полпути. Для Думитру он урвал из приданого дочерей, чтобы увидеть его наследником. И если не разыщет его, нет смысла его дальнейшей жизни.

Дед Дан останавливается в растерянности. Краешком уха улавливает обрывок песни. Поет женщина. Поет жалобно. Поет на молдавском языке. Как будто он в Молдове. Песня звучит все отчетливее и отчетливее:

*«Мужчин много не вернулось
После Сталинградской битвы,
Сгинул муж мой в том аду,
Без него я пропаду».*

Песня превратилась в плач. Голос, обращенный к небесам. Небеса бездонны. Снег – в ледяные слезы, слезы – в дождь жалости, жалость – в дойну (*фольклорное произведение у молдаван, рассказывающее о душе человеческой, о ее вечной тоске), дойна – во все, что имеем и не имеем. Все, что имеем и не имеем – в тоску.

Голос стихает и плачет. Голос живой. Более живой, чем сам человек, и никому его не остановить. Человеку можно поставить подножку, и он падает. Голос – часть человеческого холста. На его крыльях можно вознестись на самые высокие вершины и окунуться в дебри тоски.

Женщина подходит, еле-еле держась на ногах. Дан Мыслу узнает от нее, что она возвращается с Бурелома, куда брела в поисках сына, а теперь направляется в Сталинград, там, в сырой земле лежит ее муж. Женщина не советует деду идти туда, так как там солдаты натравливают на людей собак и никому не позволяют приблизиться к лагерю.

И она пошла. Не родился еще тот, кто мог бы загородить ей дорогу.

* * *

Той же дорогой шла вслед за мужем и Аргири, жена Дана Мыслу. Только она не рассказывала каждому встречному, кого ищет и куда путь держит. Если ее кто-то и пытался расспрашивать об этом, она отмахивалась выученной наизусть фразой: «Ищу картошка. На родине моя голодная земля». И все. Больше ничего. Она могла раскрыть сердце разве что в доме какой-нибудь несчастной вдовы, осмеливавшейся приютить ее в своем доме на ночь. Таким образом ей удалось пройти очень большое расстояние. Никто не посмел спросить ее о наличии каких-либо документов. Ее документ был написан на лице. Еле-еле державшаяся на ногах женщина из какой-то страны, в которой из-за засухи не уродилась картошка. Кому взбредет в голову спросить паспорт у приговоренной?

По истечении ста семи дней она добралась до Бурелома. Первое, что бросилось ей в глаза, – кладбище со свежими могилами. Бугорки земли на могилах смешаны со снегом. Обошла взглядом надписи на крестах. Имена были родными из Мовилень и Облониште, Грынчулень и Крузьяска: Константин Бумбару, Теодора Адам, Аврам Пую, Евелина Петряну, Ольга Мария Арвунэ, Матилда Михале, Георге Барбу, Думитру Негря, Сатринел Генча, Виктор Порумбица, Георге Голган, Павел Блидару, Теодор Лэээриэ, Валентин Дику, Еужен Бэкану, Клаудия Дьякону, Мэдэлина Филимон, Андрей Помпьяну, Николас Спринчану, Стан Влайку, Кэлин Драгош, Йоргу Топор, Ливия Булгару, Иоан Андронаке, Лукиан Бабан, Анишоара Сфырыялэ, Елена Вишану, Виктория Гажка, Анна Рогоз, Эмилия Оанча, Стелиана Блэнару, Штефана Стойкич.

Это были все имена. Фамилия Мыслу не упоминалась. Но радоваться было нечему. Пошла опечаленная к воротам буреломского лагеря. Лагерь был большим с притуленными к земле бараками, обнесенными с десяток раз колючей проволокой. На вышках караулили тепло одетые солдаты.

Весь лагерный люд находился на лесоповале. Аргира Мыслу подумала про себя: «Если идти по этой протоптанной дорожке, я их найду. Сделаю вид, что собираю хворост».

Тропинка привела ее в гущу леса. Вальщики были ослабленными, лишь кожа да кости. Приблизиться к ним не представлялось никакой возможности. Да и не было такой надобности. К ней подошел солдат, который взял ее на мушку винтовки. В комендатуре огромными усилиями вырвали у нее пару слов, да и те невнятные.

Переводчик, молдаванин из села Прунку, подтвердил, что бабка является женой деда, которого задержали неделю назад.

– Жаль, упустили, – сказал старший, – они точно шпионы. Специально засланы мировым империализмом. Помнится, тот дед говорил еще о каком-то мандате, данном ему товарищем Сталиным. И представить не можете, какой коварный враг нас посетил. Надобно пустить по его следу адресированных собак. За неделю далеко не убег.

– А с бабкой что делать? – недовольно спросил переводчик, думая, как быстрее завершить свою миссию.

– Тебе знаком ее язык. Спроси, в каких она отношениях с мировым империализмом и не является ли случайно засланным агентом какого-нибудь государства, враждебного нам.

– Слышь, бабка, полковник интересуется твоими связями с какой-либо чужой страной, с империалистами.

– Я не знаю, кто такие ваши париялисты, но связи у меня с Россией. Мой сын Думитру Мыслу должен быть тут где-то поблизости.

– Что она говорит?

– Прикидывается дурой. Говорит, ищет сына.

– В лагерь ее! Может, там вспомнит, чьим агентом является...

* * *

Иван Петрович Агеев вернулся в Мовилень в момент наибольшей активности Туфэникэ. Председатель, увидев районного уполномоченного, на этот раз не почувствовал какого-либо волнения, как случилось с ним ранее.

– Рад гостю, дорогой Иван Петрович! Разрешите отрапортовать: выполнили два плана по продрозверстке от населения: по молоку, мясу, маслу, шерсти, смушке.

– Молодец, Туфэникэ! А миллион яиц собрал?

– Так точно, – щелкнул он каблуком. – Два миллиона!

– Скажи мне честно, народ не сопротивляется, не бунтует?

– Пусть только попробует! Тогда к чему меня снабдили маузером?

– Мы тебе его дали, чтоб ты защищал себя от врагов, а не сдирать поставку под дулом пистолета.

– Знаю я их, канальев, все время толкуют одно и то же, что помирают с голоду, а сами жрут почище картофельных жуков. Пытаются забыть об интересах государства. Вот я им их и напоминаю. И они сдают даже то, чего у них нету. Едут, покупают на стороне и сдают.

– Будь начеку. Нападение на мосту было предупреждением. Это дело рук людей вроде Мыслу. Бабку Аргире поймали аж за Иркутском, и она призналась, что является агентом мирового империализма. А Дан Мыслу, который добрался до ворот лагеря для врагов народа, бесследно исчез.

– Умру, но доберусь до них и уничтожу собственными руками это осиное гнездо. Я обязательно достану их, голубушек. Какой позор! Осрамили весь наш род.

– Будь внимателен! Осторожность и еще раз осторожность. Береженого бог бережет. Нам бы не хотелось тебя потерять. Лично дал бы десятерых непутевых за одного такого, как ты. Сидят себе сложа руки, поэтому на них никто и не покушается.

* * *

Теперь Дан Мыслу шел по резервной колее железной дороги, полагая, что именно по ней шел и Думитру. Вокруг безлюдно, а диких зверей – несметное множество. Голодные и ненасытные. И представить себе трудно, как удержались не разорвать его на части. И оттого, что от его тулупа овчиной пахнет.

Волчья стая долгое время шла ему вслед, ожидая, когда он, обессиленный вконец, свалится с ног. Но его защищал образ Думитру. Он воображал, как тот шагал по шпалам, и ему не остается ничего другого, как настичь его.

Но однажды от изнеможения он все-таки рухнул на землю. Заготовленные к вывозу бревна показались ему горячей печкой. И он тихо погрузился в глубокий сон. Как будто наступило лето, и он вместе с домочадцами собрался чаевничать под старым грушевым деревом. С дерева падали груши, и Думитру, ловивший их налету, клал в золотую посуду, преподносил Иосифу Виссарионовичу Сталину, который сидел за этим же столом.

Сталин смотрел на него ласково, гладил по голове и хвалил как своего ребенка.

– Как сильно ты похож на моего погибшего на войне сына... Bravo, Дима! Не зря я спас тебя из лап злодеев. Ты станешь великим человеком, я тебя сделаю министром...

Дед Дан проснулся в зажиточном доме. В комнате было много людей. Среди них выделялся старичок в белом халате, который давал остальным указания.

– Поберегите спирт, что я вам оставляю. Им следует особо тщательно протирать больному руки и ноги. Кто знает? Авось...

Дан Мыслу смотрел в потолок. Чего тут не понять? Замерз, отморозил все тело. Но не об этом он сожалел. Мог бы и помереть. Он сожалел о несбыточности приснившегося ему сна.

13

После возвращения с мельницы Бодя, замкнувшись в себе, стал похожим на впавшего в зимнюю спячку медведя. Никому не велено его трогать, никаких расспросов. Только распорядился напоить коней, нагреть воды для хорошей баньки на травяных настоях. Нагреть бочку воды и для женщины.

Дежурил в таборе Козма Брод, прозванный циклопом, так как был слеп на один глаз. Глаз, может, и был здоровым, но был покрыт белой пленкой, пеленой. Иримия посоветовал ополаскивать его мочой девственницы.

Сейчас он выполнял указание Боди. Нагрел столько воды, что хватило бы на всю шайку «лесных братьев». Так Бодя называл бандитов, когда был в хорошем расположении духа. Однако сегодня у него на душе скребли кошки. Его мучили какие-то горькие предчувствия. Когда возвращался с мельницы, чуть задремал в седле. И ему тогда показалось, что вырванная когда-то у еврея Лейбы Школьника зубная коронка находится у него во рту. Но этот раз мельник вынимал ее у него ржавыми клещами. И золотые зубы посыпались в дорожную пыль.

Это – сон смерти, сон скорой кончины. В то мгновение он понял, насколько гоним и одинок. Его «лесные братья» готовы были утопить его в ложке воды, а женщина со светлыми волосами цвета спелых колосьев, было бы у нее достаточно сил, удушила бы его голыми руками. И зачем он только родился на свет божий, зачем тень свою бросает на землю, если такой отпетый негодяй? Сегодня, сегодня вечером он обстоятельно поговорит с женщиной. Много значит, когда рядом с тобой женщина. Она твой надежный союзник. Она может быть преданнее, чем собака. И надумал он искупать ее первой, а потом...

Сам Григоре Бодя налил ей в воду травяной настой и уже был готов растереть ее, словно ребенка, мочалкой из липовой коры, как женщина воспротивилась: «Оставь, атаман, как ты смеешь?! Тебе не противно смотреть на меня после того, как ты надругался над моим телом?»

Бодя отреагировал шуткой: «В темноте сойдешь за девственницу».

Женщина пригрозила ему холодным взглядом. «Можешь не надеяться, – как бы говорили ее глаза, – навряд ли постигнет тебя удача увидеть меня ночью в твоей постели».

Но эта банька была наполнена особым смыслом. Каждый раз, когда ему становилось не по себе, его раздраемая плотскими предчувствиями гонимая душа требовала волшебной водицы. Обмытый снаружи, еще не означало, что он чист внутри. Вместе с тем он считал себя большим судьей, вершителем судеб людей и природы. Палачом он себя никогда не признавал.

На мельнице как будто все хорошо и гладко. Он заимеет большие деньги, муку и главное – Туфэникэ предоставил ему детальный график милицейских облав, когда и где пройдут их отряды. При желании он мог бы даже уничтожить их. От шпионов и проходимцев как будто избавился. Одна только мысль не давала ему покоя: он чувствовал, что по уши влюблен во взбалмошную женщину со светлыми волосами цвета спелых колосьев. Он похитил ее в шутку у трупы бродячих артистов. Она была актрисой на вторых ролях, и режиссер не очень огорчился потери. И только одному богу ведомо, что бы с ней стало в дальнейшем, если бы не эта гадкая история с сучьими сосками. Винтилэ испортил им обоим будущее.

Винтилэ ее покорил. Сейчас все «лесные братья» знают, что он буквально вырвал ее из его рук. Этим он изрядно подмочил свой авторитет перед бандитами.

Ах, как ему хотелось увидеть ее в ухоженном домике с палисадником, ждущей его с пахоты, выходящей ему навстречу, открывающей ему ворота, помогающей отвести быков в стойло, льющей ему воды на руки, чтобы смыть дневную пыль. А затем за столом разрезающей ниткой мамалыгу (*национальное молдавское блюдо из кукурузной муки) для него и их пятерых детишек. И еще хотелось ему посадить вокруг дома скороспелые черешневые деревья, вишневые и абрикосовые. И, посадив на них своих сыновей и дочурок, скрестив руки на груди, вдоволь насытиться этой идиллией.

И захотелось ему такой же спокойной, равномерной жизни, как у Инокентие Пасреле, помещанном на любви к своему коню. Если бы тогда он был резонней, был бы сегодня его правой рукой. А так, Райская поляна распорядилась его жизнью. Когда увидел его, болтающегося в петле, впервые в жизни почувствовал, что такое жалость. Большая жалость охватила его тогда, так как не он на его месте, чтобы также смиренно смотреть смерти в глаза и не просить у нее снисхождения. Его и впрямь взбесило это безумие Пасреле. Что ему стоило согласиться с предложением Боди? Ан нет, гордость не позволила ему просить прощения. Бодя не знает, хватит ли ему духу, когда предстанет перед судом, так же с высоко поднятой головой встретить свой смертный приговор. Сегодня он опустился до уровня Туфэникэ, от чего слало еще противнее на душе. Ему ли, праведному судье, коим он себя считает, торговаться с евреем, который живет только душой о гешефте? Лучше перерезал бы ему горло. Но нужда может завести туда, куда ей угодно.

Этой ночью он поговорит с женщиной, расскажет ей все, что терзает его душу, а она смилостивится и возьмет на себя часть его греха или совершит еще больший грех.

Он вернулся из города с простынями с цветочной каймой, а женщине накопил ночных рубашек из тонкого батиста из потайных запасов бывшего магазина «Лафает». Жены новоиспеченных начальников, когда наткнулись на складе на эти ночные рубашки, приняли их за вечерние платья и ходили в них по улице, пока кто-то их не вразумил. Бодя также обновил и свой гардероб. Купил себе новый костюм из английской шерсти. Может быть, в этом костюме и похоронят, так как смерть его гуляет поблизости, преследуя его на каждом шагу, как линялая лиса. Он только и делает, что тешит себя иллюзией о том, что похож на современного гайдука. Русские расправились со всемогущим немцем, а он кто такой?

Светловолосая женщина с родинкой на правой щеке, переодетая во все новое, выглядела как сказочная фея.

– Что заришься, как товарняк на вагон первого класса? – перефразирует она высказывание о быке, который пялился на новые ворота.

– Ты и представить себе не можешь, насколько ты прекрасна.

– Я всегда была прекрасной, не тебе говорить мне об этом. Я уродиной не была. Только вот счастье обошло меня стороной.

– Хочешь сказать, что я разрушил карьеру театральной диве? Ты бы так и оставалась на вторых ролях. Даже если бы тебе и удалось очутиться в Яссах, на той стороне Прута, с его вековыми традициями театрального искусства, ты бы затерялась в среде тамошних актеров. Тебя так же выпускали бы на сцену только в массовках, то есть задействовали бы тебя в качестве пятого колеса. Ты бы никогда не добилась славы Софии Бузулеску. А человек на вторых ролях – никто. Он всего лишь соломинка в скирде, ничем не отличается от миллионов таких соломинок. В скирде отличается разве что заплесневелая соломинка и то тем, что не загорается, что даже на откорм скота не годится.

– Да, я вижу, ты, атаман, слишком высокого мнения о себе. Почти герой.

– Всю жизнь мечтал о карьере блестящего юриста, которому бы все завидовали, который бы не сходил с первых полос газет всего мира. Но вот только одна газета «Молдова Социалистэ» (*«Социалистическая Молдавия» – печатный орган молдавских коммунистов) удостоилась напомнить миру о моем существовании в рубрике «Другие новости». Сообщили, что я пойман, мне отрубили голову и похоронили.

– Они в определенной мере правы: ты уже труп. Или еще на что-то надеешься, атаман?

– Надеюсь на то, что когда-нибудь выйду на парад на белом коне во главе колонны, и все будут отдавать мне честь, восторженно приветствуя: «Смотрите, смотрите, скачет всем известный и почитаемый герой Бодя».

– Известный чем? Преступлениями и кровопролитием?

– Известный как превосходный судья, сеятель справедливости. Я верну землю тем, кому она принадлежала, восстановлю в крае суверенную власть. Кто родился рабом – рабом ему и быть. Кто помазан

богом – властителем быть!

– Поэтому ты меня искупал в бане, чтоб рассказывать мне небылицы про белого бычка?

– Для тебя я что хочешь сделаю! Но, думаю, лучше отправиться нам в постель, где можно вдоволь наговориться. Тем более я хочу тебе сказать что-то особенное, о чем еще никому никогда не говорил.

– Умираю от любопытства.

– Пока я тоже искупаюсь, поди погляди в тех свертках, что я тебе принес. Примерь и другие платье. Конечно, и это крепдешинное платье, в котором ты сейчас, тебе к лицу. Но поверь мне, и остальные прикупленные мною для тебя платья прелестны.

Она нашла в объемном свертке то, чем могла похвастаться и дама претенциозного Парижа.

Все прекрасно, да только вот беда – маленькое зеркальце не позволяло ей увидеть себя во всей красе в полный рост. Она поменяла крепдешинное платье на то, как у маркиз. Напоследок она решила все-таки остаться в крепдешинном. Нет, боже упаси, только не подумайте, что этим она хотела угодить этому неотесанному бревну Боду. Она просто сгорала от нетерпения, что еще приготовил этот симпатичный и страшный монстр. Прикончит ли он ее сразу или повременит? Ответит ли ее на Райскую поляну или придушит на месте?

После купания у Боди улучшилось настроение. Он похвалил ее хороший вкус в выборе платья, так как крепдешинное ему тоже больше нравится, и он хотел бы любоваться ею в этом одеянии всю жизнь. Как только у него язык поворачивается, о какой «всей жизни» он заикается, когда их жизнь висит на паутинной ниточке, которая вот-вот готова порваться. А может, эта нитка еще тоньше. Достаточно по-сильнее на нее подуть ветру со стороны властей, и им крышка. А если их окружит армия? Их перебьют, как немцев, даже пикнуть не дадут. А ему, видите ли, любви захотелось. Любви на голодный желудок. Как ей поверить мужчине, когда он превратил ее из женщины в суку? Неужели его совсем не всколыхнули неимоверно адские муки Вентилэ?

– Ты очень задумчива, дорогая. В какие невиданные дали манят тебя твои думы?

– Думаю о своем, о женском. Одна единственная женщина среди вас, мужчин. Я все время должна вас остерегаться, как леший ладана.

– О том же думаю и я. Всяк кому не лень одевает и раздевает тебя своим бесстыжим взглядом по сотни раз в день. Это скверно! Пошло!

– Пошло? Мало сказано, атаман. Это возмутительно!

– И что ты от меня хочешь?

– Хочу, чтоб ты отпустил меня на свободу. Чтобы я отправилась на поиски доктора, который бы излечил мое поруганное тело. Чтобы меня больше не тошнило при виде этих сучьих сосков, которыми ты меня наградил. Остерегайся, атаман, в этом состоянии в один прекрасный момент как бы я не взбесилась. А от бешеной мало кому удастся спастись.

– Пока еще не взбесилась, я задумал оставить после себя наследника. Хорошего или плохого, но своего. Как только забеременеешь, отпущу тебя на все четыре стороны, куда твоя душа пожелает. И денег дам! Вечной валюты дам – золотишка!

– Даже не знаю, атаман, что и ответить на твое предложение. А угодно ли богу, чтобы я носила под сердцем твое семя? Из убийцы вырастет убийца. Я уже и не помню, кто там был убийцей – Авель или Каин? Но один из них остался при жизни, чтобы продлить род нашего семени, как повествуется в Библии. Таким образом, человечество от Адама и до сегодняшних дней ведет свое начало от убийцы, от братоубийства. И ни на что это человечество не годно. Тебе хочется, чтобы родился еще один Горе Бодя?

– Да, хочу!

– Ты с ума сошел! – только и успела произнести женщина.

И ее тело, которое успело принадлежать множеству других мужчин, уступило натиску разгоряченного бандита. Уж очень сильным и крутым был Бодя. Уж очень слабой и нежной оказалась женщина с волосами цвета спелых колосьев.

Грозный Бодя все подстраивался под ягненка, чтобы показать ей свою неумную любовь, читая для этого длинные монологи, которыми увлекался по молодости. Монологи, которые она тоже знала наизусть, мечтая когда-нибудь прочесть их перед зрителями большой сцены.

От этого ее так тошнило, что она чуть не вырвала. И даже сама удивилась неимоверной силе, с которой опрокинула его на себя посреди шалаша, как половую тряпку.

Впоследствии, как почувствовала, что в ее чреве забились жизнь будущего ребенка, у нее прояснился ум. Теперь она твердо знала, как ей следует поступить. Она его убьет. Днем и ночью будет без устали

караулить, час расплаты обязательно пробьет.

Еще от своей мамы она знала, что корень цикория обыкновенного применяют в качестве слабительного средства в случае проблем со стулом. Поскольку в ее обязанности входило и приготовление пищи для щеголей, она не пожалела этих корней для придания еде превосходной консистенции.

После сытного обеда все, как по команде, рассыпались по кустам справлять свою нужду. Бодя было не с руки сидеть на корточках заодно с толпой. Он определил для своих «лесных братьев» кусты, что в направлении Облониште, а для себя – что в сторону Мовилень.

Корни цикория делали свое дело похлеще червоточины. Бодя уже раз пять бегал в кусты. Женщина с волосами цвета спелых колосьев посчитала, что пробил ее час. Сейчас или никогда. Она, крадучись сзади, последовала за ним. Лишь бы ее не стошнило, лишь бы бог наделил ее надлежащей силой! Бодя спустил штаны, повесив ремень на шею, присел на корточки.

Тотчас почувствовал, как щелкнул замок ремня на затылке, шею стянуло, как в тисках. Он стал извиваться и, брыкаясь, завалился на землю. В это время женщина все сильнее и сильнее затягивала узел, не отпуская из рук ремня. Послышалось хрюканье и тишина. Только одному богу ведомо, откуда она набралась сил, чтобы зацепить ремень за дубовый сук.

Чуть позже бандиты удостоверились, что их атаман покончил с собой. Его похоронили на той же Райской поляне рядом с его факультетским другом. Впереди у них была целая вечность, чтобы завершить свои философские споры о справедливости на этой несчастной земле.

Лэутары (*исполнители на инструментах народных произведений у молдаван) сказали, что сыграют ему похоронный марш, только если заявится наследный принц, который оплатит услугу. Тут все посмотрели в сторону беременной.

– Я оплачу, так как он отец моего будущего ребенка.

Сразу же после похорон женщина с волосами цвета спелых колосьев взяла в свои руки бразды правления бандой. Не прошло и недели, как «лесные братья» оказались в капкане, расставленном против них властями. Тогда и объявила женщина свое настоящее имя – Отилия Томаку, бывшая актриса театра «Одеон».

О дальнейшей ее судьбе архивы пока молчат.

14

Корабли подплывали к берегу. Разгрузились и снова отправлялись в море, в еще неизведанные и необъятные дали. Матросы, скучавшие по земле, с нетерпением ждали захода в порт. Вот она, земля, совсем близко. Они опять почувствуют ее под ногами. Кого-то встретит на берегу жена или любимая, кого-то ждет на суше предательство. Но земля под ногами – для всех нас. Однако эту землю нам не дано ощутить, если ее не почувствовать. Хотя на морском дне лежит один песок, это тоже земля, где много людей нашли свои могилы. А может, их потусторонняя жизнь на дне морском лучше нашей? Может, они перевоплотились в дельфинов, сбжав в пучины морские от царивших на земле беззаконий. Случись катастрофическое землетрясение или потоп, одна земля знает дельфинью тайну, и не по зубам на нашем веку разгадать ее.

Я сказал, что корабли подплывают к берегу, и ошибся. Корабли – это посудины, плавающие по морям и океанам под парусами. Однако то, что пришвартовалось в порту, был целый пароход на дизельной тяге последнего поколения, потому как сам изобретатель этого чудо-мотора тайно исчез и сгинул в морской пучине. Это случилось в 32-м году, когда загадочный Дизель, выйдя в море на пароходе с мотором собственной конструкции, бесследно исчез, и до сих пор никто не знает, что на самом деле с ним произошло: самоубийство или неудавшаяся попытка его выкрасть.

Матросы с парохода «И. В. Сталин» возвращались домой после продолжительной экспедиции. По дороге в Одессу им поручили доставить до места необычного человека. Это был человеческий обрубок: без рук, без ног, но живой. Даже эти бывалые морские волки, всякое повидавшие в своей жизни, некоторые, ставшие покалеченными, но все же вышедшие победителями из пасти акул, были безмолвны при его виде. Вот что может сотворить с тобой судьба, превратив в ничто, в то, что может быть передано из рук в руки, как кусок простого мыла. Смерть прошла стороной, безжалостно отметив его таким образом. Только тот, кто испытал на себе это горе, знает, что значит быть калекой.

Матросы относились к нему с подчеркнутым вниманием и особой доброжелательностью. И это его больше всего и тревожило. Почему они что-то от него скрывают, почему они не ведут себя с ним, как с нормальным человеком? Пусть не донимают. Он был бы рад, если бы о нем забыли, если бы прошли

рядом. А они глазуют на него, как на комедию, рассматривают с нескрываемой жалостью. Это его бесит. Но кто знает, как поступил бы он, оказавшись на их месте. Станет ли он лицезреть из праздного любопытства или предложит несчастному свою помощь, не задев его израненной души? Что касается этой показной вежливости, оказанной ему, то он вовсе не рад, что она штопана белыми нитками. В своих беседах они изо всех сил стараются не проронить ни слова о том, какой он. И даже не утешают его, как другие, что вот, мол, приедешь домой, и за тобой будут ухаживать близкие, тебе помогут...

Кто будет о нем заботиться? Жена пропала, сын тоже. Родственники? Оказали бы ему должное внимание, разве что при наличии у него, как в прошлом, целого богатства: много земли, быков и коров. Сейчас он не знает, стоит ли еще его домик на старом месте или его снесли новые хозяева. Прошло более пяти лет, как он отправился на поиски сына Думитру. Только в больницах провалялся свыше трех лет. Ушел здоровым мужиком, и вот стал курам на смех. Пуще всего его пугало поведение сельской детворы. Она закидает его камнями, как он когда-то закидывал помешанного дурака села Николая. Лучше бы у него ум помутился, чем жить с этим обезображенным телом. Для похорон ему смастерят детский гробик. Хорошо, что эти матросы достали ему эту импровизированную коляску. Сложились все и выкупили у какого-то иностранца. Говорили, только у него и у увеченного Рузвельта такие коляски. Жизнь на поводке в президентском кресле. Президента Америки если и носят слуги на руках, у него хоть руки целые. Ох, если бы у него была хоть одна рука, он жил бы и чувствовал, что у него выросли крылья.

Но у него ничего нет. Есть разве что дом, место рождения и место на кладбище. Лучше бы его тогда сослали в Сибирь вместе со всеми. Может, судьба обошлась бы снисходительнее.

А вот и порт. Большая возня. Молодые женщины с нежными букетами, только что купленными у цветочниц. И военный оркестр. Если бы музыканты знали, кто первым сойдет на землю, они бы воды в рот набрали и не издали бы ни звука. А так играют торжественный марш.

Два матроса спускают по трапу коляску. Человек-обрубок первый раз в жизни дает волю слезам. Они льются рекой.

Он никогда в жизни больше не почувствует землю под ногами, свежевспаханную борозду. Для него навсегда умолкли жаворонки в небе. Нет более тяжкого наказания для пахаря, чем это.

* * *

Цветет сирень, поют птицы. Солнце балует своим теплом нарциссы и лилии. В селе ни души. Осталась одна Анна, жена Киру Канделэ (*молд. от слова лампада). Это прозвище ему дали за то, что батюшка Бетуцэ, увидев его в церкви, давал ему подержать кадило и поручал кадить паству или тушить свечки в канделябрах, пользуясь камышовой трубкой. Это считалось большой честью для простого смертного.

Но после смерти Киры Канделэ эти обязанности перешли к Патрику Гаваносу (*молд. – бочонок). Это тоже прозвище, потому что он во время великого поста пренебрегал фасолью да соленьями. Ему больше по вкусу было мясо, от чего его постоянно тянуло к бочонку со шкварками. Гаваносоэе, его жене, после пасхальных праздников не на чем было поджаривать яйца или заправить обыкновенный борщ. Патрик Гаванос сваливал всю вину на котов, но...

Все село удивилось тому, что именно ему поручили кадило, тому, кто никогда не соблюдал поста и не питал к церкви каких-то особых чувств. Батюшка Бетуцэ как-то, видимо, по неосторожности вымолвил: «Не грех то, что в рот кладешь, а то, что изо рта исходит».

– Сказки для дураков, – жаловалась Гаваносоэе прохожим, сидя на лавке у ворот, – если бы он опустошал бочонки со шкварками у самого попа, тогда батюшка запел бы по-другому. Но ему даже бочонки ни к чему. Мы его одариваем на Пасху освященным мясом, которое он хранит в пересоленной воде или жире, и может лакомиться им, когда его душе захочется. Поговаривают и то, что крашеные яйца, которые ему достаются как поминальный дар, он закладывает в бочки, обсыпает их гашеной известью, и они сохраняются пригодными к употреблению до начала уборки зерновых. Как ему не жить да утверждать при этом, что грех – то, что исходит изо рта. А скормить свиньям калачи не грех? Видите ли, матушке противно есть калачи из наших рук. Конечно, бывают и неряшливые хозяйки, не берусь их защищать, но калачи печем каждый день, чтобы додуматься их чем-то осквернить. И в конце концов, бабоньки, согласитесь со мной, что и наша попадьа не семи пядей во лбу. Не она ли первая неряха на селе? Когда вдова Могылдя приходит прибираться в ее дом, то устает выносить мусор, а матушка сидит себе руки на бедрах и не наклонится поднять и пылинки с пола. И как ей не набрать столько сала на ягодицах, как у той толстушки, что купается в достатке. Да простит меня господь, сегодня же большой праздник, а меня бес попутал посудачить о ней, может, она сейчас икает и даже не ведает, что вошла в интерес. Да бог

с ней, бабоньки, я другое чуть не забыла, хотела вам сказать. Мыслушка (*уменьшительное от молд. фамилии Мыслу, здесь – племянница Дана Мыслу) вчера вечером получила телеграмму, в которой извещалось о возвращении ее дяди Дана Мыслу. Ей следовало поехать на вокзал и встретить его. Но она, бесстыжая, не поехала. А может, правильно сделала, что не поехала. Железнодорожная станция не за горами, доберется дед Дан и на своих двоих... Ой, опять заговорилась. Гафица, возьми, пожалуйста калачик и чашечку за упокой души Микандры. Он родилась между Жикэ и Петрей. Ты должна ее помнить, ей было три годика, когда она умерла. Умерла от того, что съела заговоренные сливы, отравилась ими, бедняжка. Я тогда напоила ее отваром зверобоя, но не помогло. Видно, и богу угодны невинные ангелочки. Гафица, бери чашечку, куда смотришь? Слышишь, возьми калачик и чашечку. Да, с тобой благоденствия мне не сделать. Что ты там увидела, что зыркаешь взглядом по всему кладбищу? Чего окаменела, чего выпялила глазища, как при пожаре?

– Да ты только погляди, Гаваносоая, как несут на руках матросы коляску с калекой. Да это же Дан Мыслу. А вот и его племянница Мыслушка бежит им навстречу.

– Эй вы, девки, – меняется в лице Гаваносоая, – он же без рук и без ног. Даже с войны такими не возвращаются. Господи, помилуй! Что за напасть свалилась на весь их род? У него погибли двое сыновей, младшего увели в Сибирь, жена его Аргира пропала. Плюньте мне в лицо, если Мыслушка заберет его к себе такого. Филимона Киору (*молд. – слепой) приютили же родственники и теперь за ним ухаживают.

– Оно и видно, как ухаживают, – вставляет свое мнение на ходу Гафица. – Ведут его на рынок, заставляют попрошайничать, чтобы купить себе вне очереди тюлевые занавески и перепродать их затем подороже. А если им надо отлучиться по делам в город, то его оставляют возле рынка с протянутой рукой. Дед Дан даже руки не имеет, чем принимать подаюния.

Старики, женщины и дети оставили свои поминальные дары на могилах и столпились вокруг коляски.

– Почему не оставили его в селе, а привезли сюда, как на показ кино? – ругает Мыслушка матросов.

– Но в селе не на кого его оставить, там мы встретили только одну глупую бабку.

– Почему, когда дали телеграмму, не известили нас, что он калека?

– Ну, что я тебе говорила? Что говорила? – подталкивает Гаваносоая Гафицу.

– Что ты мне говорила?

– Что не заберут его...

– Не каркай, дурья твоя голова, видишь, как изменилась в лице Мыслушка. Как так не заберет? Она же его племянница, дочь его брата. Родная кровинушка все-таки, а кровь, как водится, водой не разбавишь.

Подходит батюшка Бетуцэ. Его длинные седые волосы развиваются на ветру. Приближается к коляске. Протягивает калеке крест и руку для поцелуя.

– Простите, святой отец, что нечем перекреститься, – пытается выдавить из своих уст улыбку Дан Мыслу.

– Поцелуй крест, сын мой, ибо неизведанна сила божья.

А собравшиеся вокруг него сначала подумали, что он еще и глух и нем. Но если разговаривает, да еще и слышит, его односельчанам, собравшимся на Пасху блаженных, как-то сразу полегчало на душе. Что они не люди? Не познали ли они стольких невзгод, чтобы очерствлять до того, чтобы не поделиться с блаженным куском хлеба, чтобы не дать ему почувствовать калекой?

Священник зазывает народ отойти к могилам.

– Давайте помянем блаженных тем, чем бог послал, а то опять застанет нас дождь, как в прошлом году.

Те, чьи могилы предков находились поближе к церкви, последовали за священником. Другие же, могилы родственников которых находились вдоль забора, не спешат расходиться. Наверно, чувствуют, что племянница Мыслушка никак не загорится желанием погубить свою молодость, ухаживая за калекой. Гаваносоая подбирается поближе. Эта, если не узнает первая, что случилось с дедом Даном, все лето будет ходить сама не своя. Ловит момент, когда народ чуть успокоился и как бы про себя произносит:

– Вот что делает мороз с человеком. Эта Сибирь многих сгубила. А легкие, хотя бы легкие мороз пощадил?

– Откуда тебе известно, что я отморозился? – интересуется дед.

– Да вот сама додумалась. Война-то давно закончилась. Другое что может быть?

Дальше разговор не клеится. У Гаваносоаи поминальная книжица – в пестельке (*молд. – фартук). Протягивает по крашеному яйцу матросам. Те стоят, как на углях. Видно, очень спешат, но не могут оста-

вить старика одного во дворе церкви. Никто не напоминает им, чтоб уходили.

– А вы поешьте, вот вам и по калачику.

Гаваносоая смотрит на деда Дана. Не знает, как ей поступить с ним. Как его угостить, как он будет есть?

Дан Мыслу выводит ее из замешательства:

– Да не смотри ты на меня как замороженная, очисти от кожуры яичко, потому как я еще не разучился есть крашенные яйца. Когда был маленьким, играл с твоим отцом в «рядочек». Взбирались на пригорок и давали яйцам перекатываться вниз по склону. Если одно другое догоняло, то яйцо переходило к тому, чье яичко догоняло предыдущее. У меня было деревянное яйцо, более круглое и красиво раскрашенное. На Пасху зарабатывал им целую кошелку яиц.

– Дай чего-нибудь попить, – просит дед.

– Гафицэ, – кличет подругу Гаваносоая, – принеси бутылку, чтобы угостить вином этих людей, так как они с дороги.

– Я так думаю, – говорит Дан Мыслу, – эти люди останутся ночевать у меня, наверное, за время моего отсутствия никто не позарился на мое добро и оставил лавицы незастеленными. Ты позаботилась о моем доме, Мария? – спрашивает он племянницу.

– Пока был жив, о вашем доме заботился отец, – отвечает племянница подавленным голосом.

– Как, брат Лазэр помер?

– Да, царство ему небесное, этой осенью.

– Пусть земля ему будет пухом, уж очень одинешеньким он меня оставил. А где его могила?

– Рядом с могилой бабушки и дедушки.

– Отведите меня туда, хочу с ним свидеться.

– Но на коляске туда не пройти. Могилы тесно стоят, крест к кресту. Нет никакой тропинки. Открыли новое кладбище на Варфоломеевской горе, однако никто не спешит хоронить там своих близких, – разъясняет племянница Мария, прозванная Мыслушкой.

– Ты ничего не сказала мне о доме, Мария.

– Мы долго ждали вашего возвращения, но, увидев, что вы так долго задерживаетесь с возвращением, мы ваш дом продали. К деньгам не притронулись. Целехоньки они. Лежат на почте. Растут проценты...

– И кому вы продали? Может, куплю его обратно?

– Не отдадут, потому как уже поменяли крышу.

– Видел. А я-то подумал, брат позаботился об этом.

– Мы это сделали, то есть продали дом, по настоянию председателя сельсовета Туфэникэ. Он нам сказал, что вся страна поднята на ноги и ищет вас, так как вы надругались над именем Сталина.

– А вы ему не сказали, что Сталин умер в марте 1953 года?

– Сталина не стало, но его душа переселилась в Туфэникэ.

– И я, старый дурак, когда отправлялся искать сына Думитру, почему-то твердо верил, что только Сталин может меня понять и помочь. Да мы тут разговорились, а этим людям не с руки столько времени стоять на ногах.

– А вы, дед Дан, простите меня, очень прошу простить меня, так как с моим мужем придурком не можем взять вас к нам в дом.

Гаваносоая опять толкнула локтем Гафицу:

– Говорила я тебе? Говорила, что не заберет...

Не дождавшись какой-либо реакции со стороны Гафицы, она юркнула в гущу крестов. Дойдя до Гаваноса, с маху вырывает из его рук кадило.

– Ты чего, дура, очумела, что ли?!

– Отдай батюшке кадило, – шепчет ему жена, – разговор к тебе есть.

– Дома поговорим.

– Слышь, не противься!

– Слышу, не пьян!

– Я хочу тебе что-то сказать...

– Скажи.

– Здесь не место.

– Ты хочешь сказать мне что-то в алтаре?

– Ты прекрасно знаешь, что женщины не могут заходить в алтарь.

- Тогда давай пойдем в клирос.
- Пошли. Ты думаешь, я боюсь.
- Знаю, что смелая. Только стемнеет, подпори изнутри дверь бревном и не выходи наружу, пока не рассветет.
- Муженек, да отдай ты кадило, а то разорусь, и узнают даже мертвые, что ты за фрукт.
- Ах, напугала.
- Не в испуге дело. Я о дяде Дану хочу сказать. Мыслушка не хочет его забирать.
- И ты что, самая милостливая нашлась?
- Да, мы его заберем.
- А со мной ты посоветовалась?
- Я сейчас то и делаю, что советуюсь. Чего молчишь? Чего уставился как истукан?
- Потому как ты работаешь в колхозе. И если не выполнишь минимум трудодней, тебе урежут огород.
- Оставь ты огород в покое.
- Будь по-твоему! Но потом не коли мне глаза...
- Пойдем забирать вместе?
- Иди сама... Ты чего не видишь, что я при деле.

Женщина поспешила вернуться во двор церкви. Но коляски тут не было. Выходит со двора на дорогу возле распятия и пускается в бег. Матросы шагают чуть поодаль. Мыслушка толкает коляску. Везет его легко, как ребенка.

- Эй, ты, отойди от коляски!
- Это с чего мне отходить, цакэ (*молд. – почтительное обращение к старшей по возрасту женщине)?
- А не ты ли говорила у церкви, что...
- Видишь ли, передумала. Налью в борщ на кружку больше воды и его накормлю.
- Тут не об этом речь.
- Как-нибудь справимся, все-таки родственники.
- Он живой человек, а мы тут с тобой торги устраиваем. Давай его спросим, с кем он хочет пойти?

Глаза деда Дана утонули в слезах. Были бы у него ноги, он бы не посмотрел вообще в их сторону, но делать нечего. Склоненную голову сабля не берет. Какая дурацкая пословица! Ради чего преклонять голову, если замахиваются на душу, на ее корни, не дают глотка воздуха вздохнуть, ни жизни радоваться, ни умереть. В его случае, думает он, лучше бы бог забрал к себе немедля, чтобы не быть обузой для родственников и села. Жена Гаваноса – баба языкастая и неумная, заполонит все село всякими сплетнями.

- Племяшка, не обижайся, но я пойду к этой женщине, – решил дед.

У Мыслушки чуть не вырвалось: «Баба с возу – кобыле легче!» Но она вовремя прикусила язык.

– Хорошо, тетенька, прямо завтра возвращу ему деньги за дом. Сниму с почты и занесу вам, может, купите ему домик и возьмете на себя заботу о нем.

– Не трудись, Мария. Не ради денег мы его забираем. Это ты скажи кому-нибудь другому, чтобы впустую не растрезвонили об обогащении Диспины Крецу.

«Диспина... Диспина, так ее зовут, – вспомнил дед Дан Мыслу. – Мою племянницу должно звать Диспиной, а не Марией».

Гаваносоя толкает коляску по узкой улочке к своему дому.

15

Мастера, несколько человек, под руководством Дана Мыслу трудятся по ночам украдкой, как лешие. Что верно, дед Дан работать не может. Но он у них за старшего, вроде начальника стройки. Он указывает Алексею Питару и его бригаде, как замесить раствор покрепче.

– Прежде всего, – наставляет он их, – не забудьте разбить в раствор побольше яиц, так как яйца добавляют ему сил, то есть вязкости. Потом начните класть камни, чтобы обеспечить между ними хорошую связку, то есть чтобы верхний камень лег на нижний с ладони в сторону, кладка получится на века.

Это дед поучает их от негодования. Их, мастеров, учить? Да они десятки домов из самана (*молд. – кирпичи, изготовленные из глины вперемешку с соломой) построили. Слава богу, стоят, не развалились еще.

Коляска деда Дана находится на улочке, вдали от лесов, чтобы на голову ненароком не свалился какой-нибудь камень. В его обязанности входит словесная поддержка работающих мастеров. Их обязанность – работать складно и качественно. Одно другому никак не должно мешать.

И старик дал ход своим воспоминаниям издалека.

– Эй, ты, Поклитару, хочешь расскажу тебе о твоём двоюродном брате Григоре.

– Рассказывайте!

– Это было в тридцать восьмом. В один прекрасный день является ко мне боярин Гаврил Афанасиевич Гонцов и просит отдать ему в дочки мою младшую Феодосию, так как бог не дал ему детей. Лучше бы я отдал её тогда, потому что вскоре померла она в раннем возрасте. И говорит мне боярин, что продаст он мне участок земли, который я присмотрел в Сэрдэрень, подешевле, конечно, с условием, что соглашусь, чтобы он удочерил мою Феодосию. Я его отзываю чуть в сторонку.

– Вот, господин Гонцов, у вас пять пальцев на руке. И если бы бог попросил, чтобы вы ему уступили один палец, вы бы от которого отказались?

– Я бы ему ни одного не уступил, – горделиво ответил барин.

– Я тоже не могу уступить вам мою кровинушку, потому что она моя плоть, а участок вы мне и так продадите. Лучшего покупателя, чем я, вам не сыскать.

Боярин сдался и назначил день оформления сделки у нотариуса.

Когда подошло время, помню, было это во вторник, запряг я лошадей и поехал в город. По пути в Валя Раюлуй встречаю твоего двоюродного брата Григоре, кстати, моего племянника. Спрашивает, куда это я собрался спозаранку. Я ему говорю, что еду к боярину Гонцову насчет покупки земли в Сэрдэрень. Григоре интересуется и тем, о чем в конце говорит:

– А к моему двоюродному брату давно заходил?

– Не давеча как вчера с ним виделся. Его повысили в должности, дали ему звание капрала (*младшее воинское звание). Вот только после того взрыва иногда охватывает его дрожь. Остальное как будто все в порядке.

– Да? – говорит Григоре, – сдаётся мне, что у него не все так прекрасно, как утверждаете. Как бы что плохое с ним не случилось. Просто приснился мне сон, плохой сон. Как будто ваш Ионел скакал на черном коне, на том самом коне, что утонул в болоте. Конь все скачет и скачет, и Ионелу его не остановить. И ведет конь Ионела к этому болоту.

Я, не дожидаясь конца его рассказа, подхлестал лошадей и напрямик в казармы, что у Скулянской рогатки, к «Семерым охотникам», где Ионел служил кавалеристом.

К боярину Гонцову я так и не поехал. Доехав до Скулянки, встречаю Ионела, дежурившего у ворот казармы. Тот, не дав мне и рта открыть, стал меня бранить:

– Ты чего, батя, не далее, как вчера, навещал меня. Что это тебя сегодня принесло?

Я ему рассказываю все по порядку, от чего прискакал по тревоге. Он закатывается со смеху.

– Надул тебя Григоре, ой как надул. Обвел вокруг пальца словно младенца. Так знай, земля уже продана. Это же для тебя не впервые. Припоминаешь случай, когда ты торговался с господином Кочумеем? Тогда он вернул тебе задаток, а Григоре опередил тебя, предложив за землю большую цену. Он знал, что тебе больше нечего продавать, чтобы добыть больше денег. Ты, чтобы не упустить сделку, кинулся тогда занимать деньги в долг, предложил урожай овса на три года вперед господину Лейбе. Примерно на три пары волов надул тебя двоюродный брат.

На сей раз мне и впрямь нечего было продавать, разве что дырявые штаны, оставшиеся на мне. Когда я добрался до дома боярина Гонцова, его жена госпожа Анисия Варфоломеевна рассказала мне всю правду. И даже успокоила. Посоветовала не брать близко к сердцу. Хорошо, что землю купил Григоре, потому что ожидается смена власти в государстве. И тех, у кого в наличии больше десяти гектаров земли, запишут в кулаки, и им несдобровать.

Так оно и вышло. Но я хотел другое о нем рассказать. Этот Григоре – сущий дьявол! Нравилась ему Аница, вам неоткуда её знать. Как только видел, что она отправляется пасти корову, он тотчас пускался ей вслед. Родители Аницы, которым было не больше шестидесяти, стерегли её, как могли, от назойливых ухажеров. И боже упаси, чтобы кто-то из них осмелился подойти к её дому.

Однажды мать Аницы Александра, выйдя на крыльцо, подозвала к себе мужа:

– Василе, а наша Аница пасет корову с девушкой постарше. Кто это может быть?

Василе долго всматривается вдаль, но так как страдал дальновзоркостью, отвечает:

– Наверно, это Нуца, дочь Пасата.

С этой ей можно разговаривать, она из хорошей семьи, – соглашается Александра.

Корова возвращается домой, все были довольны. Только к осени Аница стала поправляться, даже округляться. И сколько её ни били, сколько ни крутили, она не выдала имени своего соблазнителя. Какой

стыд был для родителей. Она была первой девушкой в селе, внебрачно зачавшей. Из-за побоев она потеряла беременность. И ее отправили в женский монастырь каяться. Этот монастырь был за семью селами от Мовилень. А Григораш, переодеваясь в женское платье, надев на голову платок, под видом сестры часто навещался к Анице под предлогом того, что привозит ей продукты. Во время поста – постные, в остальное время что-то повкуснее, мясное. Он не нарушал канонов святой обители. Старцам нравилась эта молчаливая сестренка, смиренная и скромная. Они даже предложили ей постричься в монахини, на что та только мотнула головой в знак нерешительности. Никто никогда не слышал в монастыре ее голоса, кроме Аницы. Если «сестра» припозднилась, то ей разрешали оставаться у Аницы на ночь. И Аница опять забеременела прямо в стенах святой обители. Ее с треском прогнали домой. Но и на этот раз она не выдала имени отца будущего ребенка. Таков уж уродился этот Григоре Поклитару, проскользнет как змея незаметно даже через ушко швейной иглы, и никто ни в чем его не заподозрит.

Вы не знаете, а я вот знаю, что он и с ворами был связан, грабил людей на большой дороге. А во время войны взялся переправлять евреев через Прут, но как только заводил их в лес, тут же грабил, выбивал им даже золотые зубы.

Антихрист и только!

Строители одним ухом слушали деда, а другим прислушивались к шуму снаружи. И мастерок в их руках вертелся пуще юлы.

Они имели в запасе две недели. Ни одного дня больше. Они возводили стены новой каменной церкви внутри старой деревянной. Они спешили поближе положить ряд белого камня, чтобы потом начать разборку бревен снаружи. И тогда богоугодное творение их рук воссияет перед глазами односельчан во всей неповторимой красе. Чтобы перед ним оказался бессильным даже бульдозер, чтобы его не разрушили ни дождь, ни ветер. Чего тут?! Люди строили новую церковь, так как старая была не по нутру председателю сельсовета Туфэникэ.

Да и новая не пришлась ему по сердцу. Как только он пронюхал о ее строительстве, рассвирепел пуще зверя и поднял переполох на все село. Он угрожал сельчанам, что заново сошлет их в Сибирь, после этого не видать им солнца вовек, а «сибиряки» только втихаря посмеялись над ним, мол, пробьет и твой час, Туфэникэ, сочтемся. И сказали бы ему в лицо, что они там, в Сибири, не растеряли своего человеческого обличия и остались людьми наперекор врагам. Но это все равно не проняло бы сердце председателя.

Туфэникэ не ведал, что дни его сочтены. Ему оставалось прожить на белом свете дня три-четыре, так как женщина со светлыми волосами цвета спелых колосьев столкнулась лицом к лицу в большом городе с Горе Бодей, которого якобы придушила ремнем. Он оказывается живым и невредимым. Бедная актриса, не ведая, расправилась тогда с его двойником. И вот он ее признал. Она спешно затерялась в толпе, канув в уличном муравейнике. Но как только убедилась, что за ней нет никакой слежки, она сразу же обратилась в милицию и рассказала все, что знала о Бодее и Туфэникэ.

Председатель из Мовилень, учуяв, что его конец близок, побрился, переоделся во все новое и подо-звал Елизабет. Он попросил принести ему свежей водички из колодца Игната. И когда она шла по дороге в Дялул Фынтынилор, он нажал на курок своего охотничьего оружия большим пальцем правой ноги и...

Когда его везли на кладбище, со двора только отстроенной каменной церкви вышел дед Дан Мыслу, которого вез в коляске сын его двоюродной сестры.

– Остановитесь хотя бы перед церковью, как-никак он тоже родился христианином, – вымолвил ка-лека.

На что могильщики ответили резким взмахом носилок и понесли его дальше, без остановки до самого кладбища.

Но там его похоронили не рядом со всеми. А поодаль – возле тех немногочисленных умалишенных, покончивших жизнь самоубийством.

(город Горький – Нижний Новгород 1964-1966 гг., село Колоница, 1988 г.)

Александр КУРОЧКИН

Родился в 1974 году в Кишинёве, где проживает и по сегодняшнему дню. Окончил Кишинёвский политехнический институт и Государственный Славянский университет. Пишет давно. Но серьёзно заниматься поэзией начал несколько лет назад. В 2011 году был опубликован в коллективном сборнике поэтов России и СНГ «Серебряных слов волшебный родник».

Попутчица

Поезд тронется медленно-медленно,
Потихоньку качая вагон,
За окном проплывёт жизнь вокзальная,
И фонарь, освещая перрон.

Поезд ход набирает уверенно,
И по рельсам колёса стучат.
Бесконечно и очень размеренно
Километры дороги стучат.

В полумраке вагона нечаянно
Ты уснёшь у меня на плече,
Не закончив рассказа печального,
Как дитя, улыбаясь во сне.

И окно на ходу приоткроется,
Ветер свежесть ночную внесёт,
Разметает вокруг твои волосы
И опустит их мне на лицо.

Суета постепенно уляжется,
Смолкнут шум, детский плач, пьяный смех,
И седой проводник спать завалится,
По привычке закрывшись от всех.

А под утро, накрыв тебя ласково,
Не спеша я покину вагон,
Спи, попутчица, ждёт тебя станция,
Твой родной и далёкий перрон.

* * *

Ветер попутно надул паруса,
Чайки кружат над водой,
Бьется о берег морская волна,
Манит меня шум прибоя.

Раннее утро, холодный песок,
Ветер ласкает прохладой,
Вот и рассвет, из-за моря встаёт
Солнышко огненным шаром.

Стая дельфинов плывёт вдалеке,
Спины теплу подставляя.
Рыбки резвятся в холодной воде,
Словно друг с другом играя.

Каждое утро и каждый рассвет
Я возле моря встречаю,
В мире момента прекраснее нет,
Чем тот, когда день наступает.

* * *

Настроены струны, написана песня,
Но только гитара молчит.
Безжизненно тело, опущены руки,
И пальцы не трогают гриф.

И как-то не весело, но и не грустно,
Во взгляде сквозит пустота,
Видно, настала прощанья минута,
Поставлена кем-то черта.

Душа не ликует, не рвётся, не мечет,
Не плачет, не ждёт никого,
Написаны строчки, сложились куплеты,
А дальше совсем ничего.

Пройтись бы по струнам, да чтоб с перебором,
Но пальцы не чувствуют гриф,
Пропеть бы куплеты, да так, чтоб с задором,
Но голос сорвался на хрип.

Галина ЗГИБАРЦЭ

Родилась в 1961 году в г. Оргееве. С 1969 года проживает в г. Кишиневе. Образование – высшее экономическое, окончила Кишиневский Государственный университет в 1982 году. Работает экономистом в Национальном банке РМ. Первые стихи написала в апреле 2012 года.

* * *

Ищет время свое племя
И шлифует бриллиант,
На рожденья и затмения
Тратит время свой талант.
Ускоряет ход событий,
Уточняет день открытий,
Корректирует слова,
Собирает голоса.
Время делает прогноз
На неделю, и мороз
Обновляет календарь
На столетье, и февраль,
Распустив электорат
Не забудет про мандат
И напомнит про ботинки
На шнурках и паутинки.
Ходит время по пятам
За лентяем тут и там,
С легкой солнечной руки
Зажигает маяки
И заводит хоровод
От Купалы до ворот.
Время празднует победы
И большие перемены,
Изучает ренессанс
И вступает в декаданс,
Устанавливает сроки
На удачу, и пороки
Ложь развенчивает в мифах,
Пропадает в древних скитах.
Время поднимает страны
И залечивает раны,
Разгоняет облака
И возносит в небеса.
Время держит нас на пульсе,
Наши мысли в нужном русле.

В этом сила продвиженья
И задача ускоренья,
Быть со временем на равных,
Позабывшись о главном.

* * *

Старый дом, закрыты ставни,
Нет в нем света и тепла.
У души моей отважной
Увлажняются глаза.
Я смотрю на дом унылый,
Искру жизни в нем ищу
Подорожник – страж сонливый,
Покосился на тропу.
Старый сон, опять ступени –
Крутизну не одолеть.
На пролетах дней забвенья
Мне не хочется стареть.
Старый том – открытый гений,
Строит храм который год.
Строк стекающее время
Измеряет мыслей ход.
Старый Бог – любви горенье,
Непочатая страда
Я в молитве возрожденья
Проведу остаток дня.
Старый ком – весны веленье,
Пробудившись ото сна,
Призову поток творения
Радугой пронзив века.

* * *

Что случилось в небесах? –
Возмутилось небо!
Молнии слепой разряд
Сотрясает тело
На земле следов не счастье

Огненных снарядов,
 Люди сжались в скорлупе
 Хрупкой без пощады.
 Что на небо им смотреть
 И молиться Богу?
 Страшных бед не одолеть
 Без любви к живому.
 Над погодой колдовать
 Будут экстрасенсы
 Мир к покою призывать
 В трансе повсеместном.
 Годовой запас любви
 Посылают Богу,
 Порчу пробуют свести
 С пышного чертога.
 Где встречаются мечты
 С верною надеждой
 И прославлены дары
 Жизни безмятежной,
 Где вершинами пестрит
 Звездная дорога,
 А младенец голосит
 Истину от Бога.

* * *

Стихи не терпят суеты,
 Стихи не терпят фальши.
 В ответ на дерзость темноты
 Они слагались раньше.
 Любви и солнечной мечты
 Полна душа поэта.
 И в дар прекрасные стихи
 Он получил для света.
 Чем выше дух,
 Тем тверже стих,
 Ему нужна отвага.
 Бросая вызов, он творит,
 Не прерывая шага.
 Пусть – жизнь не мед
 Зло – через край,
 И мы в грехах повязли.
 Стихом мы приближаем рай,
 Который был однажды.
 Пришла нужда, он не молчит,
 И тем слова дороже.
 Тому, кто верит, он простит
 И страхи и тревоги
 В законе чести как льстецы
 Он истины не правит.
 И в зоне чистой доброты
 Всю красоту проявит
 И длинный путь проложит он
 От рельсов до тропинки,
 В романсе чувств сердечный тон
 Прострочит без заминки.
 И есть в нем радость и задор,

И мудрости парады.
 На поле слова – Командор,
 И лучше нет награды!

* * *

Мои мысли не зависли,
 Не затерты и слова,
 В тишине простые мысли
 Проявляют голоса.
 Ходят мысли на работу
 Без доплаты за навал
 И удерживают квоту
 На читательский запал.
 Где труднее и больнее
 Пробиваются слова,
 Устранить затор сумеет
 Лишь пустая голова.
 Ошибаются и мысли,
 Когда правит темнота,
 Мудрость призывает к жизни
 Мои светлые слова.
 Отдыхают мои мысли,
 Когда кончится урок,
 Очищаясь от корысти,
 Знают мысли свой порог.
 Мыслей дальние маршруты
 Поднимают якоря
 Как победные салюты
 Они чествуют меня.
 Мыслей чистых и правдивых
 Не иссякнет доброта,
 Нет дороже слов любимых,
 Открывающих сердца.

* * *

Я украдкой на тебя посмотрю
 И душою опять оттаю.
 Я улыбку твою люблю
 Даже если тебя не знаю.
 Я рукою к губам прикоснусь
 И слова твои повторяю,
 И в пустую квартиру вернусь,
 Где тоска моя обитает.
 Я в комок неживой свернусь
 В темноте, как отшельник убогий,
 И в болезни себя корю
 У лекарства рецепт не новый.
 Я из сердца свой страх достаю
 Как занозу, застыв от боли,
 И слезой проведу по шву
 Вместо раны, судьбу открою,
 Свою женскую долю – судьбу,
 Одинокую и непростую,
 Без которой уже не могу
 И к другой уже не ревную.

Анна КОЗЫРИНА

Родилась 16 апреля 1988 года в г. Тирасполе. До 2000 года училась в средней школе №8, затем перешла в Республиканский Украинский Теоретический лицей. С 2004 по 2009 г. обучалась в Приднестровском Государственном Университете им. Т.Г. Шевченко на специальности «преподаватель английского и французского языков». В течение трёх лет работала в МОУ ТСШ №8 и Первомайской СОШ №1 учителем английского языка. Поэзией занимается с детских лет.

Затёртые рифмы

Поверив последним лучам заката,
Пара поздних кровавых роз
В мире, осенним покоем объятom,
Проснулась для жизни и грёз.

Глядели на небо цвета сапфира,
Шептались о чувствах своих.
Им были защитой от грубого мира
Лишь восемь шипов на двоих.

Но ветер принёс им тучи и холод,
Жгучий холод ранней зимы.
Он повеял на тех, кто был молод,
Кто любил, как любили мы.

Капли серебряной едкой ртути –
Иней на мёртвых цветах.
Счастье так мимолётно по сути,
Красота обратится в прах.

Я дышу на замёрзшие краски,
От дыхания пар идёт.
От моей запоздалой ласки
Тает красного бархата лёд...

Жизнью чужою твой дом наполнен,
В глазах – нерешённый вопрос.
Я несу тебе в тёплых ладонях
Пригоршню крови и слёз.

* * *

В кукольном театре
Погасили свет.
Я верчусь в кровати,
Только сна всё нет.

Сколько я роптала:
«Кукловод, ты зол!»
Помнится, сбегала.
Ты меня нашёл.

Не было скандала,
Не было битья.
Недоумевала –
Ты простил меня?

Как неблагодарно
Вещь себя вела,
Сколько слов кошмарных,
Гнева, грязи, зла!

Прошептал мне жарко,
За руку ведя:
«Ты не вещь, бунтарка,
Ты Мне как дитя».

Верю, что услышишь...
Впредь веди меня!
Ты мудрей и выше.
Се, раба Твоя!

* * *

Отпущу печаль
На четыре стороны!
Пусть дымится даль,
Небо режут вороны;
Пусть под вой дворян
Ветер хлопнет ставнею
И несёт сквозняк
В душу боль недавнюю.
Ива у реки
Пусть рыдает,

Плакальщица,
Старые грехи
Омывает.
Падалщица –
Серая тоска
Осквернить не сможет
Клятву на века:
Быть с Тобю, Боже!
Пред иконой слёзно
Стану я просить...
Ведь ещё не поздно
Грешницу простить?

Дар

Ты оставил мне ларь бесценный,
В мире лучшего не сыскать.
Покидая мир этот бренный,
Я могу клад с собой забрать.

Твой подарок всегда со мною,
Не страшны ему ржа и тлен,
Я его ото всех глаз скрою –
Не отнимет ни вор, ни плен.

У сокровищ моих нет веса,
И камням не нужен свет –
На браслетах, колье, подвесках
Блещут искры ушедших лет.

Горсть больших голубых топазов –
Нежных взглядов твоих следы.
Жемчуга мне напомнят сразу,
Как легко улыбался ты.

Мир вещей скоро будет сломан,
Ты же знал, что навек дарить...
А брильянт, что венчал корону, –
Ты меня научил парить.

* * *

Написав своё имя
У самой кромки воды
На мокром песке,
Я наблюдаю,
Как вода накрывает меня.
Раз за разом я отдаю часть себя.
Меня всё меньше.
Наступит момент, когда
На суше от меня ничего не останется.
Я сольюсь с бесконечным океаном.
Закатится уставшее солнце.
И чайка жалобно провозгласит мой переход.

* * *

Опаловый туман заволакивает
Поржавевшие пятнами опустевшие поля,
Оплетает липкой белёсой сетью
Стволы полунагих деревьев,
Чьи разлапистые когтистые кроны
Зависают призраками между небом и землёй,
А их скорченные ветви
До слёз дырявят низкие тучи.
Монотонный свист ветра убаюкивает душу.
Осень выпивает по капле яркие краски из жизни,
Сжимает холодными пальцами сердце,
Тянет в неудобные объятия безразличия,
Скуки, покоя и глубочайшего сна...
А будут ли там сны?
И проснусь ли я?

* * *

И дыханье совсем не сбивается,
Нет смущенья, боли, вины,
Мне и днём о тебе не мечтается,
И ночей не порочат сны.

Нет скучаний, разлук или ревности,
Нет обязанностей, долгов,
Нет обычной женской манерности –
Нет сомнений, что есть любовь.

И при встрече не станет горько,
Что не быть никогда вдвоём,
Обниму тебя ровно настолько,
Чтоб услышать сердце твоё.

Нежность

На прощанье спокойно пожать тебе руку,
Не подняв опечаленных глаз.
Лишь мгновенье осталось до нашей разлуки –
Нет, не будет, и не было «нас».

Сохранить навсегда радость дружеской встречи,
Утопающий в зелени парк,
Помнить тёплый июльский единственный вечер,
Твои песни и голос гитар.

Как забыть образ твой, словно сотканный светом,
Южный ветер в твоих волосах?
Ты – любимое чадо свободы и лета,
С тёплым небом в глубоких глазах.

На прощанье обнять – невесомо и нежно,
Молча счастья тебе пожелать,
Опустить взор предательски-влажный поспешно
И «спасибо» тихонько сказать.

Эраст ВОЛЯНСКИЙ

С 18 лет работает на телевидении. Теперь оно называется так: Общественная компания «Телерадио-Молдова». По приглашению Центрального Телевидения СССР участвовал как телеоператор в освещении Олимпийских игр (1980) и Всемирного фестиваля молодёжи и студентов (1985) в Москве. Поэзией увлекается давно.

Реплика к одному стихотворению...

А знаешь что? Зеленоглазка!
Жизнь это. Ну... совсем не сказка .
Но это точно Мир Чудес.
С тобой ли... или даже без.

А у тебя есть руки, ноги.
С тобой и Ангелы и Боги.
Но ты не видишь их в упор.
А «личный Ад» – какой-то вздор.

Чего желаешь – то пожнёшь.
И в Ад и Рай легко войдёшь
Ты, есть приёмник, лишь настрой.
И Бог Любовь всегда с тобой!

Иду по узенькой тропе

Иду по узенькой тропе,
Не рвусь к проторенной дороге.
А если окажусь в толпе,
Мой дом, к нему уносят ноги.

Там и цветы и травостой,
Дерев приветливая крона.
А воздух терпкий и густой
И ветра дочь – здесь Анемона.

Приходит в трепет вдруг она,
Коль ветерок её коснётся,
То спрячет лепестки сама,
Сама же вдруг и развернётся.

Люблю ковёр из анемон.
Все краски собирает он.
Мой дом. Мой двор. Дорожек ряд.
Зелёный и уютный сад.

И даже ранний листопад
Как жёлтый праздничный наряд.

Бабочки и сумрак синий

Бабочки и сумрак синий,
И туманная печаль.
Взгляд куда-то уносимый,
В неизведанную даль.

Это было. Это будет.
Странен, право, человек.
Но скажите? Кто осудит
В наш железобетонный век.

Если бабочки кружатся
И летят за красотой,
Если хочет отражаться
Купол неба золотой,

Если тонкие печали
Как вуаль на лик легли,
Если было б всё вначале,
Как бы мы любить могли.

Ты знаешь...

Ты знаешь – я тебя виню,
Не для побития. Камней
Я просто так не уроню,
Но что-то есть меня сильней.

Прощать? Прощу. И вновь. И вновь.
Иду к тому, чтобы прощать
И ревновать, смиряя боль,
Жалеть. Беситься. Укрощать.

А на тебе одна вина.
На гнев – всегда любви ответ.
А на тебе одна вина.
Греха-то не было и нет!

Уйди...

Уйди. Уходи. Побыстрее. И прочь.
Бессонная. Длинная. Хмурая ночь.

Совсем уж связала меня по рукам.
Но я ей свободы своей не отдам.

В пустотах блуждающей волчьей тоски.
Мне сердце стучится всё громче в виски.

Скорей уходи. Не гляди на меня
Неоновый сгусток ночного огня.

Страстям и желаниям преданный раб,
А всё потому, что безволен и слаб.

Отдал бы все страхи ночному огню .
И солнцу молился . И светлomu дню .

Но сумрак . И ночь . И я снова бегу.
Такую судьбу не желал бы – врагу.

Вот я. Вот земля. Я у тёмной воды.
С тоской вековой ожидаю беды.

И нет никого, кто мне смог бы помочь.
И тёмной волной надвигается ночь.

Я буду куда-то бежать и кричать ,
Ах если бы, жизнь, тебя снова начать ...

Безумие!

Не первый. Не первый.
И. Не. Последний.
Идут. Изгаляются.
Мнут. И метут.
Стоит. Этот. Бедный. Наивный. В передней.
А те, как слепые,
Толпами прут.

Есть эти. Ну эти. Поняття.
Кровь тоже.
В плену. Под жгутом.
На повисшей руке.

Ну да, говорите,
Мы сёстры и братья?
В одном. Как в корыте.
В одном челноке.

Ах! Дальше, чем ближе.
Чем ближе – тем дальше.
Лежите бесстыже
На облаке фальши.

На лестничной клетке.
Кандальные звуки.
Кокетки. Поэтки.
Есть стервы и суки.

Простить? Ну расстройтесь.
Вам ясно. Вам ясно.
Тогда успокойтесь.
Сказал. И напрасно.

Тела есть и души.
Продажи. Проценты.
И праздничный ужин.
Как дар – комплименты.

Вы думали? Знаю.
Есть ключик от золота.
Летаю! Летаю!
Шестая палата.

И всё здесь Шестое.
И страсть от лобзаний.
И чувство такое.
Без мысли и знаний.
Безумие значит.
Тень райского сада.
День новый. И зачат.
Награда!
Награда!

Я сильным мира не обязан

Я сильным мира не обязан,
Ни денег, ни вещей не брал,
Их покровительством не связан
И рук о бизнес не марал.

Есть у меня свои забавы.
Я тем, что есть, уже богат.
Они же правы иль не правы,
А я останусь виноват.

И всё же духом я мятежен.
Во мне свободы вольный нрав.
Могу быть зол. Могу быть нежен
Без наркотических забав.

Я не уютжил джипом трассы,
Не строил дом в три этажа
И не считал рабами массы,
Над золотом спрятанным, дрожа.

Есть у меня простое дело, –
Гордыню в душу не пустить
И жить легко, легко и смело.
А что ещё? Любить! Любить!

Павел КАЗАЧИНСКИЙ

Родился 11 августа 1955 года в селе Артировка Красно-Окнянского района Одесской области Украинской ССР. Окончил Одесский педагогический институт им. К. Д. Ушинского, факультет физического воспитания. В 1977-1979 гг. проходил службу в рядах Советской армии. В 1980-1982 гг. работал учителем физического воспитания в Григориопольской средней школе, в 1983-1996 гг. – в Единецком РОВД в уголовном розыске.

Необычная дружба

Как-то старый Бегемот
Широко раскрыл свой рот,
Позевал он поутру,
В горло запустил Пчелу.

Пчелка по рту полетала,
Мед на зубы разбросала,
Мед на языке запах,
Бегемот сказал лишь: «Ах!»

Рот закрылся вдруг его,
Пчелке стало тяжело,
И темно, и сыро стало:
«Видно, меду ему мало!»

Так подумала Пчела,
Но плохо шли ее дела.
Мокрее тут, во рту, всё больше,
А Бегемот в грязи всё дольше.

Лежит бревном наш Бегемот,
По-прежнему захлопнут рот.
Тут Воробей – поставить пломбу,
Но Бегемот сказал: – Потом!

Услышал Воробей вдруг плач:
– Кто там? Я лечащий здесь врач!
– Да я, – промолвила Пчела,
Я Бегемоту меду принесла!

Тут Воробей-врач приказал,
Чтоб тихо Бегемот лежал.
На белый свет извлек пчелу:
– Тебя на травку положу!

Сказка

Пчела «Благодарю!» сказала
И с облегченьем простонала:
– Как хорошо на свете жить,
Друзьями, солнцем дорожить!

А Бегемот как не живой,
Лишь шире рот открыл он свой.
Всё лакомства ждёт от Пчелы,
Как будто пчёлы ему должны...

Пчела, проснувшись, улетела,
Лишь песня звонкая гудела:
– В долгу я, Воробей-спаситель,
А Бегемот, он же грабитель!

А Бегемоту снился мёд...
Ему наш врач забрался в рот,
Захлопнул пасть злой Бегемот,
И закричать наш врач не может,
И помирать во рту не хочет.

Вот врачу дышать уж нечем:
– Не видать с Пчелой мне встречи!
А Пчелка меду набрала,
Чтоб угостить им Воробья.

Видит, лежит Бегемот,
У него захлопнут рот.
Стала Пчелка вокруг летать,
Воробья-спасителя звать...

Пчелка долго так летала,
Но спасителя не увидела.
На ухо села Бегемоту,
Чтоб узнать, где Воробей имеет еще работу.

Из уха плач доносится глухой,
Пчела узнала Воробья и кричит ему: – Постой!
Сейчас тебя я, миленький, спасу,
И жалить жалом Бегемота по носу.

Бегемот проснулся да как заорет,
Непроизвольно тут открыл он рот.
Изо рта на луг вдруг прыгнул Воробей
И громко крикнул: – Бей его, Пчелка, бей!

Пчела над Бегемотом малость полетала,
Затем с собою Воробья позвала.
Пчела и Воробей в одну беду попали,
И потому они друзьями стали.

Дуг другу стали помогать,
Друг друга в гости стали звать.

Дружно и счастливо они живут,
Больше к Бегемоту не идут,
Пчела и Воробей сделали вывод для себя,
Что с Бегемотом им дружить нельзя!

Чудеса в животном мире

Прыгал Зайчик на снегу
И кричал: «Ку-ка-ре-ку!»
Так недолго он кричал –
Лис из леса прибежал.

Посмотрел туда, сюда,
Нет, не видно петуха.
– Петька, миленький ты мой, –
Лис кричал ему: – Постой!

Я зерна тебе принес
И хочу задать вопрос...
Лису Заяц слушать не хотел,
Он к лесу как ошпаренный летел.

В лесу каждый кустик, бугорок
Его спрятать быстро б смог,
Хвост поджал и в лес он мчится,
А навстречу вдруг Волчица.

– Ты куда, косою, спешишь?
Ты со мной поговоришь?

– Ох, беда мне, кумушка-волчица,
Хитрый лис за мною мчится.

Я бы рад поговорить,
Да мне хочется пожить!
– Я, куманек, овец у деда охраняла,
После дежурства загуляла.

Я сегодня перебрала,
Зато сыта я, не голодна,
Плохо то, что кружится голова,
Видно, куманек, и вправду я пьяна!

Ах, эта хитрая лисица,
Захотела моим кумом поживиться,
Куманек, залезай-ка мне под хвост,
Я лисе задам вопрос.

Тут-то появилась хитрая Лисица,
Путь ей преградила пьяная Волчица.
– Лиса! Ты куда это бежала?
– Заяца скушать я мечтала!

– Ты, пожалуй, сильно опоздала,
Зайца целиком я проглотила,
А он заразный был, ведь это неспроста...
Тут Заяц и чихнул из-под волчьего хвоста.

– Вижу, с тобой случилась вдруг беда,
Я отойду, наверно, от тебя.
Зад чихает сильно твой,
Видать, сильна была у Заяца хворь!

Слушай, кумушка Лисица,
Ты впрямь можешь заразиться,
А может, ты уже больна,
Дай проверю я тебя.

Лиса слова как эти услышала,
Так с перепугу деру дала,
Волчица выла, Заяц чихал,
А Лисицы след пропал...

В животном мире бывают такие чудеса,
Сытая Волчица была хитрее, чем Лиса,
А Заяц цел и жив он до сих пор,
Всё потому, что тоже был хитер!

Сказка

Алла СТУПИНА

В детстве мечтала о том, что буду путешествовать. И верила, мечта может сбыться. Какой же радостью и отдушиной были в это время передачи по телевизору о дальних странствиях, школьная и городские библиотеки. С детства благодарна книге. Сейчас, когда пишу эти строки, сижу на берегу моря. Похоже, это будет дневник. Дневник путешественника. Знакомство с этим побережьем началось почти 50 лет тому назад. Мысли и наблюдения, описание погоды и природных явлений, рассказы о здешних местах, людях, флоре и фауне. Хочу дать жизнь своим воспоминаниям. И наблюдениям сегодняшнего дня. Здесь, у прибоя, чувствую себя счастливой и свободной. Не пытаюсь писать правильно и красиво, чтобы не расшевелить и оттолкнуть читателя старыми песнями.

Директор библиотеки им. Т.Г. Шевченко Л.А. Мога

Море... Я всегда хочу с тобой говорить. Ты летишь не только от болезней. Ещё от человеческого эгоизма, тщеславия, их разрушительной силы. На рассвете иду купаться. Поэтому уже много лет выбираю жильё у самого моря. Не пропустить восход солнца. Вода прозрачная и чистая. Иногда бывает трудно выбраться на берег, когда море беспокойно мечется и сильные волны. Совсем близко от дома, где я живу, вода строит из песка преграды, причудливые мосты. Сама природа создала этот регион для отдыха и лечения. Многие жители Молдовы отдыхают летом у берегов Чёрного моря в Затоке, Одессе, Сергеевке, Приморском. И каждый раз

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Отдыхая, познавай!

К волшебным берегам

открываем для себя эти места впервые. Здесь не только пляжи, рыба и пиво. История, география, богатейшее культурное наследие. Многовековая история Северного Причерноморья – изумительная сокровищница, естественный музей, хранящий тайны тысячелетий. Земля эта овеяна легендами и издавна привлекала людей.

Мы в Затоке. Это удивительное, уникальное место Украины. Песчаная коса протяжённостью более 20 км, омываемая солёными водами Чёрного моря, пресноводным Днестровским и горько-солёным Шаболатским лиманом. Посёлок расположен на песчаной косе шириной 900 м между Чёрным морем и Днестровским лиманом.

Чёрное море по составу и характеру распределения всех живых организмов своеобразно и неповторимо. Ни одно море на Земле не имеет разделения по глубине на две зоны – кислородную (до глубины 150-200 м) и лишённую жизни сероводородную (ниже 200 м), занимающую 87% его водной массы. В распоряжении животных и растений всего 13% объёма воды. Именно в кислородном слое обитают несколько сотен водорослей и более 2500 видов животных. Очень красивы водоросли – зелёные, сине-зелёные, бурые. Не бойтесь их, это чистая вода. Рыбы, медузы, морские черви, личинки моллюсков, раков и «виновница» свечения моря – одноклеточная ноктилюка.

В мире всё многообразие растений и животных тесно связано друг с другом и составляет единую экологическую систему. Ни одно звено из неё не может быть изъято без существенного вреда для других, и численность и здоровье каждого из видов определяются этими же показателями для других видов, так как в море существует единая пищевая цепь. Люди моего поколения, а также молодёжь, читающая книги, помнят роман А. Беляева «Человек-амфибия». А когда вышел фильм по роману писателя-фантаста, мы, школьники, смотрели его несколько раз и пели песни из кинокартины. Мюзыку для фильма написал молодой тогда композитор Андрей Петров, для которого эта работа была дебютом в кино. Люди хотели видеть не только заводы и колхозные будни, а ещё и волшебный подводный мир, не только хищников, которых немало и на суше, а доброжелательных и миролюбивых существ. О них можно говорить бесконечно, потому что их великое множество. Но с кем мы встречаемся у этих берегов чаще всего? Чёрное море населяют дельфины. Кто из нас их не видел хотя бы однажды? Обитатели дельфинариев, океанари-

ев работают на науку. Высокоталантливые актёры зрелищных представлений трудятся для публики. Им восторженно аплодируют дети и взрослые. Прыжки через охваченные огнём обручи, пение под аккомпанемент, игра в футбол, бейсбол, баскетбол, катание собак на плотиках. Это обученные дельфины. Но даже недрессированные ведут себя раскованно и непосредственно. Дразнят рыб, хватая их за хвост, ныряют за разными предме-

Мемориал воинской славы Белгород-Днестровский

тами, и, случается, швыряются ими же в людей. Дельфинов нельзя наказывать. Дрессировщик просто перестаёт для них существовать. Только ласка и поощрение. Дельфины являют собой образец высочайшей приспособленности к водной стихии. Живут 25-30 лет. Вес – 130-300 кг. К передвижению в воде приспособлены гораздо лучше рыб. Передние плавники служат дельфину рулями глубины, поворотов и тормозами. Горизонтально расположенный хвостовой плавник не что иное, как мощный гребной винт, благодаря которому дельфин достигает большой скорости, подолгу сопровождая морские суда. Скорость передвижения дельфина может достигать 60-68 км в час. Органов обоняния дельфины не имеют, зато зрение и слух отменные. Даже едва слышный удар о воду дробинки диаметром 2,5 мм или едва различимый всплеск привлекают их к источнику шума. Питаются дельфины рыбой, моллюсками. Обнаруживают добычу на расстоянии до 3 км, ныряют за ней на глубину 200-300 м. Дышат атмосферным воздухом, периодически поднимаясь на поверхность. На голове расположено отверстие (дыхало), плотно закрываемое под водой клапаном. Одновременно это и орган звуковой сигнализации. Спят дельфины в полуметре от поверхности воды, опустив вниз хвост и периодически открывая и закрывая глаза. Болеют теми же болезнями, что и человек, начиная от рака, диабета, нервных и психических расстройств до инсуль-

та и инфаркта. Образ жизни у дельфинов стадный. Основой стада является семья. Глава стада – наиболее крупная и сильная самка. Физическая сила дельфинов поразительна. Одним взмахом хвоста они могут не только искалечить, но даже убить человека. Крупных акул в тропических морях они, собравшись компанией, легко разрывают на части. Однако ни одного враждебного движения по отношению к человеку замечено не было. Даже если вы будете его лечить, обрабатывать кожу, делать инъекции, он всё примет как должное, с большим терпением. Любопытен язык дельфинов. Язык жестов – прыжки, позы, повороты и звуковая сигнализация – щебет, жужжание, писк, свист. Сигналы боли, тревоги, приветствия.

Как часто мне приходилось встречаться с этими прекрасными животными. И в этот раз неоднократно, но больше всего повезло в один день, когда, уплыв подальше от берега, вдруг обратила внимание на обратном пути, что на пляже что-то не так. Потом поняла: все лежали, а теперь стоят и смотрят в сторону моря. Передо мной ничего интересного не было, да и сама я уже не могу представлять объект особого внимания. И тогда, обернувшись назад, я увидела двух дельфинов. Знаю, вреда человеку они не причиняют. И всё же испугалась, пыталась «убеждать». Потом самой же было смешно. Видимо, смеялись и дельфины. Рядом высунулась из воды мокрая улыбающаяся физиономия. Значит, рассказы о дельфинах-помощниках рыбаков, дельфинах-спасателях правдивы. А история о дельфинах-партнёрах в игре произошла со мной и моими близкими летом 1970 года в селе Малореченское в Крыму. Она осталась незабываемой. Дельфин собирал в круг плавающих людей и выныривал в центре. А затем очень бережно катал всех на себе. Однако не стоит абсолютизировать миролюбивых животных, даже когда их отношение к человеку вполне очевидно. Не забывать, что мы гости морского царства.

Приходилось видеть и выбросившегося из моря дельфина. Значит, он ждёт помощи от нас, разумных и добрых. Нельзя тащить дельфина к морю волоком, толкать, перетаскивать. Кожа у него нежная, густо пронизанная кровеносными сосудами и нервными окончаниями. Нужно осторожно помочь, дать возможность полежать в воде на мелководье, где он сможет справиться с шоковым состоянием.

Попав в море, мы невольно вступаем в контакт с его исконными обитателями. И часто наше здоровье подвергается опасности лишь потому, что мы совершаем ошибки. Чтобы их избежать, нужно стараться познать море и его обитателей и трезво оценить свои возможности.

Многие морские обитатели отличаются изящной формой и пёстрой расцветкой. Но пусть вас не обманывает их внешняя привлекательность. Не раз, прельстившись красотой, люди получали тяжёлые ожоги или травмы, отравления. При плавании нужно остерегаться прикосновения к медузам, многие из них опасны. У побережья Одессы в июле этого года вода не соответствовала требованиям теплолюбивых курортников. Кроме дискомфорта холодное течение спровоцировало появление больших синих медуз. «В нашем море водятся два вида медуз – белые ушастые аурелии и сине-фиолетовые корнероты», – объясняет эколог Владимир Владимирович Немерцалов. Большой опасности они не представляют, но, если человек соприкоснётся с ядовитыми щупальцами, может пораниться. При самом неприятном сценарии это будет ожог первой степени, который особенно тяжело переносят дети. Кажется, зачем повторять очевидное. Мы ведь всё это знаем давно. Но, судя по наблюдениям, позвольте усомниться. Берег в эти два дня напоминал капустные грядки. Взрослые ловили крупных медуз и несли их, потерявших форму и изуродованных, чтобы показать детям. Отдыхающая Дарья Соломенцева рассказала, что мальчик лет десяти, выловив медузу и положив её в ведро, пытался продать улов пляжникам за 100 гривен. А ведь у медузы есть свой дом – море, и там можно полюбоваться ею во всей красе.

Медуза корнерот – самая крупная в Чёрном и Средиземном морях. Она может достигать 50-60 см в диаметре и весить восемь-десять килограммов. Медузу ещё называют «морская крапива», или «жгучка». Корнерот помогает выжить в море малькам рыб, которые прячутся под его зонтиком от хищников. В Японии, Корее и Китае из неё готовят блюда, а из яда производят лекарства для лечения лёгочных болезней и регулирования кровяного давления.

Море щедро одаривает человека здоровой и вкусной пищей. Это мидии, кальмары, креветки, морские гребешки, рыба. Но будьте осторожны, не проявляйте чрезмерной инициативы. Непривычная для нас еда даже в свежем виде и качественная не раз становилась причиной неприятностей. От дегустации местных деликатесов удержаться невозможно. Мысли о диете оставим. Но всё же начнём с маленьких порций. А что стоит рыба! Популярнейшее развлечение – рыбалка. А кому этот вид досуга недоступен – идёт к прилавкам местного рынка. Он богат и разнообразен. Место, от которого приходят в восторг гурманы. Крытый павильон, где есть всё – зелень, овощи, фрукты, вино, домашнее сало, соленья, мясо. Это огромный магазин, где

есть и крупы, сахар, воды, соки и многое другое. Мы посещали его регулярно и успели за эти годы познакомиться с теми, кто здесь работает.

Лето – пора пикников. По традиции здесь делают шашлычки из мидий, куриного филе, говяжьей и свиной вырезки. Вариантов приготовления шашлыка очень много. Запекают также овощи – синие баклажаны, помидоры, перец, лук. Всё это запивают великолепными винами. И, может быть, у вас возникнет желание побывать в Шабо, совершить путешествие во времени на 200 лет назад, когда швейцарские переселенцы посадили там первый

Историко-краеведческий музей Белгород-Днестровский, А. Стулина

виноградник. Узнайте о том, что Шабо находится на одной географической широте с регионами Бордо и Бургундия. В разных странах мира на этой широте виноделы создают Великие Вина.

Где вино – там и виноград. Даже нам, жителям Молдовы, очень нравятся здешние сорта винограда по хорошо запоминающемуся признаку – отсутствию семян. Это медово-сладкие кишмиши – чёрный и белый. Видимо-невидимо персиков. Эти сладкие ароматные плоды можно купить в посёлке Затока и приморских городах. Волшебный фрукт, дающий прилив положительных эмоций, хорошее настроение. Так что не стоит есть только заморские фрукты.

Особо нужно сказать о сладких блюдах, выпечке, десерте. Годы летят незаметно. К хорошему привыкаешь быстро. И снова на пляже в Затоке

мы видим знакомые лица. А рядом с ними молодое поколение, помощники, которые незаметно стали взрослыми. С подносом медовой пахлавы неизменно появляется Ваня, его знают все, кто бывает в Затоке на пляже. Надо отдать должное всем неутомимым труженикам — маленьким и взрослым, которые разносят в жару охлаждённые фрукты, напитки, горячие чебуреки, самсу. Всё это свежее и вкусно приготовленное. Малышам хочется беззаботно загорать на пляже. А людям старшего поколения не мешало бы отдохнуть. Но они работают. И мы поможем им и себе, если к вечеру море будет качать в волнах водоросли, а не объедки и прочий мусор. Уже на рассвете по пляжам деловито снуют уборщики из местных — собирают в огромные мешки оставленное купальщиками. Каждое утро песок чистит трактор. И так день за днём. А вечером снова загорается в жаровнях древесный уголь, шипит на стальных решётках мясо, уходит в небо ароматный дым.

Центральная аллея, ведущая к пляжу в Затоке, уставлена барами, ресторанчиками, лотками торговцев. Есть в Затоке кинозалы, компьютерные и интернет-клубы, где досуг могут провести и взрослые и дети. К вашим услугам водные горки, батуты, а в море — водные велосипеды, «бананы». Предлагается широкий выбор экскурсионных программ. На центральной аллее менеджер по туризму Валентина Ивановна Набокова предложила маршруты экскурсий. «Я вам советую, а вы делайте свой выбор». И выбор немалый, как здесь, так и у других представителей экскурсионных фирм. Нам предложили морскую рыбалку, теплоходную прогулку по морю с купанием — 2,5 часа, экскурсии «Одесса обзорная плюс музей Шоколада», дегустация «Шабо», Белгород-Днестровская крепость и источник Святого Иоанна Сочавского. И ещё нам очень повезло, потому что в эти дни отмечали свой профессиональный праздник археологи. Большая работа по изучению и систематизации найденного, сохранение раскопов — на всё это нужно огромное количество труда и времени. Более 40 лет прошло с тех пор, как мы с супругом Сергеем работали в пионерских лагерях на побережье. И всегда интересовались историей и теми, кто исследует остатки древних цивилизаций. Палящее солнце, степь, духота. Лагерь Нижнеднестровской археологической экспедиции украинского Института археологии. Это на окраине города Овидиополя, на левом берегу Днестровского лимана. Когда-то Овидиополь назывался Аджидер. Это был «русский противовес» турецкому Аккерману. В создании крепости принимали участие Потёмкин, Суворов, де Рибас, де Воллан.

И в этот раз маршруты экскурсии мы составили самостоятельно, по велению души. Дороги привели в город Белгород-Днестровский — небольшой районный центр Одесской области. Раньше он привлекал внимание многих правителей. История города уходит корнями в глубокую древность. Теперь мы не только отдыхающие у моря, но и туристы, и почитатели старины. Увидим сами, расскажем и покажем детям и внукам. Привезли множество фотографий Белгород-Днестровской крепости, захватывающий фильм и памятные сувениры. На скалистом мысе берега Днестровского лимана, на северо-западной окраине города находятся остатки античного города Тиры, средневекового Белгорода. В богатом историко-архитектурном наследии Украины памятники оборонительного зодчества — крепости, замки, оборонительные храмы занимают выдающееся место. В течение столетий они главенствовали в застройке больших и малых городов. Замки и крепости отражали вражеские нападения. Средневековое укрепление в Белгород-Днестровском внушало трепет врагам, а сегодня, в наши дни — уважение к строительному искусству древних мастеров. Аккерманская (Белгород-Днестровская) крепость является выдающимся памятником военно-инженерного искусства. Она неоднократно подвергалась нападению. Молдавский гарнизон крепости, городское ополчение в XV веке трижды отразили попытки Османской империи захватить эти стены. И только в 1484 году старейшины города преподнесли султану Баязиду II символические ключи от города и крепости.

Водили под стены крепости свои казачьи отряды и атаманы Е. Дацкевич, И. Покотило, Г. Лобода, И. Сирко. Но крепость оставалась оплотом турецкого господства здесь, в устье Днестра. С историей города связаны три русско-турецкие войны. А в 1806 году крепость была взята российскими войсками герцога Ришелье. По Бухарестскому мирному договору (1812 года) земли Нижнего Приднестровья с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил отошли к Российской империи.

Сегодня средневековая крепость является историко-архитектурным памятником национального значения и привлекает к себе множество туристов. Нам было немало известно об истории этого памятника, и всё же узнали много нового и интересного и в этот раз. Выражаем благодарность сотрудникам музея и, в частности, Тине Михайловне Федосеевой за предоставленную информацию и подаренную литературу.

В Белгород-Днестровский из Затоки мы приезжали несколько раз. Потому что невозможно за один день побывать везде, где хотелось бы. Посе-

тили краеведческий музей с персональной экспозицией живописи Петра Якименко. Именно здесь, в краеведческом музее Белгород-Днестровского разместилась выставка, где нам посчастливилось побывать. Она явилась ценным вкладом в творческие мероприятия, посвящённые Дню города. Сколько тепла, добра и вдохновения унесли мы с собой. И особое светлое настроение. А затем снова на берег Днестровского лимана. К Мемориалу Славы.

23 августа 2013 года здесь отметили 69-ю годовщину освобождения города Белгород-Днестровского от фашистских захватчиков. Склоним головы у обелиска. Здесь наша память о великом подвиге. Мысленно пройдем их нелёгкими дорогами. В августе 1944 года город был освобождён в результате десантной операции через Днестровский лиман. И снова героизм, настойчивость, проявленные, когда строили, сеяли и убрали хлеб. Спасибо за подаренную жизнь. 23 августа 1944 года Москва салютовала 12-ю артиллерийскими залпами из 124 орудий. 9 Мая 1975 года в день 30-летия Великой Победы состоялось открытие Мемориала Славы на берегу Днестровского лимана. Слава вам, солдаты. По традиции к Мемориалу пришли почтить память павших, возложить к могилам цветы воины-десантники города. Второго августа ВДВ отметили свою 83-ю годовщину. Как и в тысячах населённых пунктах бывшего СССР, этот праздник торжественно отметили и в Белгород-Днестровском. В почётном карауле у памятников погибшим стояли лучшие курсанты клуба «Десантник». Всё увиденное оставило незабываемые впечатления. Нет ничего прекраснее человеческого общения. Долгие годы мы с Сергеем собирали книги. Это началось ещё на первом курсе учёбы на филфаке Кишинёвского пединститута им. И. Крянгэ. Поэтому все возможные книжные магазины, развалы в Одессе, Черкассах, Харькове, Симферополе, Судаке и других городах, где бывали, нами посещались. И, конечно, библиотеки. В Белгород-Днестровском есть дом, двери которого широко открыты для всех жителей города. Это библиотека им. А. С. Пушкина. Заведующая библиотекой Оксана Девятка работает в ЦБС уже 25 лет. Бабушка и мама были педагогами и очень хотели, чтобы девушка пошла по их стопам. Но жизнь распорядилась по-другому. Неодобрав нужное количество баллов, Оксана не повторила попытку заняться педагогикой. Стала учиться библиотечному делу. И вот результат: библиотека славится литературно-музыкальными вечерами, в читательских залах всегда многолюдно, интересно. У Оксаны и у других её сотрудников прекрасная профессия. Она

нужна во все времена, детям и взрослым. Журнал «Наше поколение» будет стремиться к укреплению взаимного сотрудничества с культурными учреждениями города Белгород-Днестровского и всего региона, куда так часто приезжают жители Молдовы. Благодарим за интерес к нашему творчеству членов литературной ассоциации «Буджак», за подаренные нам библиотекой книги местного краеведа Владислава Мисюка, Елены Альгиз, Жанны Елизаровой, Наталии Светловой.

В начале 60-х годов, когда библиотекам города присваивали имена писателей, посетивших город, библиотеке было присвоено имя великого русского поэта А. С. Пушкина. Художник очень красочно и эстетично оформил стену, посвящённую Пушкину и его произведениям. Поэтому за всю историю библиотеки особенно большое внимание уделяется пропаганде произведений А. С. Пушкина, литературе о его жизни и творчестве. Нас познакомили с тематическими папками, конкурсами, викторинами, тематической картотекой «А. С. Пушкин». В читальном зале библиотеки увидели постоянно действующую выставку с иллюстрациями, где представлены произведения А. С. Пушкина, работы учащихся детской художественной школы по мотивам сказок поэта.

Сотрудники с гордостью показывали помещения библиотеки, где произведён прекрасный ремонт, и выразили благодарность руководству города, депутатам, Ивану Владимировичу Телеганенко за оказанную помощь. Благодарили и неизменных читателей, которые не только берут здесь книги, но и пополняют фонд из своих запасов. Благодаря победе в программе «Библиомост» библиотеки города и пгт. Сергеевка стали современными, обрели новую жизнь. Теперь они оснащены компьютерным оборудованием, подключены к сети Интернет. Представители библиотек и журналисты юга Украины на очередной встрече выдвинули новые предложения, касающиеся развития библиотек, делились идеями, общались. Пожелаем же им дальнейших успехов в нужной и благородной деятельности.

Находясь в Затоке, мы ежедневно посещали читальный зал библиотеки им. Т. Г. Шевченко. Поселковая библиотека находится по адресу: ул. Приморская №16. В сентябре она отметит своё 60-летие.

Уютный читальный зал и абонемент. После шумных улиц курортного посёлка здесь особо ощущаешь атмосферу храма книги. Всегда есть постоянные читатели и те, кто приехал на отдых и желает познакомиться с предлагаемой литературой. Чувствуется активная жизнь. Заведующая би-

блиотекой Людмила Александровна Мога подолгу беседует с читателями, проявляет к каждому живой интерес. Дома у многих есть Интернет, но он не мешает хранить верность книге.

– Затоковцы любят читать. Особенно, когда схлынет курортный сезон, в длинные зимние вечера заглядывают в нашу «Літературну вітальню», где мы проводим громкие чтения любимых книг, рассказывает Людмила Александровна.

Много лет назад читатели пришли сюда впервые, а сейчас идут с детьми и внуками. В 1953 году строители железнодорожного моста в свободное от работы время построили и подарили посёлку Дом

Свято-Георгиевская церковь(болгарская) 1840 года

культуры, в котором нашлось место для первой библиотеки. Об этом свидетельствует инвентарная книга, в которой первая запись сделана в сентябре 1953 года. Тогда перед началом киносеанса библиотекарь М. Г. Зельцер читала свежие газеты, проводила обзоры художественной и научно-популярной литературы. В 1975-1976 гг. был построен новый кинотеатр «Волна», и Дом культуры вместе с библиотекой переезжает в новое помещение. Фонд пополнился, и поэтому работал только абонемент – помещение было тесным.

– И вот в 1980 году построили нашу замечательную светлую и просторную школу. Левое крыло было отдано библиотеке. Сколько литературных вечеров, весёлых детских праздников книги, детских фантазий было воплощено в спектаклях, утренниках. В 1999 году библиотека переезжает в отдельное здание, перестроенное из «Красного

уголка» железнодорожников. И вот новый адрес: ул. Приморская, 16, где мы живём и по сей день, – рассказывает Л. А. Мога.

Составляя планы работы по пропаганде книги, библиотека всегда координирует их со школой. Это совместные конкурсы чтецов, празднование знаменательных литературных дат. Особенно интересно проходят ежегодные «Шевченківські читання». Библиотекарь школьной и детской библиотеки Роман Викторович Мога оформляет выставки книг, посвящённых поэту: «Вінок великому Кобзарю», «Шляхами великої долі», совместно проводит экскурсии младших школьников в библиотеку им. Т. Г. Шевченко. Сейчас идёт активная подготовка к празднованию 200-летия со дня рождения великого Кобзаря. И как музыка звучит украинский язык.

Людська пам'ять, документи і спогади.

У березневі дні 2014 року виповнюється 200 років від дня народження Тараса Григоровича Шевченка – поета, художника, борника єдності всіх українців. Шевченко брав безпосередню участь у справі народної освіти. Сердечне ставлення до дітей, турботу про їхню долю поет висловив у поезіях «На панщині пшеницю жала», «Мені тринадцятий минало» та багатьох інших. Слово Тараса Шевченка звучить багатьма мовами.

Учителів українського мови і літератури І. В. Мазур, Н. А. Ткаченко, М. Н. Губанова готують цікаву літературно-музичну композицію, присвячену життю і діяльності Т. Г. Шевченка. Керівник театрального кола З. К. Дьяченко разом з учнями покажуть інсценізовані уривки з творів великого поета. На протязі 9 років поселкова бібліотека разом з бібліотекою школи проводять чудовий свято – «Тиждень дитячої та юнацької книги».

Ми ще раз убедились в тому, що книгу не забули, читають і люблять. Школьною і поселковою бібліотекою подарували книги дітям Молдови, журнали «Наше покоління», присвячені дітям статті і роботи вченого, педагога Аурела Маринчука. Не залишили в борг і затоковці. Нам преподнесли книги і фрукти, освящені в церкві в честь свята Преображення Господне, народне названі якого у сходуних славян Яблучний Спас. Він означає настання осені і преображення природи. Прийнято вважати, що ночі після 6 (19) серпня стають набагато холодніше. До Спаса не дозволяється їсти яблука і страви з яблук. А ось в цей день, навпаки, вважається схиляти і освящати яблука і фрукти нового врожаю. І ми з вдячністю прийняли дар.

Релігійне життя України широко представ-

лена вероисповедными направлениями, в рамках которых действует 37 тысяч религиозных организаций. Наиболее многочисленным религиозным объединением является украинская православная церковь, представляющая 94% от всего количества вероисповеданий. Имея тысячелетнюю историю, она сыграла особую роль в становлении самобытной христианской цивилизации, государственности и культуры. Православная вера осталась живой, действенной и актуальной. Народ отметил 1025-летие крещения Киевской Руси.

Сотни жителей города Белгород-Днестровского выразили свою глубоко нравственную позицию, приняв участие в общегородском крестном ходе со святыми мощами великомученика Иоанна Нового Сочавского. Крестный ход начался от въезда в Белгород-Днестровский и прошёл через весь город с посещением Свято-Николаевской церкви, Свято-Вознесенского собора, Свято-Георгиевской церкви, Свято-Иоанна Предтеченской церкви до церкви великомученика Иоанна Нового Сочавского по улице Победы. Крестный ход состоялся по благословению Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Агафангела митрополита Одесского и Измаильского.

Ещё одним светлым моментом стало посещение Всемирного клуба одесситов в Одессе на улице Маразлиевской. С его деятельностью мы знакомы читателя в №3 за 2013 год журнала «Наше поколение». И вот новый проект: на базе существующего курса «Одесса – мой город родной» клубом проведено 68 лекций для 60 школ города. Согласно проведённой работе сделано предложение одесской мэрии о реорганизации курса по изучению истории города. Программа будет значительно дополнена и расширена. Об этом подробно рассказали нам директор клуба Л. М. Рукман и заместитель директора А. Е. Кремер. Мы сделали много фотографий, чтобы поделиться увиденным с членами кишиневского клуба одесситов. Книжная полка насчитывает более 500 наименований книг об Одессе. Нам подарили много номеров газеты «Всемирные одесские новости», альманах «Дерибассовская-Ришельевская», компьютерные издания клуба и студии «Нулевой километр».

Побывав в Украине, везём в Молдову газеты,

журналы, книги. Это стало доброй традицией. И не случайно. Хотим больше знать о жизни этого края. И, как всегда, газета «Торнадо». Она с нами уже не один год. В еженедельнике нужна информация. А деловой характер газеты не мешает уделять внимание культурной жизни города Белгород-Днестровского и района, рассказывать о важных событиях на территории области. Читаем с большим интересом. Спасибо за информационную поддержку, за организацию творческих встреч с интересными людьми – сотрудниками газеты «Торнадо», библиотекарями, научными сотрудниками музеев.

Поездка стала незабываемой. Август, насыщенный датами и событиями. И прошлым, воспоминаниями. Хорошо, что есть память и фотографии 1967, 1968 и других лет. Они для нас сегодня бесценны, а годы пролетели незаметно. Вот и сейчас супруг ушёл пешком по пляжу из Затоки в Сергеевку, где мы когда-то работали и отдыхали. С тех пор здесь многое изменилось. А для нас это было только вчера.

Стоим у прибоя. Пора прощаться. И бросить в воду монетки. До свидания, друзья, знакомые – Люда и Юра, Лиля, Ира. Навестим перед отъездом Аню и Колю. Мы всё знаем друг о друге, как в одесском дворике. Попрощаемся около дома. Он был для нас тёплым и уютным. А шум прибоя навеял поэтические строки.

*Так грустно с Затоккой прощаться –
Здесь много знакомых, друзей,
Но нужно домой возвращаться
К работе и жизни своей.*

*Посёлок красив и приветлив
У ласковой кромки воды,
Рыбачьих лодки и сети,
Ночное сиянье звезды.*

*Вечерний пейзаж и рассветы,
Вдоль берега – корабли.
Как радостно видеть всё это –
Желанный кусочек земли.*

*Мы бросили в воду монеты,
И снова вернёмся сюда,
Где пляж и чудесное лето,
Где лечит морская вода.*

Вячеслав ОВЧЕРЕНКО

1. СОВРЕМЕННЫЙ СЛИВАРЬ:

Почёт сатире – это ПОЧЁТИЩЕ для духа,
а уважение к юмору – это УВАЖУХА.

ДИКТАДУРА – наглый, неизлечимый тиран
со своим диктофоном идёт на таран.

ФАНАТИК – это дневной лунатик.

ГЛАДИАТОР – любовник в отставке как авиатор.

ПЛЕВЬМЕНИ – новобранцы армейские.

ЛОПУХ – х-лоп-уха – пожиратель рыбного супа.

ЛОХОТРОН – лохи со всех сторон,

объединяйтесь под одну из корон.

Пусть правит в мире лохов трон!

ОЛИГАРХАНГЕЛЫ – ангелы во плоти,
от которых не уйти на всём жизненном пути.

ДОЛГО ЦАРИЛА в стране Дрыночная философия,
пока её не сменила рыночная Хилософия.

Бродит по бедной Молдове КУМОВИЗМА призрак
бедовый.

УГОЛЛОВНИК – явившийся из-за угла чужой вра-
тарь в своих воротах.

ФОРМУЛА капитала ожила на глазах
и стала как Тело-Деньги-Товар на весах.

ШАР – как выгодный Шарлатан, что катится в свой
карман.

Наш РАЙ-ЦЕНТР – эту грань стирай,
где живёшь, там для тебя и рай.

Отделу борьбы с наркотиками срочно нужны НАРЫ
с КОТИКАМИ.

РЭПОХА – это катастрофа века бестолкового трё-
па.

Между собой потребление равно на душу населе-
ния.

Только на ЖИВОТ НАСЕЛЕНИЯ вызывает сомнения.

Пророчат всем рай в стране Китай.

На пропасти край столкнут в стране КИДАЙ,
не трогай чужого, своё всё отдай!

Что такое эмиграция в смысле пикантном?

Когда УЕЗЖАНТОВ больше, чем ПРИЕЗЖАНТОВ.

2. ФРАЗЫ:

На родину – дорога короче, чем на чужбины прочие.

ХОХ-МАЧО-2

Люди особые живут на пособие.

А очень обычные живут за наличные!

Давайте искать новые формы, и начинаем с себя
все реформы.

Надо начать воспитание наличности в уважении к
личности.

Если бы деньги были именными, то банкиры
не смогли бы чужие назвать своими, как вампиры.

Память прекрасная и лёгкая ноша,
если не надо помнить о прошлом.

Вышел в люди без пары и вернулся в зоопарк я.

Как море не может быть без волн,
так девушка требует всегда поклон.

Открывая народу горизонт весь,
заслонил поэт собою Солнце здесь.

Волки не кушают своих, а жёны не едят чужих.

Не бывает у девушек тяжёлого поведения
от лёгкого материального положения.

Люди равны между собой – в итоге,
потому что жить без других не могут!

Только крупная рыба ведь не проходит сквозь ры-
бацкую сеть.

Кроме захвата улиц и перевозки тел
у машин есть другая благородная цель.

Бывают тяжёлые времена. Жили вместе муж и
жена.

Где начинается мафия, там кончается биография!

Чтобы иметь миллионера-молодца,
надо выйти замуж за продавца.

Чем веселей с гостями тамада, тем экономней на
свадьбе еда.

Хороший бездельник родится в понедельник.

Голод желаний – слаще сытых обладаний.

Цветы сливаются в поцелуе с цветами.

Языки разделяются как стеной языками.

При нужде обрыдлой и рак станет рыбой.

Милые бранятся, чтобы не кусаться.

Не сотвори себе кумира из верёвки и мыла.

Без денег бродил как беззубый крокодил.

Склероз, говорят, неизличим,
зато с памятью потом – неразличим.

Остановись мгновение чуть, дай нам передохнуть!
Чтобы по цвету врагов различить, надо сначала
всех замочить!

Собака лает, а караван идёт, языка не понимает
идиот.

И хотела бы побыть одинокой мечтательная тучка,
так на небе расшироком таких мокрых – всегда
кучка.

Невозможно сладить с роковой судьбой,
если – богат, умён и хорош собой.

3. ЭПИ- И ХЭППИ-ГРАММЫ:

Очень весёлый бомонд, съешь хоть один лимон!
 Акулу – самую кровожадную хищницу,
 человек ест как яичницу.
 От сексапильных мужчин – польза огромна,
 пилят днём и в ночи доски и брёвна.
 Так и поэт станет как апостол,
 если господь со своим тостом –
 яств полон стол пошлёт ему просто.
 Судьи очень часто посещают баню.
 Видно, грязное дело – по их призванию.
 Женщины всегда как редкий аппендицит строят из
 себя везде дефицит.
 Человек человеку – друг и товарищ,
 пока не делят наслаждения пожарищ.
 Все женщины – полигамны, если путаться у них
 под ногами.
 Где родился, там не пригодился, потому и женил-
 ся.
 Если в гаремах не делается перекличка,
 то там произойдёт полная обезличка.
 Лучше во рту водка «Абсолют»,
 чем в небе праздничный салют.
 Стадо оленей сбилось среди тундры в кучу,
 избрать единорожно своим президентом чукчу.
 Дураками не рождаются от жары или мороза,
 их получают после астрологического прогноза.
 Изю всех бабушек и баб – самая добрая люля-ке-
 баб.
 Все чего-то хотят на Руси,
 но не знают, как попросить!
 Нашёл свою вторую половинку
 и сложились в грустную картинку.
 Совесть как сжатая пружина, когда-то выскочит от
 нажима.
 ГУМАНИСТ – ПОКА СЫТЫЙ ЛИС!
 – Ну, не могу я есть, хоть убей! –
 сказал лис про сырых голубей.
 – Я гуманист, а не злодей.
 Тем более что – сыт от костей.
 ГРЕЧАНЫЙ ГРЕК
 Поплыл грек через речку
 на тот берег поесть гречку
 и поставить русским свечку.

4. АНЕКДОТИК:

В каждом зоопарке с едою запарки:
 всегда недоставало нужного персонала.

Ни одна умная морда не может говорить от имени
 народа!
 Господи, послушай, если ты существуешь,
 спаси мою душу, если она существует!
 Хочу потерять свой вес, а он находит меня как бес.
 Ну не хочет человек стать обезьяной.
 Или те не хотят принимать самозванных?
 Так переживал за других, что всех пережил их.
 Победивший злого дракона принц
 получает полцарства и невесту.
 Но победивший одну невесту
 получит царство дракона на приз!
 Фермер хотел уйти в отпуск хоть раз,
 но кабан не подписывал приказ.
 Чужая жизнь – потёмки из-за угла,
 но «фонарём» под глазом осветиться смогла.
 При виде красавицы без одежды
 хочется натянуть на себя последние надежды.
 Депутаты завершили без драк и сатиры
 сессию впервые общим хакари.
 Пока доедал последний вареник,
 на первом уже сидел на коленях.
 Верно Чапаев, Петька и Анка решили не вылезать
 из танка,
 только дураки революцию защищают без под-
 держки банка.
 Борьба с коррупцией не проиграна на баррикадах,
 по обе стороны стоят небедные люди в бригадах.
 Услуга в моде сейчас – собутыльник на час,
 противоинтернетный сеанс для народных масс.
 Искал философский камень, но на этот раз
 нашёл к несчастью только алмаз...
 Потерял, что нашёл. Что ж мне так нехорошо?
 ХОТЕЛ ФИРМУ СВОЮ ЗАКРЫТЬ БАНКРОТ,
 однако приятель его застопорил.
 Пустить решил на другой оборот,
 но кадры – тормоз, будто кто подговорил.
 На работу без оплаты все ходят как штык.
 Тогда решил с них брать плату за вход.
 Всё равно прутся, даже приносят шашлык.
 Добавил плату за выход вперёд,
 тут бы понял давно и друг степей калмык,
 но старых кадров испуг не берёт.
 Им фирмача обмануть удалось на деле,
 и в офисе сидели они по неделе...
 Улыбнись, кому-то напомни о подарке,
 и тебя полюбят даже в зоопарке!

13.09.2013г. на площадке Российского центра науки и культуры в г.Кишиневе состоялась видеоконференция с представителями уполномоченных органов исполнительной власти ответственных за реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Тверскую область соотечественников, проживающих за рубежом. На указанном мероприятии присутствовали:

– сотрудники консульского отдела Посольства России в Молдавии – **Диков Илья Сергеевич, Филимонова Елена Леонардовна;**

– **представители общественных организаций соотечественников (русские общины Республики Молдовы);**

– **соотечественники (потенциальные участники Госпрограммы).**

В ходе мероприятия представители уполномоченных органов исполнительной власти Тверской области подробно рассказали о ходе реализации Государственной целевой программы переселения соотечественников в Тверскую область.

Утверждена новая редакция Государственной программы «Соотечественники»

14 сентября 2012 года Президентом Российской Федерации

Владимиром Путиным подписан Указ № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», содержащий новую редакцию Государственной программы.

С изданием упомянутого Указа Президента Российской Федерации Государственная программа стала бессрочной. Кроме того, в программу включены следующие основные новации:

1. Уточнен понятийный аппарат Государственной программы, в частности, определен круг членов семьи участника Государственной программы, к которому помимо супругов и их детей (в том числе усыновленных), а также родителей участника Госпрограммы, отнесены дети супруги (супруга) участника Государственной программы, родители супруги (супруга) участника Государственной программы, родные братья/сестры участника Госпрограммы и его супруги (супруга), дети родных сестер и братьев участника Государственной программы и его супруги (супруга), бабушки, дедушки, внуки. Кроме того, расширено понятие «территория вселения». Теперь прием соотечественников может осуществляться не только на части субъекта Российской Федерации, участвующего в выполнении Госпрограммы, но и на всей его территории.

2. Изменена категоричность территорий вселения. Вместо существующих сейчас трех типов («А», «Б» и «В») выделены «территории приоритетного заселения» и все остальные «территории вселения». Предполагается, что для территорий приоритетного заселения Правительством Российской Федерации и региональными органами власти будет определен больший размер государственных гарантий и мер социальной поддержки участников Госпрограммы и членов их семей.

3. Расширены каналы вхождения в Государственную программу – возможность переехать в Россию по Госпрограмме получили не только соотечественники, планирующие устроиться на определенную вакансию, но также те из них, кто планирует продолжить свое образование, заниматься бизнесом, сельскохозяйственной деятельностью и агропромышленным производством, вести личное подсобное хозяйство либо осуществлять иную не запрещенную российским законодательством деятельность.

4. Предусмотрен новый порядок работы со свидетельством участника Государственной программы. Свидетельство будет выдаваться на 3 года, при этом в определенных Государственной программой случаях в выдаче свидетельства может быть отказано, а выданное свидетельство – аннулировано.

5. Конкретные мероприятия по реализации Государственной программы и ее финансированию будут утверждаться Правительством Российской Федерации на каждый трехлетний период.

В целях реализации возможностей, заложенных в новой редакции Государственной программы, ФМС России и Минрегионом России проводится работа по внесению изменений в целый ряд постановлений Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов ведомственного уровня.

Кроме того, в развитие Государственной программы субъектами Российской Федерации, которые будут осуществлять прием соотечественников с 2013 года, будут утверждаться новые региональные программы переселения.

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом

I. Общие положения

1. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Государственная программа), направлена на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития российских регионов.

2. Государственной программой дополняется система мер, направленных на стабилизацию численности населения Российской Федерации, в первую очередь на территориях, стратегически важных для России.

3. Содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – соотечественники), является одним из направлений решения демографической проблемы. Воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком и не желающие терять связь с Россией соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей принимающего сообщества.

4. В Государственной программе обеспечивается комплексный подход к решению вопросов оказания содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию и межотраслевой координации, получения возможности осознанного выбора соотечественниками мест своего будущего проживания, работы, обучения с учетом социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, объемов государственных гарантий и социальной поддержки, которые предоставляются переселенцу в зависимости от выбранной территории вселения.

5. Основными принципами оказания содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию являются:

- а) добровольность участия соотечественников в Государственной программе;
- б) финансовая обеспеченность мероприятий, предусмотренных Государственной программой, сочетание безвозвратного и возвратного принципов социально-экономической поддержки участников Государственной программы (переселенцев);
- в) обеспечение баланса интересов переселенцев, принимающего сообщества, Российской Федерации в целом и ее субъектов, органов местного самоуправления, а также предпринимателей;
- г) приоритет мер социально-экономического стимулирования, определяющих рамочные условия и характер переселения, а также направленность этого процесса;
- д) адресность государственных гарантий и социальной поддержки, обусловленность их предоставления соблюдением участниками Государственной программы условий участия в ней и социально-экономическими характеристиками субъектов Российской Федерации, разрабатывающих региональные программы оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников;
- е) взаимосвязь содержания мероприятий, предусмотренных Государственной программой, с задачами государственного, социально-экономического, культурного и национального развития Российской Федерации в целом и ее субъектов;
- ж) доступность информации об условиях участия в Государственной программе, правах и обязательствах участников Государственной программы, объемах государственных гарантий и социальной поддержки, а также о социально-экономических характеристиках территорий, предлагаемых для переселения.

II. Основные понятия

6. В Государственной программе используются следующие основные понятия:

- а) соотечественник – лицо, определенное Федеральным законом от 24 мая 1999 г. N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»;
- б) участник Государственной программы – соотечественник, достигший возраста 18 лет, обладающий дееспособностью и соответствующий требованиям, установленным Государственной программой. Подтверждением участия соотечественника в Государственной программе является свидетельство участника Государственной программы установленного Правительством Российской Федерации образца;
- в) член семьи участника Государственной программы – лицо, переселяющееся совместно с участником

ком Государственной программы на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. К членам семьи участника Государственной программы относятся:

супруга (супруг);

дети, в том числе усыновленные или находящиеся под опекой (попечительством);

дети супруги (супруга) участника Государственной программы;

родители участника Государственной программы и его супруги (супруга), родные сестры и братья участника Государственной программы и его супруги (супруга);

дети родных сестер и братьев участника Государственной программы и его супруги (супруга), в том числе усыновленные или находящиеся под опекой (попечительством), бабушки, дедушки, внуки. Совершеннолетний член семьи участника Государственной программы, за исключением его супруги (супруга), имеет право самостоятельно участвовать в Государственной программе;

г) иностранный гражданин – термин, включающий в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда нормативными правовыми актами для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан;

д) региональная программа переселения – долгосрочная целевая программа, утверждаемая субъектом Российской Федерации по согласованию с Правительством Российской Федерации, направленная на оказание содействия приему и обустройству участников Государственной программы и членов их семей и осуществляемая при государственной поддержке, предоставляемой в рамках Государственной программы;

е) проект переселения – подпрограмма региональной программы переселения. В проекте переселения указываются территории вселения, а также дополнительные гарантии и меры, направленные на обустройство и обеспечение жизнедеятельности участников Государственной программы и членов их семей, финансируемые за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, помимо предусмотренных в разделе IV Государственной программы;

ж) территория вселения – территория субъекта Российской Федерации или ее часть, куда целенаправленно привлекаются участники Государственной программы в рамках реализации проектов переселения;

з) территория приоритетного заселения – стратегически важная для Российской Федерации территория вселения. Порядок присвоения территориям Российской Федерации статуса «территория приоритетного заселения», а также их перечень определяются Правительством Российской Федерации;

и) подъемные – пособие на обустройство участников Государственной программы – денежные выплаты, предоставляемые участнику Государственной программы и членам его семьи после переезда для обустройства. Порядок выплаты подъемных определяется Правительством Российской Федерации.

III. Цели и задачи Государственной программы

7. Целями Государственной программы являются:

а) стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников на постоянное место жительства в Российскую Федерацию;

б) содействие социально-экономическому развитию регионов;

в) решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения.

8. Для достижения поставленных целей необходимо решение следующих задач:

а) создание политических, социально-экономических, организационных условий, включая обеспечение необходимого информационного сопровождения, способствующих переезду соотечественников в Российскую Федерацию на постоянное место жительства и скорейшему их включению в устойчивые позитивные социальные связи принимающего сообщества;

б) нормативно-правовое регулирование процесса добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию в рамках Государственной программы в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами;

в) формирование механизмов организации добровольного переселения в Российскую Федерацию;

г) осуществление мониторинга состава возможных участников Государственной программы, хода их переселения и обустройства на территории Российской Федерации, социального и медицинского обеспечения;

д) разработка региональных программ переселения и проектов переселения;

е) создание условий институтам гражданского общества для содействия в реализации Государственной программы;

ж) обеспечение действенного государственного и общественного контроля за процессом переселения, соблюдением прав переселенцев, выполнением ими взятых на себя обязательств и выполнением обязательств Российской Федерации.

IV. Реализация и финансирование Государственной программы

9. Государственная программа реализуется в соответствии с планом мероприятий по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утверждаемым Правительством Российской Федерации на 3-летний период, и включает в себя:

- а) правовое обеспечение Государственной программы;
- б) организационно-управленческие мероприятия по реализации Государственной программы;
- в) аналитическое и методическое обеспечение реализации Государственной программы;
- г) информационное обеспечение реализации Государственной программы;
- д) анализ и оценку результатов, получаемых в ходе реализации Государственной программы в соответствии с установленными критериями оценки эффективности реализации Государственной программы;
- е) объем средств федерального бюджета, необходимых для обеспечения мероприятий по реализации Государственной программы;
- ж) целевые показатели;
- з) критерии оценки эффективности реализации Государственной программы, устанавливаемые Правительством Российской Федерации с учетом социально-экономической ситуации и ресурсного обеспечения Государственной программы.

10. Финансовое обеспечение мероприятий по реализации Государственной программы осуществляется за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также финансового участия юридических и физических лиц.

11. К финансовому обеспечению мероприятий в рамках региональных программ переселения в форме государственно-частного партнерства могут привлекаться юридические и физические лица.

12. Формирование бюджетных обязательств в целях реализации Государственной программы осуществляется на основе разграничения полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, предусмотренного законодательством Российской Федерации.

V. Участие соотечественников в Государственной программе

13. Решение об участии в Государственной программе принимается соотечественником добровольно на основе осознанного выбора им места проживания, работы и (или) учебы и реализации своих потенциальных трудовых, образовательных, творческих и иных возможностей на территории Российской Федерации.

14. Участник Государственной программы и члены его семьи при переселении на постоянное место жительства в Российскую Федерацию имеют право:

- а) осуществлять трудовую деятельность в качестве наемного работника;
- б) получать профессиональное образование, в том числе послевузовское и дополнительное образование;
- в) заниматься инвестиционной и предпринимательской деятельностью, в том числе без образования юридического лица и без создания новых рабочих мест;
- г) заниматься сельскохозяйственной деятельностью и агропромышленным производством;
- д) вести личное подсобное хозяйство;
- е) заниматься иной не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельностью.

15. Решение соотечественника об участии в Государственной программе оформляется путем подачи им личного заявления в уполномоченный орган в стране своего постоянного проживания. Соотечественник и члены его семьи, совместно переселяющиеся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, в установленном порядке представляют необходимые сведения. Форма заявления об участии в Государственной программе, перечень сведений, которые должны содержаться в нем, и перечень документов, прилагаемых к заявлению, утверждаются Правительством Российской Федерации. Одновременно указанные лица подают в установленном порядке заявление о выдаче разрешения на временное проживание.

16. Соотечественник, являющийся иностранным гражданином, постоянно или временно проживающий на законном основании на территории Российской Федерации, вправе подать заявление об участии в Государственной программе и получить на территории Российской Федерации свидетельство участника

Государственной программы.

17. Решения о выдаче, отказе в выдаче или аннулировании свидетельства участника Государственной программы принимаются территориальными органами Федеральной миграционной службы по субъектам Российской Федерации, в которых реализуется соответствующая региональная программа переселения, с учетом решения уполномоченного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, ответственного за реализацию соответствующей региональной программы переселения.

18. Участнику Государственной программы выдается свидетельство установленного Правительством Российской Федерации образца сроком на три года. По истечении срока действия свидетельства соотечественник теряет статус участника Государственной программы, а члены его семьи, указанные в свидетельстве, – статус членов семьи участника Государственной программы.

19. Участник Государственной программы и члены его семьи имеют право:

а) на освобождение от уплаты таможенных платежей в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза;

б) на получение разрешения на временное проживание вне квот, вида на жительство, а также на приобретение гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации о гражданстве Российской Федерации;

в) на получение дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, а также начального, среднего, высшего и послевузовского профессионального образования, дополнительного профессионального образования;

г) на получение медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации;

д) на предоставление мест в учреждениях социального обслуживания населения и оказания иных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании граждан;

е) на получение услуг в области содействия занятости населения в части содействия в поиске подходящей работы, организации профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, организации проведения оплачиваемых общественных работ, ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, информирования о положении на рынке труда в субъекте Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

20. Участник Государственной программы и члены его семьи имеют право на получение государственных гарантий и социальной поддержки в зависимости от выбранной территории вселения, в том числе:

а) на компенсацию за счет средств федерального бюджета расходов на переезд к будущему месту проживания, включая оплату проезда и провоз личных вещей в соответствии с разделом VII Государственной программы;

б) на компенсацию за счет средств федерального бюджета расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации;

в) на получение за счет средств федерального бюджета подъемных;

г) на получение за счет средств федерального бюджета ежемесячного пособия при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельности в период до приобретения гражданства Российской Федерации (но не более чем в течение шести месяцев). Размер пособия определяется с учетом прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации.

21. Участнику Государственной программы и членам его семьи, переселяющимся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию на территории приоритетного заселения, государственные гарантии и социальная поддержка, указанные в настоящем разделе, предоставляются в полном объеме.

22. Участнику Государственной программы и членам его семьи, переселяющимся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию на территории, не относящиеся к территориям приоритетного заселения, предоставляются указанные в настоящем разделе государственные гарантии и социальная поддержка, за исключением ежемесячного пособия, выплачиваемого при отсутствии дохода от трудовой, предпринимательской и иной не запрещенной законодательством Российской Федерации деятельности.

23. Размер государственных гарантий и порядок их предоставления утверждаются Правительством Российской Федерации.

24. Субъект Российской Федерации вправе участвовать в субсидировании жилищных расходов участников Государственной программы и предусматривать в региональных программах переселения иные

гарантии и меры, направленные на обустройство и обеспечение жизнедеятельности, в том числе социальной поддержки, медицинского обеспечения, решения вопросов занятости участников Государственной программы и членов их семей.

25. Свидетельство участника Государственной программы не выдается, ранее выданное свидетельство участника Государственной программы аннулируется и статус члена семьи участника Государственной программы, вписанного в заявление о выдаче свидетельства, утрачивается в случае, если соотечественник (член его семьи):

а) выступает за насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, иными действиями создает угрозу безопасности Российской Федерации или граждан Российской Федерации;

б) финансирует, планирует террористические (экстремистские) акты, оказывает содействие в совершении таких актов или совершает их, а равно иными действиями поддерживает террористическую (экстремистскую) деятельность;

в) в течение пяти лет, предшествовавших дню подачи заявления о выдаче свидетельства участника Государственной программы, подвергался административному выдворению за пределы Российской Федерации либо депортации;

г) представляет поддельные или подложные документы либо сообщает о себе заведомо ложные сведения;

д) осужден вступившим в законную силу приговором суда Российской Федерации за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления, рецидив которого признан опасным;

е) имеет непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления на территории Российской Федерации либо за ее пределами, признаваемого таковым в соответствии с федеральным законом;

ж) неоднократно (два и более раза) в течение одного года привлекался к административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации в части обеспечения режима пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации либо совершил административное правонарушение, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры;

з) выехал из Российской Федерации в иностранное государство для постоянного проживания;

и) находится за пределами Российской Федерации более шести месяцев.

26. Помимо указанных в пункте 25 Государственной программы случаев, свидетельство участника Государственной программы не выдается, ранее выданное свидетельство участника Государственной программы аннулируется и статус члена семьи участника Государственной программы, вписанного в заявление о выдаче свидетельства, утрачивается в случае принятия в установленном порядке решения:

а) о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации;

б) об административном выдворении иностранного гражданина из Российской Федерации.

27. Соотечественнику, не соответствующему требованиям региональной программы переселения субъекта Российской Федерации, избранного соотечественником для переселения, свидетельство участника Государственной программы не выдается и ранее выданное свидетельство участника государственной программы аннулируется.

28. В случае аннулирования свидетельства участника Государственной программы соотечественник теряет статус участника Государственной программы, а члены его семьи – статус членов семьи участника Государственной программы.

29. Аннулирование свидетельства участника Государственной программы, добровольный отказ от статуса участника Государственной программы или от статуса члена семьи участника Государственной программы, а также выезд участника Государственной программы и (или) членов его семьи на постоянное место жительства из субъекта Российской Федерации, определенного свидетельством участника Государственной программы, ранее чем через два года со дня въезда на территорию Российской Федерации влечет за собой взыскание понесенных государством затрат, связанных с выплатой подъемных, компенсацией транспортных расходов, а также расходов, связанных с оформлением документов, определяющих правовой статус на территории Российской Федерации, в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

30. Соотечественник вправе добровольно отказаться от статуса участника Государственной программы или от статуса члена семьи участника Государственной программы.

VI. Организация работы с соотечественниками за рубежом

31. В целях создания благоприятных условий для осознанной реализации соотечественниками права на добровольное переселение в Российскую Федерацию в рамках и на условиях Государственной программы им должна быть предоставлена полная информация:

а) о содержании Государственной программы, условиях переселения, необходимых административных процедурах, правах и обязательствах участников Государственной программы;

б) о мерах социальной поддержки, в том числе установленных для отдельных категорий граждан, медицинском обеспечении, жилищном обустройстве, размерах предоставляемых гарантий и компенсаций;

в) о возможности ведения предпринимательской деятельности и о мерах ее государственной поддержки в Российской Федерации, о программах поддержки и развития малого бизнеса и предпринимательства, реализуемых в субъектах Российской Федерации;

г) о территориях вселения, где для потенциальных участников Государственной программы в соответствии с их специальностью и квалификацией имеются наиболее благоприятные возможности приложения их труда;

д) о возможностях трудоустройства участников Государственной программы и членов их семей на территории вселения;

е) о возможностях получения (продолжения) общего образования, начального, среднего, высшего и послевузовского профессионального образования, а также профессиональной подготовки и дополнительного образования.

32. Для реализации пункта 31 Государственной программы ее координатором совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации формируется официальный информационный пакет о Государственной программе, комплекты информационных материалов о проектах переселения. Координатор Государственной программы размещает данную информацию в полном объеме в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на соответствующих информационных ресурсах, а также обеспечивает издание и распространение буклетов и брошюр.

33. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в рамках своих полномочий осуществляют оценку:

а) уровня обеспеченности трудовыми ресурсами отдельных территорий;

б) возможности трудоустройства участников Государственной программы и членов их семей в субъектах Российской Федерации, включая занятия предпринимательской, сельскохозяйственной деятельностью или агропромышленным производством;

в) возможности получения профессионального образования, в том числе послевузовского и дополнительного образования;

г) возможности оказания социальной поддержки, временного и постоянного жилищного обустройства участников Государственной программы и членов их семей.

34. Указанная в пункте 33 Государственной программы информация размещается на информационном ресурсе, поддержку и развитие которого осуществляет Министерство регионального развития Российской Федерации.

35. Распространение за рубежом официального информационного пакета, доведение до сведения заинтересованных потенциальных участников Государственной программы информации о региональных программах переселения и данных из информационного ресурса возлагаются на представительства или представителей Федеральной миграционной службы за рубежом, временные группы, создаваемые из числа специалистов Федеральной миграционной службы, Министерства иностранных дел Российской Федерации и других заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, командируемых в дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации, и Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. В случае их отсутствия в иностранных государствах осуществление указанных функций возлагается на дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации.

36. Сведения о Государственной программе обнародуются в российских и зарубежных печатных и электронных средствах массовой информации, направляются для распространения в российские центры

науки и культуры в иностранных государствах, а также предоставляются в распоряжение заинтересованных российских неправительственных организаций и общественных объединений соотечественников за рубежом.

37. Функции по учету желающих добровольно выехать в Российскую Федерацию для постоянного проживания, углубленному разъяснению содержания Государственной программы и предоставляемых в ее рамках возможностей, содействию соотечественникам в выборе оптимального варианта переселения, подготовке их регистрации в качестве участников Государственной программы и проведению иных мероприятий, обеспечивающих их переселение в Российскую Федерацию, осуществляются представительствами или представителями Федеральной миграционной службы за рубежом, дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Российской Федерации, временными группами, названными в пункте 35 Государственной программы.

38. В отношении соотечественников, являющихся иностранными гражданами, постоянно или временно проживающими на законном основании на территории Российской Федерации, функции по учету, углубленному разъяснению содержания Государственной программы и предоставляемых в ее рамках возможностей, приему заявлений об участии в Государственной программе, оформлению свидетельства участника Государственной программы и проведению иных мероприятий осуществляются территориальными органами Федеральной миграционной службы по субъектам Российской Федерации, в которых реализуется соответствующая региональная программа переселения, в случае обращения указанных соотечественников в такие территориальные органы Федеральной миграционной службы.

39. Участнику Государственной программы и членам его семьи оформляются необходимые документы для переезда в Российскую Федерацию, в том числе свидетельство участника Государственной программы установленного образца.

VII. Организация переезда участников Государственной программы в Российскую Федерацию

40. В целях содействия добровольному переселению соотечественников при переезде участника Государственной программы и членов его семьи в Российскую Федерацию на постоянное место жительства Российская Федерация компенсирует расходы участника Государственной программы и членов его семьи на оформление визы, переезд и провоз личного имущества от места постоянного проживания на территории иностранного государства до места постановки на учет по месту пребывания (для иностранных граждан) либо регистрации по месту пребывания (для граждан Российской Федерации) в субъекте Российской Федерации.

41. В случае если участник Государственной программы получил свидетельство участника Государственной программы на территории Российской Федерации, компенсации подлежат его расходы на провоз личного имущества и при необходимости проезд от места постоянного проживания на территории иностранного государства до территории вселения в субъекте Российской Федерации.

42. Членам семьи участника Государственной программы, получившего свидетельство участника Государственной программы на территории Российской Федерации, компенсируются расходы на оформление визы, переезд и провоз личного имущества, включая транспортные средства, от места их постоянного проживания на территории иностранного государства до места постановки на учет по месту пребывания (для иностранных граждан) либо регистрации по месту пребывания (для граждан Российской Федерации) в субъекте Российской Федерации, выбранном для переселения участником Государственной программы.

43. Компенсация расходов осуществляется при условии использования участниками Государственной программы регулярных маршрутов грузовых и пассажирских перевозок.

44. Участник Государственной программы и члены его семьи, переселяющиеся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, при ввозе товаров для личного пользования, включая транспортные средства, освобождаются от уплаты таможенных платежей в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза.

45. Порядок и условия компенсации расходов на переезд и провоз личного имущества определяются Правительством Российской Федерации.

46. Документом, подтверждающим право переселенца на ввоз личного имущества через государственную границу Российской Федерации на указанных условиях, является свидетельство участника Государственной программы. Его копия прилагается к товарно-транспортной документации на груз и предъявляется перевозчиком при ввозе груза на территорию Российской Федерации.

VIII. Организация работы на территории Российской Федерации

47. Субъектами Российской Федерации разрабатываются региональные программы переселения, в рамках которых организуется работа с участниками Государственной программы и членами их семей.

48. Участники Государственной программы осуществляют добровольный выбор территории вселения с учетом предоставляемых в рамках Государственной программы и региональных программ переселения гарантий, социальной поддержки, а также условий проживания.

49. Региональные программы переселения согласовываются Правительством Российской Федерации при условии, что их реализация не приведет к нарушению трудовых и иных законных прав граждан, проживающих в соответствующем субъекте Российской Федерации.

50. Порядок согласования региональных программ переселения определяется Правительством Российской Федерации.

51. Методическое обеспечение разработки региональных программ переселения осуществляется Министерством регионального развития Российской Федерации.

52. В региональной программе переселения отражаются:

а) уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, ответственный за реализацию программы;

б) методы и формы контроля за реализацией программы;

в) порядок взаимодействия уполномоченного органа и иных органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, участвующих в реализации программы, с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти;

г) порядок приобретения (получения) земельных участков;

д) перечень нормативных правовых актов, принимаемых субъектом Российской Федерации в целях реализации программы;

е) анализ и оценка результатов, получаемых в ходе реализации программы, в соответствии с критериями оценки эффективности реализации программы, установленными Министерством регионального развития Российской Федерации с учетом социально-экономической ситуации и ресурсного обеспечения Государственной программы;

ж) программные мероприятия, финансируемые за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, в том числе:

по предоставлению информационных, консультационных, в том числе юридических, и других услуг;

по содействию в трудоустройстве и занятости участников Государственной программы и жилищному обустройству их семей;

по выделению переселенцам жилых помещений для временного размещения на срок не менее шести месяцев;

по социальному обеспечению и оказанию медицинской помощи участникам Государственной программы и членам их семей;

по информированию потенциальных участников Государственной программы.

53. В проекте региональной программы переселения субъект Российской Федерации при необходимости указывает на целесообразность формирования центров временного размещения, определяет порядок их создания (включая возможность использования существующих помещений, их переоборудование) и финансирования.

54. Для софинансирования расходов бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию региональных программ переселения за счет средств федерального бюджета субъектам Российской Федерации предоставляется государственная поддержка в виде субсидий из федерального бюджета в соответствии со сводной бюджетной росписью федерального бюджета в пределах утвержденных лимитов бюджетных обязательств на указанные цели. Правила предоставления субсидий утверждаются Правительством Российской Федерации.

55. В случае отсутствия потребности экономики субъекта Российской Федерации в переселенцах и отсутствия у субъекта Российской Федерации возможности по их приему и обустройству, а также при наличии рисков реализации региональной программы переселения Правительство Российской Федерации вправе принять решение об отсрочке разработки этим субъектом Российской Федерации проекта региональной программы переселения на основании мотивированного обращения высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации.

56. Организация работы на территориях вселения осуществляется:

а) территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, ответственными за реализацию государственной политики в соответствующих сферах деятельности;

б) уполномоченным органом субъекта Российской Федерации в рамках региональных программ переселения.

57. В соответствии с включенными в региональную программу переселения мероприятиями уполномоченный орган субъекта Российской Федерации организует работу по приему, размещению, обустройству участников Государственной программы и членов их семей, в том числе по жилищному обустройству, социальной поддержке, оказанию медицинской помощи, решению вопросов занятости и образования, содействию интеграции переселенцев, а также по мониторингу реализации региональной программы переселения, предупреждению и снижению рисков ее реализации.

IX. Управление реализацией Государственной программы и контроль за ходом ее выполнения

58. Организация управления реализацией Государственной программы осуществляется Межведомственной комиссией по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Межведомственная комиссия).

59. В целях обеспечения эффективной реализации Государственной программы оперативная координация действий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации Государственной программы, осуществляется координатором Государственной программы – Федеральной миграционной службой.

60. Координатор Государственной программы несет ответственность за выполнение обязательств Российской Федерации, предусмотренных Государственной программой, осуществляет в рамках своей компетенции контроль за целевым расходованием средств федерального бюджета, направляемых на ее реализацию, вносит в Межведомственную комиссию предложения по уточнению программных мероприятий и корректировке показателей и индикаторов Государственной программы с учетом хода реализации Государственной программы.

61. Исполнителями Государственной программы по вопросам, отнесенным к их компетенции, являются федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

62. В целях информационно-аналитического обеспечения управления реализацией Государственной программы координатор Государственной программы:

а) осуществляет поддержку и наполнение единого централизованного информационного ресурса (банка данных), в котором отражается информация о каждом участнике Государственной программы и членах его семьи на каждой из стадий переселения (подача заявления, получение свидетельства участника Государственной программы, пересечение государственной границы Российской Федерации, прибытие на территорию вселения, получение разрешения на временное проживание, вида на жительство, приобретение гражданства Российской Федерации), а также о выплаченных компенсациях;

б) формирует и распространяет официальный информационный пакет о Государственной программе, в том числе путем сопровождения и обновления соответствующего сайта в сети «Интернет»;

в) организует и проводит в субъектах Российской Федерации мониторинг реализации Государственной программы.

63. Координатор Государственной программы с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и иных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации ежегодно подготавливает доклад о ходе реализации Государственной программы в истекшем году.

64. Высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации включают сведения о реализации Государственной программы в доклад о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации за отчетный год и их планируемых значениях на 3-летний период.

65. Контроль за реализацией Государственной программы осуществляется Межведомственной комиссией и координатором Государственной программы.

66. По приглашению председателя Межведомственной комиссии высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации или его заместитель докладывает на заседаниях Межведомственной комиссии о ходе реализации региональ-

ных программ переселения.

67. Целевое расходование средств федерального бюджета на реализацию Государственной программы обеспечивается путем осуществления государственного финансового контроля в рамках законодательства Российской Федерации, а также проведения независимых аудиторских проверок и осуществления общественного контроля.

68. Контроль за реализацией региональных программ переселения и проектов переселения осуществляется высшими должностными лицами (руководителями высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Список субъектов принимающих участие в Государственной программе переселения в Российскую Федерацию.

Дальневосточный федеральный округ:

Сахалинская область;
Амурская область.

Сибирский федеральный округ:

Республика Бурятия;
Забайкальский край;
Кемеровская область;
Новосибирская область;
Красноярский край;
Алтайский край;
Омская область.

Уральский федеральный округ:

Челябинская область;
Свердловская область;

Ямало-Ненецкий автономный округ:

Курганская область;
Тюменская область.

Северо-западный федеральный округ:

Архангельская область;
Псковская область.

Приволжский федеральный округ:

Пензенская область;
Саратовская область;
Республика Мордовия.

Южный федеральный округ:

Волгоградская область.

Центральный федеральный округ:

Костромская область,
Смоленская область,
Воронежская область,
Калужская область,
Липецкая область,
Тамбовская область,
Курская область,
Тульская область.